

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

На правах рукописи

МОРОДЕНКО Евгения Васильевна

**ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА
В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ**

19.00.05 – Социальная психология

Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель –

доктор психологических наук, профессор

Козлов Владимир Васильевич

Ярославль - 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ.	14
1.1. АДАПТАЦИЯ И ЕЕ ПОНИМАНИЕ В КОНТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ.	17
1.2. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, РОЛЬ, САМОСОЗНАНИЕ И «Я»-ОБРАЗ КАК АДАПТИВНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	44
ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ	57
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОПИСАНИЕ МЕТОДИК, ПРОЦЕДУРЫ ПРОВЕДЕНИЯ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ЭТАПОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ	67
2.1. КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ	67
2.1.1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	72
2.2. ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫБОРКИ ИСПЫТУЕМЫХ, ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ	75
2.2.1. ПРОБЛЕМНЫЕ СФЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	81
2.3. ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ И УСЛОВИЯ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ	91
2.3.1. ОБЩИЙ ПЛАН И ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.	102
ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ	105
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПЕРЕХОДНЫЕ ПЕРИОДЫ (ПОСТУПЛЕНИЕ В ВУЗ, ОКОНЧАНИЕ ВУЗА, ПЕРВИЧНОЕ ТРУДОУСТРОЙСТВО) И КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ	109

3.1. ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ И ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ СРЕДНЕГО И СРЕДНЕСПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.	109
3.1.1. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПЫТУЕМЫХ, ВХОДЯЩИХ В ГРУППЫ ИССЛЕДОВАНИЯ «ДОВУЗОВСКОГО» БЛОКА.	109
3.1.2. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУПП «ДОВУЗОВСКОГО» БЛОКА.....	110
3.2. ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ У СТУДЕНТОВ И КУРСАНТОВ В ПЕРИОД НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	Ошибк
3.1.1. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПЫТУЕМЫХ, ВХОДЯЩИХ В ГРУППЫ ИССЛЕДОВАНИЯ «ВУЗОВСКОГО» БЛОКА.....	127
3.2.2. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУПП «ВУЗОВСКОГО» БЛОКА.	129
3.3. АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ МОЛОДЫХ ЧЛЕНОВ КОЛЛЕКТИВА, КАК ИТОГОВОГО ПОКАЗАТЕЛЯ АДАПТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ТРУДОУСТРОЙСТВА	138
3.3.1. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПЫТУЕМЫХ, ВХОДЯЩИХ В ГРУППЫ ИССЛЕДОВАНИЯ «ПОСЛЕВУЗОВСКОГО» БЛОКА.	138
3.3.2. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУПП «ПОСЛЕВУЗОВСКОГО» БЛОКА.....	141
3.4. ВЫВОДЫ ПО 3 ГЛАВЕ	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
БИБЛИОГРАФИЯ.....	167

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. На рубеже XX-XXI вв. в системе общего психологического знания в целом и социальной психологии личности, в частности, произошли существенные концептуальные изменения, в том числе и в социально-психологической теории адаптации человека.

В практическом плане аспекты адаптации, несмотря на значимость проблемы, рассматривались неравнозначно, и особенно это видно при анализе процессов социальной сферы в двух переходных периодах: окончание школы – поступление в вуз и окончание вуза – начало трудовой деятельности. В первом случае большинство исследователей отделяют процессы, связанные с поступлением в вузы, акцентируя свои исследования на профориентации и начале трудовой социализации старших подростков; в свою очередь, социальную адаптацию молодежи принято рассматривать в основном с точки зрения включения представителей этой возрастной страты в социальную коммуникацию, что теоретически часто приводит к противоречивому восприятию проблемы адаптации личности подростка и представителя молодежи как двух разных и несвязанных между собой процессов.

Однако успешность социальной адаптации связана не только с характером профессиональных намерений (трудовая социализация), но и с индивидуальными адаптивными способностями (ассимиляция в социальном), уровнем тревожности личности (толерантность к внешним факторам раздражения), конфликтным поведением (социальная интеграция/дифференциация), поведенческими паттернами (зависимое или независимое поведение в обществе), которые формируют личностную позицию, начиная с самых ранних социальных контактов, хотя наиболее значимыми периодами социальной адаптации являются окончание средней школы, служба в армии, начало трудовой деятельности.

Исходя из этого, адаптация личности в современном мире, когда понятие «норма» настолько широко и размыто, должна рассматриваться как социальный процесс, относящийся к социализации человека. Возможно выделение как минимум двух аспектов, иллюстрирующих этот тезис: во-первых, с развитием современных взглядов на иерархическую культуру отношений и ценностей глобализированного мира мы можем соотносить адаптационные процессы к освоению определенных девиаций, уже не являющихся значимыми отклонениями для общества (инициация в делинквентность, разрушение картины мира, ломка личностных качеств, при приспособлении к новому социуму пребывания); во-вторых, адаптация личности к заведомо неблагоприятным (ненормальным) условиям строительства своего карьерного будущего (ресоциализация, связанная с обязательным прохождением маргинальных состояний).

Цель исследования – выявить и описать динамику личностных изменений в процессе социальной адаптации через особенности отношения к значимости проблемных сфер при приспособлении индивида к социальной среде и реадаптации на переходных этапах процесса социализации личности.

В соответствии с целью исследования поставлены следующие **задачи**:

1. Теоретически рассмотреть и обосновать возможность определения социальной адаптации личности в различных парадигмах современной психологии.
2. Изучить динамику личностных структурных изменений в процессе усвоения и приспособления индивида к условиям социальной среды.
3. Определить динамику личностных изменений в отношениях к значимым социальным сферам на уровне микросреды в аспектах ассимиляции и реадаптации к социальной среде.
4. Соотнести динамику личностных изменений в отношениях к значимым социальным сферам на уровне макросреды с динамикой отношений к социальным сферам микросреды.

5. Выявить взаимосвязи элементов социально-психологической адаптации в период завершения среднего и средне-специального образования в период начала и окончания обучения в вузе, в процессе начального периода трудоустройства в контексте личностной самостоятельности принятия решений.

6. Охарактеризовать интегрирующие и дифференцирующие процессы социальной адаптации личности в указанные переходные периоды приспособления индивида к условиям социальной среды (ассимиляции, инфантильности), личностного поведенческого стремления «переделать» внешние социальные условия под себя (реадаптации, самостоятельности), а также сам результат этого процесса (социализации, включенности в социальные взаимосвязи).

Объект исследования – динамика изменений в процессе социальной адаптации личности.

Предмет исследования – социально-психологические особенности социальной адаптации личности в переходные периоды («школа – вуз», «вуз – трудоустройство»).

Гипотезы исследования:

1. В процессе социальной адаптации, изменения личностно-значимых проблемных сфер социальной адаптации личности в переходный период «вуз – трудоустройство» идет не только ассимиляция к новому социуму, но и реадаптация относительно сложившейся картины мира, вызванная переходом в новую социальную позицию на начальном этапе трудовой социализации.

2. Динамика адаптации личности влечет за собой успешное или неуспешное приспособление к неблагоприятным условиям строительства своего будущего (ресоциализация, связанная с обязательным прохождением маргинальных состояний).

3. Личность, имеющая высокую степень зависимости от социальной среды и демонстрирующая общее конформное поведение, будет не только

высоко востребована в структуре общественных институтов, но и более успешно адаптирована в системе динамично меняющегося социума.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили:

общий системно-личностный подход к изучению психических явлений, отраженный в постулате, что личность – это системное качество человека, характеризующееся активностью, целостностью и субъектностью (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, Е.А. Климов, С.Л. Рубинштейн, И.И. Чеснокова);

концепции гуманистической психологии (Дж. Келли, А. Маслоу, К. Роджерс);

интегративная психология – холистическое, универсальное понимание адаптации личности (В.И. Кабрин, В.В. Козлов, В.В.Новиков);

теоретические подходы в психологии общения (А.А. Бодалев, В.В. Девятко, А.Л. Журавлев, И.Н. Никитина, Б.Д. Парыгин, Л.А. Петровская, К.К. Платонов, А.И. Ситникова);

концепции системного подхода к мотивационной структуре личности (К.А. Абульханова-Славская, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев). Использовались блоки и положения ролевых теорий личности (Э. Берн, Б. Блумер, М.И. Бобнева, Э. Гоффман, Р. Линтон, Дж. Морено, А.В. Налчаджян, Г. Олпорт, А.Л. Свенцицкий, А.М. Столяренко, В.Д. Шадриков);

концепции о структуре и развитии социально-психологических качеств личности (Г.В. Акопов, Г.М. Андреева, А. Бандура, Л.И. Божович, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, Н.Ю. Максимова, К.Н. Муздыбаев);

социально-психологическая концепция молодежных субкультур (Л. Шабанов) на базе культурологических концепций социальных структур со сложной динамикой (Ю. Кристева, М. Мид, Э. Стоунквист, М. Элиаде).

Теоретико-методологическая база исследования была определена следующим образом:

– создание личностными структурами комплекса активного приспособления индивида к условиям довлеющей над ним социальной среды (ассимиляция); чем больше этот комплекс включает элементов зависимого поведения, тем адаптивнее и успешнее личность;

– личностное поведенческое стремление дифференцировать себя для того, чтобы «переделать» внешние социальные условия под себя (реадаптация), при этом основа такого поведения связана со снижением непохожести в контексте «Я – Социальная среда» и увеличением доли инфантильности в иерархии взаимоотношений;

– объективно или субъективно переживаемый личностью единый, интегрированный в саму эту личность результат процесса включения личности в социальные отношения (социализация), главным залогом успеха в котором выступает адекватность понимания и применения в поведении паттернов зависимого и независимого поведения.

Для реализации цели и задач исследования использовался следующий **комплекс методов:**

– организационные (лонгитюдный метод) и эмпирические (опрос, анкетирование, тестирование) методы;

– тестовые методики: Методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера, Л. Ханина, «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера, Диагностика самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна, методика К. Томаса, Опросник межличностных отношений В. Шутца – А. Рукавишниковой (ОМО), Методика изучения уровня психологических знаний, связанных с практическими жизненными ситуациями, Тест Рокича «Ценностные ориентации», Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г.Маклакова и С.В. Чермянина, Проективная методика «Незаконченные предложения», анкетирование родителей и социометрия для одноклассников;

– при обработке и анализе материалов исследования применялись следующие методы математической статистики: группировочные таблицы, t-критерий Стьюдента (LSD – Test), корреляционный анализ Пирсона. Обработка результатов осуществлялась вручную и с помощью компьютерной программы «Statistica».

Достоверность и надежность результатов обеспечена согласованностью основных теоретических принципов и положений с данными экспериментальных исследований, репрезентативностью объема выборки испытуемых, методами статистической обработки и значимостью полученных результатов.

В исследовании приняли участие 1110 человек обоих полов в возрасте 17-28 лет (абитуриенты, учащиеся ссузов, студенты, курсанты, молодые сотрудники и стажеры вузов).

Длительность исследования – 11 лет.

Исследование проводилось в три этапа:

2002-2006 гг. – подготовительный, включающий теоретическое изучение социальной адаптации личности и проведение «пилотных» исследований по мере возникновения проблемных точек адаптации личности в переходные периоды «школа – вуз» и «вуз – трудовой коллектив».

2007-2009 гг. – этап «лонгитюдных» исследований (выборка непрерывного наблюдения составила 52,7% от общего числа испытуемых);

2009-2013 гг. – завершающий этап исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

– полученная в ходе исследования картина динамики личностных изменений дала возможность взглянуть на процессы социальной адаптации личности не только как на приспособление к новым условиям развития личности, но и как приспособление к негативным, часто деструктивным факторам жизни личности в новом социуме, что и приводит к парадоксу современности, когда менее самостоятельная, инфантильная личность адаптируется лучше;

– проблема содержания и динамики процессов социальной адаптации личности впервые рассматривалась не только в поле микро- и макросреды, но и по шести выявленным нами и определяемым испытуемыми, как наиболее актуальные, проблемным сферам: связанным со школой, ссузом, вузом, трудоустройством; связанным с переживанием личностной перспективы; связанным с родительским домом; связанным со сверстниками своего и противоположного пола; связанным со свободным временем, трактуемых как показатели особенностей личностной направленности на самостоятельность, либо на демонстрацию зависимости в поведении – это позволяет более четко отследить изменения социального фона личности в процессе социализации;

– результаты исследования дали возможность более широкого практического использования методов социальной психологии, позволяющих изучать личностные процессы как события социальной адаптации личности, что позволяет не только определять, но и направлять практическую работу психологов, занятых проблемой первичной трудовой адаптации на формирование личностной устойчивости к изменениям макро- и микро- социального пространства, реагировать на изменения качеств этого пространства и понимать социально-психологические особенности личности молодого человека, оказавшегося внутри этих изменений.

Теоретическая значимость исследования: примененная в ходе исследования интегративная методология дала возможность не только в полном объеме использовать социально-психологическую терминологию в вопросах интерпретации социальной адаптации личности, но и существенно расширить спектр возможностей в изучении и рассмотрении проблем социализации личности с холистической позиций интегративной психологии.

Данная методологическая инновация позволила изучить и охарактеризовать общие и дифференцирующие процессы социальной адаптации личности в значимые переходные периоды через систему приспособления индивида к условиям социальной среды (ассимиляции), личностного поведенческого стремления «переделать» внешние социальные условия под себя (реадап-

тации), а также сам результат этого процесса (социализации), позволяя акцентировать и определять перспективы ближних и дальних предпосылок в трудовой социализации личности.

Исследование указывает на возможность не только эмпирического изучения кризисных точек социализации личности в этот период, но и определяет границы теоретической составляющей разработки программ профилактической работы с абитуриентами, студентами и выпускниками вузов.

Практическая ценность работы состоит в том, что материалы диссертационного исследования:

– используются в качестве самостоятельной дисциплины или дополнительного материала к курсам: «Психология», «Социальная психология», «Психология управления»; специалистами в области социальной адаптации молодежи; в консультативной практике по проблемам адаптации; в деятельности социальных и психологических служб и т.д.;

– расширяют возможности психопрофилактической работы за счет превентивной диагностики и разработки коррекционных программ для получения более точной и полной информации о психологических проблемах старших подростков и представителей молодежи в переходные периоды их жизни («довузовский», «вузовский», «послевузовский»), об их личностных особенностях и значимых позициях в поле межличностных отношений;

– результаты представленной работы открывают перспективы дальнейших как теоретических, так и практико-ориентированных исследований процесса социальной адаптации личности в современной России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Процесс социальной адаптации предусматривает не только формирование качеств, традиционно считающихся положительными, влияющих на формирование статусно-ролевой структуры личности и формирующих степень конформного поведения, но и отрицательных. В данном случае развитие черт, условно считающихся негативными, не снижает адаптивный потенциал приспособления личности к условиям социальной среды, а динамика измене-

ний в процессе социальной адаптации будет раскрываться в проблемных сферах переходных периодов (школа – вуз – трудоустройство; семья родительская – своя семья), связанных с изменениями личностных характеристик.

2. Спецификой социально-психологических характеристик адаптации на уровне микросреды становится: конформизм, социально-психологическая совместимость, конфликтность, психологическая совместимость, личное восприятие качества жизни, а на уровне макросреды: изменения организационных условий жизни, круга общения, окончанием ссуза/вуза, стажировкой и выходом на работу, т.е. проблемами адаптации/дезадаптации к внешним условиям пребывания человека (адаптация к самому социальному институту), таким образом, наиболее успешным для личности должно стать зависимое поведение с высоким уровнем конформизма и низкой конфликтностью.

3. По эффективности и результатам адаптация должна обеспечивать устойчивую положительную динамику относительно стрессогенных факторов социального окружения, значит, оценивая активность личности, можно говорить о достижении равновесия и прагматизме к социальной среде (внешний и внутренний конформизм, психологическая совместимость, безконфликтная оценка взглядов на качество жизни), что должно приводить к появлению специфических форм надситуативно – неадаптивной активности, связанных с попаданием в маргинальные ситуации.

4. Адаптация личности включает в себя не только позитивное приспособление к социальному пространству жизни, но и деструктивные изменения личности в процессе социализации к новым условиям (атомизация, отчужденность, девиантность, гиперзависимое поведение).

Апробация и внедрение основных результатов исследования осуществлялись в ходе теоретико-экспериментальной работы и были представлены на методологических семинарах в Томском государственном педагогическом университете, Кемеровском государственном университете, Санкт-Петербургском военном институте Внутренних войск МВД РФ; на круглом столе по проблеме социализации молодежи в Санкт-Петербургском универ-

ситете МВД (2010); с 2006 по 2013 гг. материалы диссертации были представлены и обсуждались на девяти международных, двух Всероссийских и трех региональных и городских научно-практических конференциях; на методологическом семинаре в 2011 и в 2012 гг. (г. Ярославль). Данные диссертации были использованы при проведении семинарских занятий в рамках учебных курсов по дисциплинам «Социальная психология», «Психология», «Психология управления» для студентов вузов; в процессе коррекционной деятельности, осуществляемой в виде группового тренинга, на базе филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева», г. Прокопьевск.

Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 19 публикациях (из них 5 – в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, выводов, заключения и списка литературы. Общий объем работы составляет 186 страницы. В тексте диссертации содержится 33 таблицы. Список литературы составляет 215 источников, из них на иностранном языке – 16.

Глава 1.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Психологическая адаптация определяется активностью личности и выступает как единство аккомодации (усвоение правил среды, «уподобление» ей) и ассимиляции («уподобление» себе, преобразование среды); отсюда – адаптивная и одновременно адаптирующая активность самой личности [29, с. 89-90].

Исследования, проведенные во многих странах мира, свидетельствуют о том, что развитие личности современного подростка проходит по особому пути. Пути формирования специфических черт характера, поведения, лежащие скорее в плоскости нормы адаптации, нежели патологии дезадаптированного поведения в системах «Человек – Среда» (Ю.А. Александровский [6], Г.М. Андреева [11], Р.М. Баевский [23], К.Е. Бекмаханова [25], Ф.Б. Березин [27], Р.М. Грановская [45], Е.П. Ильин [64], Ю.С. Колесников [80], Б.Г. Рубин [79], К. Бернар, У. Кэннон [106], Р. Мэй [111] и др.).

Со стороны социальной среды адаптация определяется целями деятельности, социальными нормами – способами их достижения и санкциями за отклонение от этих норм со стороны личности или группы. Все это зависит от восприятия и оценки этих целей, норм и санкций. Поэтому, обращая внимание на направленность деятельности личности и группы, различают следующие варианты адаптационного взаимодействия: подчинение (интеграция и ассимиляция в среде), обновление среды (дифференциация от среды и реконструкция новой), ритуализм (конформизм и консервация норм и правил, принятых в среде), уход (эскапизм и девиантность относительно среды), бунт (деформация и трансформация среды) [125].

Важнейшим условием успешной адаптации является оптимальное сочетание адаптивной и адаптирующей деятельности, варьируемое в зависимости от конкретных ситуаций. Так в обществе, в котором цели личности не сочетаются с общественными целями, успешная адаптация во многих случаях в принципе невозможна, в результате чего возникают различные формы отклоняющегося (девиантного) поведения, крайние его формы связаны с дезадаптацией социального субъекта [81, с. 12-13]. Поэтому мы должны четко обозначить, что такое адаптационный синдром (совокупность адаптационных реакций организма в ответ на значительные неблагоприятные воздействия) для формирующейся личности, и что этот феномен имеет не только уровень биологического или физиологического приспособления [8, 70], но и психосоциальный (т.е. влияющий на изменения не только физиологического фона личности, но и фона социального).

Так, например, К.Д. Шафранская в работе «Адаптивные реакции при психических состояниях человека» [187, с. 14-16] определяла следующие стадии адаптационного процесса:

1) деструктивная реактивность – это не только рассогласование функций и процессов за счет гипер-, и гипозэффектов физиологических и регуляторных параметров, по интенсивности неадекватных ситуации, но и *когнитивная несогласованность реакций*;

2) стабилизация – не только устойчивая структура взаимосвязанных показателей, обеспечивающая успешность психической деятельности в состоянии напряжения, но и *согласование эмоциональных факторов с факторами деятельностного процесса*;

3) функциональная регрессия – не только чрезмерная реактивность отдельных психофизиологических функций и процессов, снижение продуктивности интеллектуальной деятельности, но и *сужение диапазона приспособительных форм поведения*;

4) перестройка структуры личности за счет формирования новых свойств или коррекции ранее сформированных. В этом смысле мы можем

включать в область адаптационных явлений *социальный статус; профессиональное самоопределение; сформированность социально значимых способностей, качеств; положение в коллективе, в системе межличностных отношений социального окружения, удовлетворяющий личность статус; характерологические особенности и качества личности; возможность проявления индивидуальности* [105].

Как указывал в своей работе Н.А. Свиридов: «Социально-психологическую *адаптацию можно определить как вхождение человека в систему внутригрупповых отношений, приспособление к этим отношениям, выработку образцов мышления и поведения, которые отражают систему ценностей и норм данной группы, приобретение, закрепление и развитие умений и навыков межличностного общения*» [7, с. 34-61]. По А.А. Налчаджяну, социально-психологическая адаптированность – такое состояние взаимоотношений личности и группы, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность [133, с. 12-17], удовлетворяет свои основные социогенные потребности, в полной мере *идет навстречу тем ролевым ожиданиям, которые предъявляет к ней эталонная группа, переживает состояния самоутверждения и свободного выражения своих творческих способностей* [107].

Общий кризис нашего бытия, занятость родителей проблемами материального обеспечения значительно сокращает время пребывания всех членов семьи вместе [35, с. 12-13]. Это приводит к нарушениям межличностной коммуникации в семье, искажению детско-родительских отношений, делая общение между всеми ее членами крайне формальным [75].

Значит, адаптация – это тот социально-психологический процесс, который при благоприятном течении приводит личность к уравновешенному, социально-комфортному состоянию.

1.1. Адаптация и ее понимание в контекстах различных психологических школ

Находясь в длительных экстремальных, противоречивых социальных условиях, личность в современном мире демонстрирует все более и более выраженную конституционально-типологическую уязвимость, от степени выраженности которой зависят проявления аномальной личностной изменчивости.

Многие ученые до сих пор рассматривают адаптацию только с позиции биологического подхода в психологии, ссылаясь на опыт и описание многочисленных экспериментов И.М. Сеченова и И.П. Павлова, которые пришли к пониманию адаптации как динамической системы организма из разных форм биологического отражения [12, с. 64-65]. Павлов и его последователи детально раскрыли роль нервной системы, ее рефлекторной деятельности, процессов возбуждения и торможения в создании целостной адаптивной системы [52]. Исследование нервной системы позволило обосновать понимание адаптации как динамической системы организма и объяснить, каким образом происходит надстройка индивидуальной адаптации над наследственной [120].

Дальнейшее развитие этих концептов нашло отражение в работах П.К. Анохина, В.И. Лебедева, А.Г. Маклакова [14, 89, 101, с. 16-24].

В работах Ю.А. Александровского адаптация личности представляет собой психическое состояние, являющееся своеобразной формой отражения субъектом сложной ситуации [6]. Говоря о сложности, Б.В. Зейгарник указывала на методологическую неадекватность применяемых в медицине критериев ограничения психической нормы, которые основываются на показателях патологии и не дают объективных показателей в реальных ситуациях социальных общностей [59, с. 37-115].

Перспективным в этом плане оказался подход Л.Х. Гаркави (1979), открывшего новые адаптационные реакции активации и тренировки, которые вызываются эмоциональностью положительного знака [60, с. 37-39]. Под влиянием раздражителя стрессорной силы не только развивается общий адаптационный синдром, но и стимулируется антистрессовая система. В благоприятных условиях активность последней нарастает, повышается уровень адаптации, и прежние раздражители, которые ранее вызывали стресс, становятся для организма обычными [84, с. 75-76]. Адаптационные реакции и тренировки являются ответами антистрессовой системы.

Надо заметить, что понятие адаптации напрямую связывается с понятием стресса ещё в исследованиях Г. Селье, который утверждал, что стресс – это все, что ведет к быстрому старению организма или вызывает болезни. Стресс – неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование [82]. При этом любая защитная реакция не может быть всегда целесообразно действующей, следовательно, стресс может служить основой патологии. То есть стресс, с одной стороны, действует как механизм адаптации, а, с другой стороны, – как основа развития нарушений. Селье применял для такого «стресса» термин «дистресс», описывая состояние, характеризующееся различными нарушениями, т.е. явлениями различной физиологической патологии. Г. Селье даже проводил разделение ответов организма на адаптационную и деструктивную составляющую (т.е. дистресс и эвстресс). При дистрессе всегда наблюдаются эмоциональные изменения, в основе которых лежит тревога, при эвстрессе обычно отмечается стеническая эмоция [175].

Необходимо отметить, что предложенный Г. Селье (1960) для обозначения «общего неспецифического синдрома» термин «стресс» уже применялся в науке. С.Е. Павлов отмечал [121], что термин «стресс» не являлся неологизмом в медицине. Как следствие – предложение разделить стресс на «физиологический» и «психологический» (Р. Лазарус, 1970; И.А. Аршавский, 1976), что и делается, в частности, в работах современных врачей и психоло-

гов, работающих на стыке со спортивной педагогикой (В.И. Баландин, 1999; Н. Березова, 1998; П.В. Бундзен, В.В. Загранцев, О.В. Коллодий, К.Г. Коротков, Ф.М. Масанова, 1999; Е.А. Гаврилова, 1994; Э.В. Земцовский, М.Н. Писаревич, 1994 и др.). Зафиксированы и попытки отрицания сегодня отдельными психологами (В.Н. Непопалов, 1998) уже привычного и в психологии, и в физиологии термина «стресс» из-за его меняющегося в различных авторских редакциях внутреннего содержания (Г. Селье, 1960; Л.Х. Гаркави, Е.Б. Квакина, М.А. Уколова, 1977, 1979, 1982; Б.М. Федоров, 1979, 1990; Ф.З. Меерсон, М.Г. Пшенникова, 1988; В.Н. Платонов, 1988; Т.Н. Кузнецова, 1988; С.Е. Павлов, Т.Н. Кузнецова, 1998, 1999; и др.) [градация по 120].

Все биологические концепции отражают вывод о том, что нельзя развить способность человека противостоять стрессу, однако, можно изменить степень переживаемого стресса путем облегчения требований, предъявляемых к личности [19, с. 118-119]. Или, в виду частой повторяемости программы раздражителя, в ответ на переживание стресса личность изменяет свое поведение и осуществляет попытки направить свои усилия против источника стресса. В.М. Воробьев определял адаптацию как психическую регуляцию *только в состоянии стресса*, в проблемной психической ситуации [39, с. 71-72]. Н.Д. Левитов, говоря о сплошном процессе адаптации, личностной и собственно психической, (гомеостазис), описывал еще два аспекта: 1) оптимизацию взаимодействия с социальным окружением; 2) установление адекватного соответствия психических и физиологических характеристик [90, с. 168-172.].

Это решение по существу основывается на изменении образа среды и создании новых условий. Таким образом, стрессорный раздражитель, с одной стороны, запускает стрессорную адаптационную систему, с другой – активизирует антистрессорную [26, с. 81-83]. При том, что стрессорный раздражитель действует достаточно долго, постепенно мощь антистрессорной системы увеличивается, и раздражитель, который раньше был стрессорным, перестает быть таковым. Затем наступает период адаптации. Человек либо обретает

равновесие в создавшейся ситуации, и стресс не дает никаких последствий, либо не адаптируется к ней.

Таким образом, эффективность современной жизнедеятельности будет зависеть от того, в какой мере индивид способен не к одному конкретному виду деятельности, а к различным.

Если обратиться к необихевиористскому определению адаптации, то мы будем рассматривать этот процесс как состояние, в котором потребности индивида, с одной стороны, и требование среды, с другой, должны быть полностью удовлетворены [51]. Это состояние гармонии между индивидом и природой или социальной средой.

То есть, говоря об эффективности современной жизнедеятельности, мы должны учесть не только то, насколько способен индивид к различным видам деятельности [98], но и его способность понимать принципы функционирования не одной социальной общности, а различных [51].

Переходя в поле социального исследования, представители бихевиористской школы понимают адаптацию как процесс физических социально-экономических или организационных изменений в специфически групповом поведении социальных отношений или в культуре [157, с. 27-29].

Действительно, идея адаптивной способности широко применялась в биологии и антропологии начала XX в. В работах по эволюционной биологии было доказано, что эволюция есть процесс выработки приспособительных реакций, хотя она порождает также бесполезные и даже вредные признаки. В биологии различают преадаптацию, непосредственную адаптацию или инадаптацию, постадаптацию и адаптациогенез. Последний есть процесс накопления адаптивных признаков и механизмов, обеспечиваемый наследованием, борьбой за существование и естественным отбором. Адаптациогенез можно считать процессом формирования адаптивных способностей вида и их предпосылок у индивидов, хотя у отдельных особей адаптивность формируется в онтогенезе [171].

Однако, выступая с этой позиции, исследователь обязан обратиться к традиции развития социальной науки о человеке. Так, исходя из постулатов интеракционистской концепции адаптации, все разновидности адаптации обусловлены как внутри-психическим, так и внешне-средовым факторами. Л. Филипс понимал адаптированность как выраженную двумя типами ответов на воздействие среды:

1) принятие и эффективные ответы на те социальные ожидания, с которыми встречается каждый в соответствии со своим возрастом и полом;

2) в более специфичном смысле – адаптация не сводится просто к принятию социальных норм: она означает гибкость и эффективность при встрече с новыми и потенциально опасными условиями, а также способность придавать событиям желательное для себя направление. В этом смысле адаптация означает, что человек успешно пользуется создавшимися условиями для осуществления своих целей, ценностей и стремлений [186].

Резюмируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что эффективная адаптация индивида в социуме будет зависеть от того, в какой мере индивид:

– способен не к одному конкретному виду деятельности, а к различным;

– способен понимать принципы функционирования не одной социальной общности, а различных;

– способен принимать участие в деятельности различных социальных общностей, но уже с существующими в них правилами и, в конечном счете, влиять на развитие этих общностей.

Психологическая адаптация – это не видовая адаптация, а индивидуальная, и поэтому определяется психологическими особенностями личности и ее окружением.

Психоаналитическое понимание адаптации опирается на представление З. Фрейда о структуре психической сферы личности, в которой выделяют три инстанции: Id, Ego, Super-Ego. Эти инстанции (строительные блоки топографии архитектуры личности), имея психодинамическую структуру взаимо-

влияний в зависимости от возраста и детских конфликтных или фобийных переживаний, сопровождают процессы взросления личности выработкой схем психологических защит от стрессообразующих влияний внешнего окружения [172].

Проблема успешной адаптации стоит перед каждым жителем планеты Земля независимо от его возраста, места проживания, социальной значимости [204]. Адаптироваться к окружающей среде человек вынужден с рождения (за первые пять лет своего развития человек формирует 90% своей психики). Потом он идет в школу, происходит его «социальное рождение», там нужно приспособливаться к учебному процессу. Большую роль в адаптации играют также его взаимоотношения с одноклассниками и учителями [144]. Далее – институт, потом – семья, дети, работа. В старости адаптация постепенно уходит из социального поля и переходит в поле биологического старения организма – падение жизненного тонуса, изменение ритма жизни, новое социальное положение, множество болезней, к которым тоже необходимо приспособливаться.

Человек вынужден реагировать на постоянно происходящие в обществе изменения, но часто он бывает не готов к ним. Для того чтобы выжить в ситуации постоянных изменений, чтобы адекватно на них реагировать, человек должен активизировать свои формы психологической защиты (например, развить свой творческий потенциал по отношению к себе и своим возможностям в изменяющейся внешней среде [137]). Так, Э. Эриксон указывал на внутриличностный конфликт [196], К. Хорни – на «привыкание» к переживанию «брошенности»; А. Адлер видел успешную адаптацию личности в преодолении чувства неполноценности [3]; согласно Г. Гартману, адаптация будет включать в себя как процессы, связанные с конфликтными ситуациями, так и те процессы, которые входят в свободную от конфликтов сферу «Я» [178, с. 35-51].

В целом психоаналитическая теория адаптации человека является в настоящее время самой разработанной. Психоаналитики создали широкую сис-

тему понятий и открыли ряд тонких процессов, с помощью которых человек адаптируется в социальной среде.

При этом современная наука говорит о необходимости воспитания у личности новых умений, помогающих формирующейся личности преодолеть так называемый «адаптационный синдром» [149]. Адаптационный синдром – это совокупность адаптационных реакций организма в ответ на значительные неблагоприятные воздействия на формирующуюся личность. Кроме того, это явление имеет не только уровень биологического или физиологического деструктивного воздействия, но и психосоциальный [110].

Поэтому следующую группу теорий мы объединяем с точки зрения концепции адаптации как одной из стадий процесса социализации [97, с. 156-158].

В самом широком смысле понятие социализации трактуется как процесс и результат социального развития человека. Социальная адаптация предполагает адекватное восприятие окружающей действительности, адекватную систему отношений и общения с окружающими; способность к труду, обучению, изменчивости поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других [92, 138]. И.С. Кон указывал, что социализация представляет собой совокупность всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Социализация может быть рассмотрена с точки зрения усвоения и воспроизводства индивидом социального опыта в процессе жизни [188, с. 11-15]. Сущность процесса социализации заключается в том, что человек постепенно усваивает социальный опыт и использует его для адаптации к социуму. Такое усвоение происходит стихийно и целенаправленно. Целенаправленность определяется усилиями семьи, школы, различных общественных организаций [83, с. 19-20]. Стихийность – многообразными аспектами жизни, свидетелем которых является человек.

Социализация относится к тем явлениям, посредством которых человек учится жить и эффективно взаимодействовать с другими людьми. Она непосредственно связана с социальным контролем, поскольку включает в себя усвоение знаний, норм, ценностей общества, обладающего всеми видами санкций формального и неформального характера. Двусторонность процесса социализации проявляется также в единстве ее внутреннего и внешнего содержания [112]. Внешний процесс – это совокупность всех социальных воздействий на человека, регулирующих проявление присущих субъекту импульсов и влечений. Внутренний процесс – формирование целостной личности.

Каждый исторический период развития человечества, равно как и каждый период истории развития личности, определяет особенности социализации в зависимости от ее факторов на данном этапе реализации [114]. Современная социализация имеет свою специфику, обусловленную быстрыми темпами развития науки и новых технологий, влияющих на все сферы жизни человека, с одной стороны, и стиранием граней между нормой и девиацией – с другой. Эти процессы ускоряются с развитием инклюзивного образования, системы либерально-толерантных отношений, процессов социальной открытости по отношению к «иным», меняются педагогические принципы оценки отклоняющегося поведения. Многие девиации, уже не являясь внешне (оценочно) опасными отклонениями, не имея юридических последствий, не являются значимыми отклонениями для общества (инициация в делинквентность путем пропаганды свободных межполовых отношений, разрушение картины мира через изменение образовательных программ и взглядов на традиционные ценности, ломка личностных качеств при приспособлении к новому социуму пребывания и развития личности).

В связи с этим способы адаптации людей к сложной ситуации были условно разбиты на две группы: *конструктивные* и *деструктивные* [87].

Конструктивное поведение – это действенная направленность на реальное и позитивное в социальном аспекте (достижение приемлемого соци-

ального статуса [36, с. 58-60]) и аспекте психологическом (удовлетворенность, оптимистичность, уверенность в себе [61]).

Критериями конструктивного поведения будут:

- целенаправленное использование ресурсов своей межличностной сети (связи, семейная консолидация);
- действенная конкретизация образа самого себя, своих планов и оценок происходящего (референтный круг общения, поддержание и подтверждение имеющейся репутации);
- достраивание контекста жизненной ситуации.

Деструктивное поведение – это невозможность сделать выбор, неприятие внешнего мира как реальности, неуверенность в себе, страх перед будущим и стремление найти кого-то, на кого можно переложить решение собственных проблем.

Критериями деструктивного поведения будут являться:

- общая/профессиональная некомпетентность;
- поведенческая ригидность, неспособность быстро реагировать на изменения в микро/макросреде;
- боязнь самовыражения (комплекс «белой вороны»);
- закрытость личности;
- бедность ее ролевой системы.

А.В. Петровский выделял три стадии развития личности в процессе социализации: адаптацию, индивидуализацию, интеграцию [124]. На стадии адаптации, которая обычно совпадает с периодом детства, человек выступает как объект общественных отношений, на которого направлено громадное количество усилий родителей, воспитателей, учителей и др. На этой стадии происходит вхождение в мир людей:

- овладение некоторыми знаковыми системами, созданными человечеством;
- элементарными нормами и правилами поведения;
- социальными ролями;

– усвоение простых форм деятельности.

На стадии индивидуализации происходит некоторое обособление индивида, вызванное потребностью персонализации:

– личность превращается в субъект общественных отношений;

– человек, уже усвоивший определенные культурные нормы общества, способен проявлять себя как уникальная индивидуальность, создавая нечто новое, неповторимое, то, в чем собственно и проявляется его личность [215].

Если на первой стадии наиболее важным было усвоение, то на второй – воспроизводство, причем в индивидуальных и неповторимых формах. Индивидуализация во многом определяется противоречием, которое существует между достигнутым результатом адаптации и потребностью в максимальной реализации своих индивидуальных особенностей [15, с. 15-19]. Речь идет о процессе реализации своего Я, самопроявлении, как индивидуальности (на уровне темперамента, типологических свойств высшей нервной деятельности, индивидуальных особенностей), так и личности (на уровне убеждений, ценностей, интересов, социально-личностных особенностей). Стадия индивидуализации способствует проявлению именно того, чем один человек отличается от другого. В то же время индивид подходит к проблеме разрешения противоречия между человеком и обществом, выраженного в конструктивном и деструктивном давлении и реактивном сопротивлении этому давлению, поскольку не достигается соответствующего баланса и личность недостаточно интегрируется в окружающий социальный мир.

Интеграция – третья стадия развития человека в процессе его социализации. Она предполагает:

– достижение определенного баланса между человеком и обществом;

– интеграцию субъект-объектных отношений личности с социумом;

– обретение человеком оптимального варианта жизнедеятельности, который способствует процессу его самореализации в обществе, а также принятию им меняющихся общественных норм.

Очевидно, что данный процесс весьма сложен, поскольку современное общество характеризуется многими противоречивыми тенденциями в своем развитии. На этой стадии, кроме того, складываются так называемые социально-типические свойства личности, т.е. такие свойства, которые свидетельствуют о принадлежности данного человека к определенной социальной группе. Б.Г. Ананьев относил формирование социально-типических черт характера, как и образование социальных установок личности, к психологическим эффектам, которые свидетельствуют о мере и глубине социализации [8].

Таким образом, в процессе социализации осуществляется динамика пассивной и активной позиции индивида.

Пассивной – когда он усваивает нормы и служит объектом социальных отношений.

Активной – когда он воспроизводит социальный опыт и выступает как субъект социальных отношений.

Активно-пассивной – когда он способен интегрировать субъект-объектные отношения.

Этот тройной цикл может повторяться на протяжении жизни много раз, и связан с необходимостью ресоциализации индивида в меняющемся мире. Этот же тройной цикл мы можем наблюдать в конкретных социальных условиях, требующих адаптации субъекта, например, при его вхождении в состав новой социальной группы [22, с. 3-12]. Процесс подобной адаптации обозначается как первичная социализация в конкретных условиях.

Проблемам изучения поведения индивида в условиях адаптации к сложившимся в результате изменений социальной среды посвящено немало работ (О.Л. Барская [24]; Е.К. Завьялова [58]; М.А. Дмитриева [54]; Н.С. Офицеркина [119]; К.У. Чимбеленге [181]; Т.Д. Шевеленкова [189]). Анализируются индивидуальные способы и стратегии поведения, которые использует человек не только в сложных жизненных ситуациях, но и в типичных усло-

виях повседневной жизни (А.В. Брушлинский [34, с. 3-11], М.И. Воловикова, Т.Б. Карцева [72, с. 120-128], П.Н. Шихирев [192], В.А. Ядов [198]).

При рассмотрении этих работ перед нами встает необходимость выделения наиболее значимых факторов адаптивности поведения личности:

- фактор социальной значимости;
- мотивационный;
- когнитивный;
- коммуникативный;
- эмоционально-чувственный.

Именно эти факторы рассматриваются большинством исследователей как существенное обстоятельство в формировании адаптивного поведения личности, оказывающее причинное влияние на темпы и результаты адаптации.

Однако при получившейся гипотетической схеме социальной адаптации личности индивид может быть социально адаптирован так же успешно, как и дезадаптирован. Вполне понятно, что состояние дезадаптированности лишено тех положительных психологических особенностей, которыми охарактеризовано состояние адаптированности.

В категориях «нормы» и «патологии» (В.В. Ковалев [78, с. 370-375], В.И. Лебедев [89]), нарушения, выявляемые при акцентуациях характера (А.Е. Личко, Б.Ф. Березин [27, 95, с. 302-333]), «поломки» в механизмах психического приспособления, которые активизируют систему компенсаторных защитных реакций (Ю.А. Александровский [7, с. 34-61]), низкий уровень адаптивных возможностей личности (А.А. Налчаджян, В.А. Дюк [106,112]).

Социально-психическая дезадаптированность личности в первую очередь выражается в неспособности ее адаптации к собственным потребностям и притязаниям. С другой стороны, имеющая нарушение адаптация или полная дезадаптированность не в состоянии удовлетворительно идти навстречу тем требованиям и ожиданиям, которые предъявляет к ней социальная среда и собственная социальная роль.

Проблема устойчивости человека к экстремальным факторам (Д.А. Леонтьев, А.Г. Маклаков, М.К. Мамардашвили, П. Тиллих, В. Франкл, Э. Фромм [91, с. 56-65].

Одним из признаков социально-психической дезадаптации личности является переживание ею длительных внутренних и внешних конфликтов без нахождения психических механизмов и форм поведения, необходимых для их разрешения. Но именно поэтому, по мнению С.Т. Посоховой, смысловое ядро адаптации образует универсальность, парадоксальность, пространственно-временную архитектонику, созидательность и конкретность [132], значит, качественные нарушения этих смысловых категорий в момент их докризисного переживания – т.е. дезадаптации.

Исходя из такой постановки проблемы, исследователи выделяют следующие три разновидности социально-психической дезадаптированности личности:

1) устойчивая ситуативная дезадаптированность, которая имеет место, когда личность не находит путей и средств к адаптации в определенных социальных ситуациях, хотя предпринимает такие попытки [43, 46];

2) временная дезадаптированность, которая устраняется посредством адекватных адаптивных, предметных, социальных и внутриспсихических действий [41, 158];

3) общая устойчивая дезадаптированность: она является состоянием перманентной фрустрированности, наличие которой активизирует ставшие патологическими защитные механизмы [44, 128].

Классическими показателями психической дезадаптации в индивидуально-личностном аспекте являются:

– рост «плавающей» тревоги (чувство беспокойства, неясные опасения – здесь, скорее, это является признаками включения дополнительных адаптационных ресурсов психики);

– наличие психосоматических расстройств (физических расстройств, обусловленных психическими причинами);

- углубление депрессивных психических расстройств;
- углубление зависимости от наркотических веществ (у взрослых);
- выраженность эмоциональных расстройств у детей.

В целом психическая дезадаптация связывается со снижением психической активности, со снижением энергетического потенциала психики, астенизацией психики, с упадком душевных сил человека.

Однако социальная адаптация может быть как результатом пассивного принятия человеком стандартов социума на основе плохо ассимилированных личностью смысловых установок, полученных в ходе воспитания, так и результатом личностного выбора и реализации собственных смысловых установок личности. Равным образом, социальная дезадаптация может быть *вынужденной* (по причине низкой социальной компетенции при ориентации на стандарты данного социума) и *выбранной* (из-за активного непринятия личностью стандартов данного социума при достаточно высоком уровне развития социальных навыков) [180, с. 63-65]: выстраиваться как добровольный протест (возрастные субкультуры, политические партии, социальные страты) или даже – вынужденная маргинальность и личностный экстремизм [33].

Знание механизмов подобной социализации совершенно необходимо для развития теории социально-психической адаптации личности, поскольку именно в процессе социализации перед личностью возникают те проблемные ситуации, для преодоления которых формируются адаптивные механизмы.

Обсуждение этого вопроса хотелось бы начать с изложения точки зрения Т. Парсонса, которую он развивал в некоторых работах в качестве части своей общесоциологической теории. (Также необходимо отметить, что этот автор находился под сильным влиянием психоанализа и некоторые свои идеи заимствовал от представителей данного направления психологии).

Согласно Т. Парсонсу, [122] социализация индивида осуществляется с помощью трех основных механизмов:

- 1) познавательных механизмов;

2) защитных психических механизмов, с помощью которых принимаются решения в тех случаях, когда между потребностями личности возникают конфликты;

3) механизмов приспособления, которые тесно связаны с защитными механизмами.

Механизмы приспособления, согласно Т. Парсонсу, сублимируют те конфликты, которые связаны со значимыми внешними объектами. Такое приспособление приводит к интернализации элементов социального контроля и в этом смысле имеет сходство с функционированием сверх-Я. Здесь, по существу, утверждается мысль о том, что в процессе социализации личности после когнитивных механизмов важнейшую роль играют психические механизмы адаптации.

Так, по Т. Парсонсу, познавательными механизмами социализации являются подражание (имитация) и психическая идентификация, которые опираются на чувства уважения и любви. Для того чтобы личность переживала идентификацию с другим человеком, необходимо, чтобы последний имел определенную установку к социализируемой личности и установил с ней определенные отношения. Эти отношения могут выражаться в таких действиях, как советы и указания родителей и учителей. Интернализируя эти указания и ожидания, социализируемая личность приобретает индивидуальную нравственность.

Социализация, согласно Т. Парсонсу, осуществляется благодаря функционированию еще нескольких механизмов, которые он характеризует в качестве «катетически-оценочных»:

1) подкрепление – затухание, которые основаны на принципе удовольствия – страдания: этот принцип осуществляется в виде применения вознаграждений (поощрения и наказания);

2) торможение, которое уподобляется механизму вытеснения;

3) субституция (замещение), разновидностями которой являются перенос (трансфер) и перемещение.

Кроме вышеперечисленного, Т. Парсонс выделял еще одну группу механизмов социализации, которые он объединяет под названием «ценностно-приобретаемые».

Личность, таким образом, обучаясь новому, всегда находится в состоянии изменения, однако, ее уравновешенное состояние сохраняется в силу работы механизмов адаптации и защиты, которые контролируют эти изменения. Но он не разъясняет, каким образом осуществляется такой контроль. Однако Р. Мэй отмечал, что дезадаптация обусловлена несвободой личности, «отсутствием возможности строить себя, а главный фактор адаптации – индивидуальность, умение быть собой, в собственной неповторимости, уникальности [111]. Т. Миллон уточнял, что, если индивидуум способен гибко взаимодействовать с окружающими, его можно отнести к адаптивному типу личности, ибо адаптированная психическая деятельность является важнейшим фактором поддержания здоровья (важнейшего показателя адаптированной психической деятельности человека).

Выделяют также механизм, который, можно обозначить как единство подражания, имитации, идентификации. Сущность данного механизма заключается в стремлении человека к воспроизводству воспринимаемого поведения других людей. Действие этого механизма осуществляется через социальное взаимодействие людей.

Очень многие социальные отношения могут быть представлены в субъект-объектной модели «учитель – ученик». Имеются в виду не только отношения взрослых и детей, но и отношения между взрослыми, которые воспроизводят опыт других, или стремятся копировать некоторые модели поведения, или могут отождествлять себя в той или иной мере с социальными ролями, перенимая взгляды других.

Исследуя разные состояния человеческих масс (толпа – публика), Г. Тард писал, что данные отношения, скорее всего, будут являться типовыми социальными отношениями ввиду рассмотрения общества в целом, как

продукта взаимодействия индивидуальных сознаний через передачу людьми друг другу и усвоение ими ценностей, установок, норм и т.д. Но, разумеется, ведущее значение данный механизм имеет в процессе взросления человека. Ребенок, подражая своим родителям, имитирует и слова, и жесты, и мимику, и действия, и поступки [1].

Также и А. Бандура в своей социально-когнитивной теории говорил о научении через моделирование. Но что именно он имел в виду под этим термином? Вербальная передача информации и наблюдение соответствующих моделей поведения (например, других людей) обеспечивает основу для приобретения наиболее сложных форм поведения человека [202]. Бандура установил, что фактически все феномены научения, приобретаемые в результате прямого опыта, могут формироваться косвенно, путем наблюдения за поведением других людей и его последствиями.

Выделяется также механизм оценки желаемого поведения, который осуществляется в процессе социального контроля. Люди по-разному воспринимают друг друга и по-разному стремятся влиять на других. Одни действуют положительно, опираясь на доброжелательность, другие отрицательно, обращаясь к критичности: присутствие одних – стимулирует, присутствие других – тормозит либо вообще блокирует деятельность человека. Это так называемые эффекты действия механизма социальной оценки, которые получили название социальной фасилитации (или фацилитации) и социальной ингибиции [5].

Несомненно, огромную роль в процессе социальной адаптации играет мотивация.

Человек – существо желающее. Человек крайне редко бывает полностью удовлетворён, а если и бывает, то очень недолго. Стоит ему удовлетворить одно желание, на его месте тут же возникает другое, затем третье, четвертое и так до бесконечности. Желание непрекращающееся и неизбывное, говорил А. Маслоу, является характерной особенностью человека, оно сопровождает его на протяжении всей жизни [103]. Если проанализировать на-

ши обычные желания, то мы обнаружим, по меньшей мере, одну общую объединяющую характеристику. Мы говорим здесь о том, что эти желания предстают перед нами не как цель, но скорее как средство достижения некой цели. Человек желает заработать больше денег, чтобы купить новый автомобиль. В свою очередь автомобиль он хочет купить для того, чтобы не чувствовать себя хуже соседа, который недавно купил новый автомобиль, т.е. для того чтобы сохранить самоуважение, уважение и любовь окружающих. Если у одного человека сексуальное влечение может быть обусловлено потребностью в самоутверждении, то у другого – стремлением произвести впечатление, у третьего – потребностью в эмоциональной близости, в дружбе безопасности и любви, у четвёртого – комбинацией нескольких или всех перечисленных потребностей [109, 115].

Иными словами, каков уровень мотиваций, таков уровень и социальной адаптированности, социального успеха, и уровень личных достижений. В качестве примера мы можем указать такие мотивационные факторы, как удовлетворенность деятельностью и вознаграждение за нее (С. Мадди [206]).

Удовлетворенность находится в прямой связи с другими, не менее важными, компонентами деятельности, имеющими, как положительные, так и отрицательные последствия [55, с. 126-130].

Вознаграждение за деятельность характеризуется широким спектром: от материального благосостояния до внутренней удовлетворенности. Принято считать, что для индивидуума внутренняя удовлетворенность служит высшей формой вознаграждения, поскольку имеет психологическую основу. Подчеркивая важность внутреннего вознаграждения, не следует забывать и о внешнем, которое служит инструментальной функцией для удовлетворения других потребностей [20, с. 12-15]. За последние двадцать лет исследований проблемы адаптации, а именно: социально-психологические факторы, позволяющие оценить внешнее воздействие окружающей среды, обстановка и общий фон группового давления на личность, приобрели большую значимость [32].

Сюда можно дополнительно отнести и концепцию личностных детерминант состояния адаптации, когда свойства человека суть определения значимого в отношении других людей поступка (А.Н. Леонтьев [91]); процессы вхождения в социальную среду (И.А. Милославова) [108]; сохранение основных гуманистических ценностей (М.С. Яницкий) [199]; личностное развитие на трех иерархических системных уровнях интеграции: гедоническом (близок к нейровегетативному), эмоциональном и мыслительном, снабженных механизмами обратной связи (S. Rado [127]); способность находить «оптимальный смысл жизни» в критической ситуации (В.Э. Чудновский) [182]; способность к динамической перестройке системы мотивов, отношений, установок, жизненных целей и смыслов (Ф.Е. Василюк) [37].

Бесспорно, различные мотивы могут превратиться в ведущий «рычаг», который личность использует в процессе жизнедеятельности для достижения необходимого ей адаптационного эффекта. Тем не менее, не только мотивами можно объяснить все многообразие адаптационного поведения, вполне вероятно, что структура личностной регуляции объединяет те психические образования, которые способны организовывать и координировать разные формы взаимодействия человека с окружающей реальностью. Среди них, например, эмоции, интеллект, творчество [40].

Стресс также влияет на социальную адаптацию. Среди исследователей проблем стресса и адаптации имеются и те, кто склонен усматривать непосредственную связь между адаптацией и ухудшением здоровья, вызванным перенапряжением. По мнению Р. Бринера, стресс могут провоцировать ситуации, которые рассматриваются как обременительные, угрожающие, неопределенные, двусмысленные или просто скучные. Стресс, независимо от вида деятельности, вызывает перенапряжение, которое становится причиной многих человеческих недугов физического и психического характера [42].

Говоря об адаптивных стратегиях, Е.В. Андриенко рассматривала такие формы социальной адаптации, как конформность и неконформизм.

Конформизм (зависимость человека от группы, ее влияние на принимаемые им решения) является одним из наиболее распространенных механизмом социализации. Элементы конформизма включаются в личностные стратегии поведения не только ввиду желания подростка или взрослого человека пойти по пути наименьшего сопротивления в социальных отношениях, но и в связи с личностной ситуативной некомпетентностью, когда, находясь в неожиданной/проблемной ситуации, индивид делегирует право и полномочия лидера эксперту (человеку, который знает или имеет опыт выживания в указанных случаях [68, 168, 207, 211]).

Нонконформизм (поведение, направленное на демонстрацию осмысленного несогласия с мнением большинства) также является значимым механизмом социализации. Конечно, говоря о нонконформизме, нужно уметь отличить независимого/лично-зрелого/сильного индивида от «негативиста». В данном случае «негативист» – это зависимая от большинства позиция человека, который с целью привлечения к себе внимания большинства ведет себя или высказывается наперекор большинству, часто не осознавая и не видя противоречий. Такой вид несогласия является скорее конформным, нежели нонконформным [104, 110, 164, 178].

Овладение такими качествами, как конформизм и нонконформизм во многом определяет и поведение личности, и особенности ее взаимодействия с другими людьми в ближайшей/значимой социальной группе.

Хотя социально-психическая адаптация личности осуществляется на уровне личностных механизмов, она не сводится к чистому конформизму, несмотря на то, что конформистское поведение как выражение соответствующей социальной установки может являться одной из возможных адаптивных стратегий [168]. Здесь будет осуществляться целый комплекс различных адаптивных блоков, выражающихся в различных поведенческих формах. Мы можем привести немало примеров, когда конформистское поведение в некоторых ситуациях может быть неадекватным, приводящих к формирова-

нию таких черт и установок личности, которые делают невозможной ее глубокую адаптацию.

Длительная приверженность конформистской стратегии адаптации может способствовать формированию склонности личности к систематическим ошибкам поведения (нарушение норм, ожиданий, шаблонов поведения) и к созданию все новых проблемных ситуаций. Очень часто именно такая личность и не воспринимает свое поведение как провокацию проблемы и эпатаж [179, с. 117-123].

Именно поэтому Э. Аронсон определял конформность как изменение в поведении или мнении человека под влиянием реального или воображаемого давления со стороны другого человека или группы людей. Он говорит о том, что существуют ситуации, в которых конформисты в высшей степени желательны, в то время как нонконформисты могут вызывать неизбежную катастрофу.

«Если мы будем более внимательны, то заметим некоторую непоследовательность в отношении общества к конформности (игра в команде) и нонконформности (отклонение от нормы). Модальной группе более симпатичны конформисты, нежели нонконформисты» [18, с. 37-40]. В качестве примера Аронсон приводил движение на автостраде. Если какому-нибудь водителю придет в голову во время движения проявить нонконформизм и поехать по встречной полосе, то, несомненно, этот порыв будет неуместным.

К важным факторам, влияющим на конформность, Аронсон также относил типы личности. «Индивиды с заниженной самооценкой больше подвержены групповому давлению, нежели индивиды, обладающие высокой самооценкой» [18, с. 47-48]. И если, например, человек убежден, что он совсем или отчасти не способен выполнить поставленную перед ним задачу, его склонность к конформному поведению увеличивается. «Мы живем в состоянии напряженного конфликта между ценностями индивидуальности и ценностями, связанными с подчинением окружающим, то есть с конформностью» [18, с. 36-39].

При подобной аналитике мы обязаны также иметь в виду и такой фактор развития современной личности, как механизм самоограничения [173]. Суть этого механизма как раз и состоит в понимании человеком того, что его достижения менее значимы по сравнению с достижениями другого (или других людей, работающих в это же области), тогда его самоуважение страдает, снижается. В такой фрустрирующей ситуации многие просто прекращают свою деятельность. Это своеобразный уход, отступление перед трудностями. А. Фрейд называла данный механизм «ограничением Я» (эго-рестрикцией). Она отметила то, что этот механизм свойственен нормальной психической жизни на всём протяжении развития личности¹.

Подобных случаев очень много. Мы можем привести массу примеров как из жизни детей, так и из жизни взрослых. В зависимости от того обстоятельства, насколько часто развивающаяся личность использует данный механизм, её характер и система навыков получают особое развитие, а именно развивается такая черта характера, как стыдливость и робость, которые в своей основе имеют низкую самооценку или даже сформированный комплекс неполноценности. Кроме того, важную роль в личностном ограничении может играть факт попадания личности в аффективное состояние.

Аффект (лат.) – противоположность спокойствию духа, обозначает всякую вызванную чувством приостановку или затруднение в обыкновенном, нормальном течении представлений. Характерной особенностью аффекта являются его властность, на короткое время подчиняющая человека и лишаящая его возможности критически оценить ситуацию и разумно управлять своим поведением, сужение сознания, при котором внимание человека цели-

¹ Она рассказывала о типичном случае с мальчиком, которого лечила. Они вместе начали рисовать, и мальчик с увлечением на многих листах рисовал цветные фигуры. Но вдруг он поднял голову, посмотрел, как рисует А. Фрейд. То, что он увидел, расстроило его. В следующую минуту он отодвинул бумагу и цветные карандаши и сказал: «Только ты рисуй, а я лучше посмотрю». А. Фрейд комментировала поведение мальчика следующим образом: «Очевидно, что мои рисунки оказались красивее и совершеннее его собственных. Сравнение потрясло его. И он быстро положил конец конкуренции с её неприятными последствиями путем отказа от активности, которая была приятна ему...» [173].

ком сосредоточено на обстоятельствах, вызвавших аффект [162]. Содержанием аффекта могут быть гнев, возмущение, досада, страх, доходящий до ужаса и паники, горе (аффективные вспышки могут возникать и при сильных положительных эмоциях: «не помнит себя от радости», «потерял голову от восторга»).

Однако использование механизма ограничения во многих ситуациях жизни оправдано, т.к. он обеспечивает ситуативную адаптированность. Но он приносит огромный вред потому, что первые попытки человека в любой области деятельности не могут быть совершенными. Многие люди, не зная своих потенциальных возможностей, после первых же неудач и фрустраций бросают дальнейшие попытки и выбирают дело попроще. Нередко этому способствуют нетактичные или явно издевательские замечания окружающих, в первую очередь значимых людей (родители, учителя и т.д.). «Многие потенциальные таланты так и не раскрываются, т.к. люди не могут реалистично и терпеливо относиться неизбежному несовершенству своих первых усилий» [31, с. 162-163].

Поэтому, говоря об адаптивной способности личности, необходимо отметить и то, что многочисленные эмпирические и экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что в одних и тех же проблемных ситуациях разные люди адаптируются по-разному и с различной степенью успешности. Подобные факты свидетельствуют о том, что должна существовать способность к адаптации (или адаптивности) и по уровню обладания этой способностью имеются большие индивидуальные различия.

Из социологической и макроэкономической науки было призвано и получило довольно широкое распространение также понятие «адаптационные ресурсы». В одной из методологических работ сказано: «Научно-технический прогресс систематически повышает требования к «адаптационным (соматическим и психическим) ресурсам человека». Однако, применяя подобные понятия, необходимо раскрыть общее соотношение понятий «адаптивные ресурсы», «адаптивные способности» и «адаптивный потенциал»

(последний введен Г. Селье и использовался также в уже упоминавшейся работе Л. Филипса).

Адаптивный потенциал Г. Селье определял через существование двух видов адаптивного потенциала или энергии: поверхностной и глубокой [153]. Поверхностная энергия расходуется под воздействием среды и дополняется из резервов «глубокой» энергии, но израсходование последней невосвратимо. Когда адаптивный потенциал заметно уменьшается, возникают «болезни адаптации», старость и смерть. Природа этого потенциала не раскрывается.

Под «относительным потенциалом» личности к адаптации Л. Филипс понимал ее способность удовлетворить требования общества и полагает, что если этот фактор остается постоянным, мы можем предвидеть поведение личности. Филипс ставит вопрос о том, каким образом можно использовать особенности адаптации личности в прошлом и настоящем для измерения будущего потенциала адаптации, и высказывает мысль, что в личности сохраняются те психологические ресурсы, которыми она адаптируется к сложным ситуациям.

В свете этих вопросов будет целесообразной дифференциация *потенциальных адаптивных способностей* (потенциальной адаптивности) и *актуальных адаптивных способностей* (актуальной адаптивности). У Л. Филипса речь шла о потенциальной адаптивности личности, которая в будущем, в новых социальных ситуациях должна стать ситуативной способностью, чтобы обеспечить актуальную адаптацию [88, с. 87-92].

Говоря об актуальных адаптивных способностях личности, следует, по-видимому, выделить несколько их разновидностей, соответствующих тем разновидностям адаптации, о которых мы уже писали. Можно, во-первых, постулировать существование *общей адаптивности* личности как способности к адаптации в определенных типах социальных ситуаций. Она зависит от уровня нормальности формирования личности в онтогенезе, ее адаптивных механизмов. Затем можно выделить различные виды адаптивной способности:

- нормальная незащитная;
- нормальная защитная;
- способность к различным видам девиантной адаптации;
- патологическая адаптация.

Последняя является результатом формирования патологических и патологизированных адаптивных механизмов и их комплексов, поэтому есть основания для утверждения, что существуют различные виды способности к патологической адаптации, которые обусловлены глубокими патологическими изменениями личности [50].

Целесообразно также выделение способности к ситуативной адаптации (ситуативной адаптивности). Уровень развития этой способности и ее гибкости зависит от развития общей адаптивности личности, обеспечивающей ее внутреннюю готовность к адаптации в быстро меняющихся условиях социальной жизни (в частности, у В.В. Козлова это интегративно описываемое и имеющее неограниченный потенциал свойство личности [76]).

Низкий уровень развития каждой из этих разновидностей адаптивных способностей создает в личности склонность к соответствующим видам дезадаптации и дезадаптированности.

Адаптивная гибкость личности обеспечивается гибкостью общих адаптивных механизмов и их комплексов. Играет роль то обстоятельство, что для многих нетипичных ситуаций у личности могут отсутствовать готовые, фиксированные адаптивные механизмы, комплексы и стратегии. В таких случаях общая адаптивная способность должна выражаться в создании способов гибкой ситуативной адаптации.

Процессы адаптации личности можно определить как социальное взаимодействие. Социальное взаимодействие можно определить как процесс, в котором люди действуют и реагируют на действия других, т.е. адаптируя и адаптируясь. Однако существует и определенный недоучёт личностных особенностей личностной адаптации в различных сферах выше обозначенного нами социального взаимодействия. Особенно остро эта проблематика видит-

ся в исследованиях строительства профессиональной деятельности и карьеры, семейной жизни. Часто подобный недоучет приводит к спорадически возникающим ненужным конфликтам и болезням, а также чувству неполноценности и неполной реализации [4, с. 6-10]. М.Е. Литвак, занимаясь проблемой профессиональной и семейной адаптации, выделял три личностных типа:

- производственный;
- домашний;
- общественный.

Производственный тип имеет ориентацию на карьеру [68, 109, 151]. Уже с детства он видит родителей, которые ведут активную общественную и производственную жизнь: становятся крупными руководителями, успешными спортсменами, людьми, достигшими значимых успехов в своей социальной среде. Довольно рано формируются честолюбивые стремления, что проявляется в отличной учебе, активной общественной или спортивной деятельности. Уже в подростковом возрасте такие личности заряжены на победу, причем во всем, за что бы они ни брались. Работать заместителями они не могут. Они никого не боятся и могут рассказывать всё, что делают. Обижаться на них не следует, а лучше к ним приспособиться. Работая под началом такого человека, можно не волноваться о своих личных проблемах. В случае нужды он позаботится и не даст в обиду. Такие личности отличаются обычно холерическим или холерико-сангвиническим темпераментом, а иногда и гипертимной акцентуацией.

Представители домашнего круга быстро становятся неплохими специалистами и остаются на этом уровне, довольствуясь хорошими производственными результатами, не достигая пика в своей профессии. Основные их интересы в семье. Срывы у мужчин домашнего круга наблюдаются в тех случаях, когда они женятся на женах производственной ориентации, которые толкают своих мужей на самореализацию в карьере. Ведь нетрудно долж-

ность получить, труднее на ней задержаться. Ещё труднее чувствовать себя на ней комфортно.

В качестве исключения из описанных этой классификацией правил мы можем указать на представителей общественного круга богемного типа, к которой относятся, например, актёры. Чаще всего эти люди являются носителями сангвинистического темперамента с истероидной акцентуацией.

Нередко в подростковом возрасте они мечтают стать артистами. Они могут неплохо учиться, но их призванием все-таки является деятельность, связанная с контактом с большим количеством людей. Они становятся активными участниками любой самодеятельности, занимаются спортом и организовывают турпоходы. Неприятности начинаются у них при выборе профессии. Родители настаивают, да они и сами понимают, что следует избрать востребованную обществом профессию, которая даст устойчивый заработок и стабильное социальное положение, и вместо того чтобы попытаться поступить в консерваторию или художественное училище, они выбирают «приземлённое» поприще. Начинаются мучения людей, отмеченных «божьей искрой», но не состоявшихся только из-за того, что они пошли не по тому пути. По одному пути их толкали жизненные обстоятельства (родители, воспитывающая макросреда, традиции), но природа их личности «толкала» совсем по другому курсу. Какое-то время им удавалось следовать сразу двумя направлениями.

Некоторые так и не смогли сделать выбора и, став врачами, инженерами и научными работниками, продолжали заниматься художественной самодеятельностью, рисованием и организацией вечеров отдыха и другими общественными мероприятиями, достигнув иногда и там довольно высокого уровня. И этому есть множество примеров людей, которые живут по чуждой им ориентации, что приводит их к истеричности, депрессивности, тревожности, которую они зачастую снимают эмоциональными срывами, находясь в постоянном напряжении.

Также люди общественного круга бывают склонны к злоупотреблению алкоголем и к смене сексуальных партнёров. Всё это сказывается на профессиональной деятельности личности в той или иной области, хотя внешне, если говорить о норме социализации (по А.В. Петровскому: адаптация, индивидуализация и интеграция [124]), все выглядит вполне благополучно. Возможно, проводя оценку степени адаптированности личности, мы упускаем из вида какие-то другие факторы, явления и регуляторы системы адаптации личности.

1.2. Социальный статус, роль, самосознание и «я»-образ как адаптивные регуляторы социального поведения

Говоря о личностной ориентации и связанных с ней конфликтах адаптации, нам необходимо проводить параллели с такими социально-психологическими явлениями, как социальный статус, роль (внутриличностный/межролевой конфликт), «Я»-образ (его составляющие/динамика их изменений и их восприятие).

Социальный статус является одной из важнейших фундаментальных характеристик личности: это социальная позиция, занимаемая индивидом в обществе или социальной группе и обусловленная как естественными, так и социальными характеристиками (Дж. Келли, Я. Холландер). Анализ понятия роли показал, что оно является важнейшим понятием социальной психологии для объяснения человеческого поведения на всех уровнях:

- индивидуальном,
- межличностном,
- организационном.

В соответствии с этим нами за основу было принято следующее определение социальной роли: *это нормативная система действий, ожидаемая*

от индивида в соответствии с его социальной позицией (положением), то есть местом в конкретной системе социальных отношений [150].

Психологическими компонентами ролевого поведения также будут являться и ситуативно создаваемые линии поведения, умение перевоплощаться в процессе реализации поведенческих программ в соответствии с условиями и требованиями той социальной среды, в которой с разной периодичностью находится личность. Интересно, что в определении ролевого поведения, данным американским социальным психологом Э. Аронсоном, ставились акценты на умении индивида осуществлять широкий спектр различных видов поведения, опосредованного восприятием требования к своей социальной роли и особенностями социальной группы, в которой действует индивид [18], т.е. наряду с проблемой построения статусной иерархии в социальной среде личность также выстраивает и создает свой образ «Я».

«Я»-образ – это система всех возникающих на протяжении жизни представлений человека о себе самом (о теле и организме в целом, умственных способностях, моральных, нравственных качествах, эмоциях и чувствах, о себе как участнике межличностного взаимодействия [73]).

Современный этап исследований феномена «Я» связан с различением процесса самосознания (Я-субъект) и его продукта (Я-объект), который получил название образ «Я». В отечественной психологии теоретическая и методологическая база для исследования образа «Я» создана концептуальными работами К.А. Абульхановой, Б.Г. Ананьева, А.А. Бодалева, И.С. Кона, А.Г. Спиркина, В.В. Столина, И.И. Чесноковой. К настоящему моменту достаточно подробно исследованы такие аспекты проблемы, как становление образа «Я» и самосознания в контексте развития личности (Б.Г. Ананьев [10]; Л.И. Божович [31]; Л.С. Выготский [40]; Леонтьев А.Н. [91]; Спиркин [160]; П.Р. Чамата [179]; Е.В. Шорохова [194]), содержание образа «Я» (категории, в которых человек осознает свои особенности) (В.А. Аверин [1]; Т.В. Драгунова, Д.Б. Эльконин [57]; В.Е. Каган [69]; И.С. Кон [81]; А.М. Прихожан [135]). Исследовательские интересы ученых сконцентрированы вокруг таких

вопросов, как связь особенностей образа «Я» с особенностями социальной адаптации личности, как самооценка и оценка окружающих (А.А. Бодалев [30]; А.А. Реан [145]), структурная и уровневая организация образа «Я» (И.С. Кон; И.И. Чеснокова [180]), формирование образа «Я», которое рассматривается как результат общения ребенка со взрослыми (Н.Н. Авдеева, М.И. Лисина), регуляторная функция образа «Я», обнаруженная в ситуациях целеполагания, морального выбора, самовоспитания (И.С. Кон, А.А. Налчаджян) [49].

В.И. Кабрин, Я.Б. Частоколенко, Л.В. Шабанов, описывая так называемое «окно Джогари» [66, с. 65 -66], которые в свою очередь продолжили традицию, заданную неопсихоаналитической школой Эго-психологии А. Адлера, выделяли четыре блока, входящих в структуру образа «Я» личности [2]: Я x Я (мое индивидуальное видение образа самого себя – «то, как я себя вижу и только я»); Мы x Я (образ группы, социальной среды – «то, как я вижу среду своего общения, как я представляю свою значимую группу»); Я x МЫ (социальный образ личности – «то, как, по моему мнению, меня воспринимает моя значимая группа, друзья, семья, коллеги»); «Слепое пятно» (негативный отвергаемый образ – «то, что я не хочу знать/вытесняю о себе и своей значимой группе») [204].

В процессе любой деятельности человек либо получает подтверждение уже имеющемуся «Я»-образу, либо воспринимает в себе что-то новое или по-новому. Новый опыт может в той или иной степени гармонизировать или дисгармонизировать с уже имеющимся «Я»-образом. Новые представления, принципиально противоречащие значимым представлениям о себе, могут отвергаться (вычеркиваться из сознания механизмом вытеснения), соответственно, представления, непротиворечащие сложившимся блокам «Я»-образа, в разной степени принимаются. Особо отметим, что к глобально принимаемым (гармонирующим с «Я»-образом), могут относиться и негативные представления о себе. Принимаемые представления о себе могут и не осознаваться [205].

Отвергаемые представления также могут осознаваться, но для этого человеку надо проделать большую внутреннюю работу – адаптироваться к новому. Значимый неуспех снижает устойчивость «Я»-образа. В любом случае вовлечение личности в деятельность происходит через становление отношения личности к целям деятельности и осознанию потребности в их достижении. Этот процесс проходит крайне неравномерно и чреват наличием внутренних конфликтов разного уровня. Противоречия, конфликты составляющих «Я»-образ блоков становятся более выпуклыми, и человек бывает вынужден проводить «ревизию» своих представлений о себе и переоценивать себя. Самопринятие как базовое глобальное чувство расположенности, симпатии к себе может возрасти, понизиться или остаться на прежнем уровне. Если человек испытывал какие-либо противоречия (внутренний конфликт) между представлениями о себе, то в кризисной ситуации неприятие себя может стать более выраженным».

Современный этап исследования образа «Я» связан с теорией личностных конструктов (согласно Дж. Келли, ссылка: F Makhlouf-Noms, H. Morris, 1976 [73]), представлением о семантической организации психического опыта (В.Ф. Петренко [123], АГ. Шмелев [193]), выделением уровней активности (организменного, индивидуального, личностного) (В.В. Столин [163], О.Н. Арестова и Е.С. Шильштейн [17, с. 18]), опираясь на понимание уровневого строения психосемантического пространства, рассматривали «Я» как иерархически организованную часть психического опыта, разворачивающегося от глубинного самоощущения до вербализованных, концептуализированных представлений о себе. Важным в понимании функционирования системы конструктов образа «Я» является то, что изменения в этой системе предшествуют изменению в поведении.

Таким образом, можно предположить, что степень осознания представлений о себе может не только рассматриваться в качестве показателя их глобального принятия или отвержения, но и будет являться индикатором степени адаптации личности к новым условиям/качествам/среде.

Именно здесь важно понять, насколько влияние самосознания на психические процессы и поведение личности носит всесторонний, глобальный всепроникающий характер. В. Столин перечислял следующие функции самосознания [163, с. 50-53]:

- мотивирующую функцию;
- участие в целеобразовании (в подборе целей, соответствующих «Я»-концепции);
- наложение запрета на определенные действия;
- детерминация отношений с окружающими;
- влияние на развитие тех или иных черт личности и всей ее структуры,
- осуществление функции самоконтроля в процессе реализации различных деятельностей;
- функция приобщения человека к жизни других людей и социальных групп.

В вопросе адаптации личности нас главным образом интересуют те функции и подструктуры самосознания, которые касаются социально-психической адаптации – и, в первую очередь, адаптивные функции ситуативных «Я»-образов [194, с. 190-194].

Когда человек оказывается в проблемной социальной ситуации и перед ним возникает необходимость адаптации к ней, в сфере его сознания и ближайшего подсознательного в норме возникает его ситуативный «Я»-образ, предназначенный (или функционально адекватный) именно для данного процесса адаптации в данной конкретной ситуации. В дальнейшем этот «Я»-образ может сохраниться на подсознательном уровне и воспроизводиться только в сходных проблемных ситуациях. Однако многие ситуативные «Я»-образы повторно не воспроизводятся вследствие неповторимости и уникальности тех ситуаций, в которых они единственный раз образовались и были адаптивными.

«Таким образом, ситуативные «Я»-образы являются теми динамическими оперативными самоотражениями, которые непосредственно участву-

ют в реальной жизнедеятельности человека, являясь актуализациями различных аспектов «Я»-концепции. Они гибко меняются и осуществляют непрерывную адаптацию личности к меняющимся ситуациям жизни» [85, с. 210-212]. Однако изменения и смену этих оперативных «Я»-образов вызывают только те ситуации, которые предъявляют требования к личности, т.е. являются для нее проблемными.

Ч. Кули выделял следующие компоненты «Я»-образа:

- представления личности о том, какой она кажется другим;
- представления об оценке, которую другой дает этому образу;
- чувство гордости или унижения.

Постоянным элементом «Я»-образов является «телесное Я» – внешний образ/представляемый вид в целом. Психические составляющие «Я»-концепции, как мы уже отмечали выше, более гибки: они то осознаются, то вытесняются в подсознательное новыми содержаниями потока сознания.

Поведение человека претерпевает изменения в зависимости от четкости или неясности «Я»-образов, а также от актуализированного в них содержания «Я»-концепции. Нас интересует в первую очередь внутренняя регуляция адаптации как социально-психического процесса. Если целью регуляции поведения является адаптация личности, ее можно назвать адаптивной регуляцией социального поведения.

Ещё А.А. Налчаджян выдвигал идею о том, что психика человека в лице центральных образований его «Я» следит за тем, как функционируют адаптивные механизмы, сравнивает реальное поведение с предварительным планом, с предвосхищаемым ходом адаптации [112], а также выяснил, что «Я»-образы актуализируются на подсознательном уровне, которые не только в сновидениях, но и в бодрствующем состоянии оказывают глубокое и тонкое влияние на поведение человека, на его переживания, мимику и пантомимику, на его аргументы (если он осуществляет мыслительную деятельность).

Выделение таких структурных элементов самосознания, как образы «Я»-идеальное и «Я»-реальное, можно встретить в работах У. Джеймса,

К. Левина, К. Роджерса, З. Фрейда, К. Хорни и др. Авторы указывали на роль идеального «Я» в интер/интрапсихических процессах. Основные противоречия в этой области касаются роли соотношения «Я»-идеального и «Я»-реального в процессах адаптации и социализации личности. Одни авторы полагали, что расхождение между «Я»-идеальным и «Я»-реальным считается симптомом внутренних конфликтов, нарушения адаптации, причиной депрессивных переживаний (А.А. Налчаджян, К. Хорни [177]; D. Breen, A. Ryle [203, с. 72-76]), и тогда образ «Я»-идеальное может быть включен в структуру защитных механизмов процесса адаптации/ресоциализации личности (Е.Т. Соколова, Е.П. Чечельницкая [158, с. 13-15]). С другой стороны, расхождение «Я»-идеального и «Я»-реального считается признаком психологической зрелости, развитого самосознания, лежит в основе стремления к саморазвитию и даже является особенностью подросткового периода развития (Р. Бернс [28], М. Кирай-Деваи [73], И.С. Кон [81], А.А. Реан [145]).

Тем не менее, случаи, когда ситуативные выражения «Я»-концепции личности становятся особенно ярко осознаваемыми, представляют особый интерес. «Я»-образ человека становится особенно четко осознанным, когда он оказывается перед большими аудиториями или при восприятии своего отражения в зеркале. В первом из этих случаев поведение человека на виду других участников социального процесса и его самоуважение всякий раз оказывается в опасности, если реакции других являются неблагоприятными [104, с. 6-10].

Неуверенные в себе люди, имеющие низкий уровень собственного достоинства, у которых не сформировалась устойчивая положительная «Я»-концепция, робки, легко поддаются социальным влияниям, страстно желают одобрения, легко смущаются, очень чувствительны к реакциям других, т.к. они все еще ищут такой информации, которая окажет влияние на продолжающееся формирование их самосознания [160, с. 150-153]. Те же, кто достиг устойчивой личной определенности (интегрированной «Я»-концепции), уже не очень беспокоятся о том, что думают о них другие (не переживают

сильного фрустрирующего состояния, если другие ошибочно оценивают их личность или негативно реагируют на нее). Недаром многие психотерапевты считают, что лишь воспитав «доверие к себе», человек получает те стратегии, которые необходимы ему на последней стадии социализации.

Доверие к себе есть относительно самостоятельный феномен субъектности, присущий внутреннему миру человеческой личности. Более того, он относится к числу феноменов, связанных с активностью человека, способного действовать как целетворящий, суверенный субъект собственной активности. Таким образом, доверие к себе можно считать условием существования личности как суверенного субъекта активности, способного к самостоятельному выбору целей [164].

Проблема доверия к себе относится к числу экзистенциальных проблем человека, ибо само оно, его уровень связаны с бесчисленными выборами, которые каждый раз человек должен сделать сам – инициировать себя, свои действия, свое поведение, свою жизненную программу.

Для самостоятельной инициации активности человеку необходимо уметь полагаться на себя, определять масштаб собственной активности, принимать решения и выбирать. Как известно, результат активности не всегда непредсказуем, чаще всего, он носит вероятностный характер. Поэтому без доверия к себе человеку не обойтись [107].

Выбирая цель, прогнозируя будущую активность в каждый момент времени, человек стремится соответствовать не только себе, но и миру, поэтому доверие к себе существует в единстве с доверием к миру, а проблема заключается в уровне их соотношения. Иными словами, прогнозируя свое поведение, человек всегда занимает одновременно личностную и социальную позицию, потому что он одновременно обращен и в мир, и в себя [102].

Из этого следует, что абсолютным доверие человека к себе быть не должно, как не должно быть абсолютным и недоверие к себе. Представителями различных направлений антропологической философии было показано, что абсолютизация доверия к себе приводит к личностной стагнации и, в ко-

нечном счете, к утрате личностью самой себя. В этом случае высшей и единственной ценностью для такого человека становится он сам, что в результате приводит к утрате связи с миром [126].

С другой стороны, абсолютизация недоверия к себе, ведет к утрате своей индивидуальности, поскольку не доверяющий себе человек ищет точку опоры вовне, в мире, а потому становится зависимым, несамостоятельным, ждет постоянного подтверждения своей ценности извне и в результате превращается в объект бесконечных манипуляций со стороны других людей, оглядывается на ситуацию, внешние условия и т.п., теряя собственную творческую инициативу.

«Можно образно сказать, что человек настолько доверяет себе, насколько он способен «выйти за пределы» своего прошлого опыта, не входя в противоречие с собой, со своими внутренними ценностями и смыслами. Имеется в виду «радиус самораспространения», который человек себе позволяет. Этот радиус и определяет масштаб жизненных задач, которые человек способен самостоятельно поставить для себя. Поэтому в любой активности имеет место проявление определенного уровня доверия к себе в конкретной сфере жизнедеятельности, при этом в одних сферах жизнедеятельности у человека может быть сформирована установка на доверие к себе, а в других – нет. Все зависит от того, какие возможности человек в себе осознает, и какую личную, индивидуальную ценность, значимость имеют для него потребности, связанные с той или иной сферой жизнедеятельности. Таким образом, в уровне доверия к себе проявляются основные формально-динамические характеристики доверия – мера, избирательность и парциальность» [102, с.102-103].

В пп. 1.1. мы уже говорили о традиционном выделении трех стадий социализации личности, классифицируемых А.В. Петровским: адаптация, индивидуализация и интеграция. Это схоже с тем, как Л.Я. Дорфман выделял три потока детерминаций, обуславливающих многомерный мир человека [56].

– Первый поток детерминации, восходит к системам, которым принадлежит человек (общество, культура, природа), но которые шире рамок его жизненного мира. Человек выступает здесь как элемент тех систем, в которые он вписывается. Суть человека в данном потоке детерминации можно сформулировать следующим образом: «какова система – таковым должен стать и я, и мой жизненный мир».

– Второй поток детерминации обусловлен тем, что объективная действительность воздействует на человека не прямо, непосредственно, а опосредуясь его собственной активностью. Активность продуцируется человеком, но она носит вторичный характер – ответная реакция/отражение внешних воздействий.

– Третий поток детерминации, точнее, его истоки находятся не во внешнем мире, а наоборот, внутри него самого, т.е. человек может находить внутри себя детерминирующие силы, направленные как на самого себя, так и на другие системы. Тем самым человек приобретает независимость и освобождается от тотальной зависимости от внешнего мира.

Движение от человека предполагает устройство общества многоликим, открытым для всех, уважительно принимающим индивидуальное многообразие и готовым к переменам и развитию, т.е. демократическим. В открытом демократическом обществе всякий человек волен проявлять неадаптивную активность, оно способствует открытости другим людям, расширению жизненного мира, – говорил Л.Я. Дорфман [56], – И действительно, подобный взгляд на сущность человека позволяет увидеть его не как явление, противостоящее миру, а как явление, продолженное в мире. В этом взаимопроникновении человека и мира именно человек является суверенным субъектом активности, самостоятельно выбирая способы связи с миром, в котором он живёт и в который он «вживлён» [92, с. 23-24].

На феноменологическом уровне всё это можно представить следующим образом: регулируя свое поведение, прогнозируя его, человек всегда определенным образом соотносит свои возможности (в той мере, в которой он

их осознает) с тем, насколько важны, значимы для него требования и условия, исходящие из внешней действительности. Поэтому понять сущность доверия к себе можно, лишь опираясь на единую онтологию «человек и мир» (как у А.Г. Асмолова, например [22, с. 8-10]).

Анализируемое явление доверия к себе имеет относительно самостоятельный социально-психологический статус, поскольку одновременная обращенность человека в мир и в себя предполагает, что к обеим реальностям он относится пристрастно. С одной стороны, он выделяет лишь актуально, ситуативно значимые для себя свойства и качества объектов внешнего мира, а с другой – осознает лишь те влечения и потребности, которые имеют для него смысл и ценность в данный конкретный момент времени, в данной конкретной ситуации, абстрагируясь от всего остального. Человек никогда до конца не знает мир, его свойства и качества, и он никогда до конца не знает себя, поэтому объединяют человека и мир в единую онтологию не только знания, но и вера в форме доверия. Именно доверие позволяет человеку, с одной стороны, не бояться вступать во взаимодействие с миром, который он не знает до конца, а с другой – самостоятельно выбирать цели, относиться к себе, к своим переживаниям, к своей собственной субъектности как к ценности» [47, с. 99-103].

Доверие к себе сложно измерить эмпирически, оно проявляется в бесчисленных поступках человека и, прежде всего, в тех, которые соответствуют ценностным представлениям человека о себе, не вступают с ними в противоречие. Здесь работает принцип соответствия, который в данном контексте можно выразить следующим образом: будучи суверенным субъектом активности, человек в то же самое время стремится соответствовать самому себе, т.е. ценностным представлениям о себе самом. Если предполагаемый поступок противоречит внутреннему «Я» человека или системе его внутренних смысловых образований, он вступает во внутреннее эмоциональное противоречие с самим собой (обычно тяжело переживаемое личностью), поэтому находиться сколько-нибудь долго в таком состоянии человек не может. Значит,

в каждый момент времени человек стремится соответствовать не только миру, он стремится соответствовать и себе самому, т.е. своим собственным ценностным переживаниям относительно самого себя, поэтому доверие к себе проявляется в способности личности «выходить за пределы» себя, своего опыта или конкретной ситуации, не входя при этом в противоречие с собой, т.е. со своими ценностями и смыслами.

Без доверия человека к себе невозможен творческий подход, т.е. без целетворящего характера жизнедеятельности, невозможно самопроектирование будущего, т.к. доверие к себе предполагает, прежде всего, отношение к себе как к ценности. Доверие к себе – это сложное образование, которое не является величиной постоянной, ибо этот уровень определяется постоянно происходящим соотношением человеком себя, с одной стороны, с миром, а с другой – с самим собой.

Все это можно назвать самоорганизацией личности. Самоорганизация личности на субъективном, личностном уровне означает в первую очередь формирование у человека доверия к себе, понимаемого как полноценное овладение собой, своей сущностью, как способность самостоятельно ставить цели и действовать в соответствии с ними, сохраняя адекватную критическую позицию по отношению к самому себе, способность предвосхищать результаты действий до их выполнения, самостоятельно строить стратегию достижения целей в соответствии с внутренними личностными смыслами, умение соотносить возникающие потребности с возможностями их реализации в данной ситуации и с присвоенными личностью социокультурными ориентирами (смыслами [92]), имеющими место в обществе (или своими представлениями о них [93]).

Таким образом, оптимальный уровень доверия к себе в конечном итоге предполагает овладение способностью к самоорганизации своей жизни. А если личность самоорганизована, то ей свойственно проявлять с возможной полнотой свои творческие, конструктивные способности, переживать ощу-

щение собственной ценности, значительности, что и является полноценным состоянием социальной адаптированности человека.

Конечно, такой сложный процесс, как самопринятие, представляет собой некую интегральную характеристику личности – то, что человек значит для себя, некий смысл, на котором строится видение мира и своего места в нем. Роль самопринятия подчеркивал еще К. Роджерс, он говорил о том, что человек становится полноценным (саморазвивающимся, целостным) только при условии принятия себя [147, с. 217-224.]. Правда, в большинстве концепций самопринятие традиционно рассматривается как самоуважение, эмоциональное отношение к себе, общее чувство за и против своей личности, принятие отдельных своих качеств и любовь к себе. Э. Фромм говорил, что не только другие, но и мы сами являемся объектами наших чувств и установок: установки по отношению к другим и по отношению к самим себе не только далеки от противоречия, но основательно связаны.

В плане обсуждаемой нами проблемы социальной адаптации личности это означает: любовь к другим и любовь к себе не составляют альтернативы. Напротив, установка на любовь к себе будет обнаружена у всех, кто способен любить других. Любовь в принципе неделима в смысле связи между «объектами» и чьими-то собственными «Я». Подлинная любовь – это выражение созидательности, и она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание [174, с. 37-42].

Положительное отношение к себе имеет очень важное значение для поддержания психологического комфорта и здоровья личности. И если для необихевиористики характерно сведение личности к её социальному функционированию и определение нормы или здоровья; в инвайронментализме – это соответствует понятиям равновесия со средой, с использованием внешних критериев: адаптации, стабильности, успешности; то гуманистической и экзистенциальной психологией была предложена концепция «позитивного психического здоровья», в котором делается акцент на специфически человеческий способ существования.

В центре этого подхода поставлен анализ здорового функционирования как позитивного процесса, заменяя понятие «адаптация» понятиями «само-реализация», «самоактуализация». Ф. Перлз (гештальтпсихология) описывал психическое здоровье и заболевание через отождествления и отчуждения самости, т.е. здоровая личность принимает свою сущность, нездоровая – отчуждает самого себя. Кроме того, говоря о различных концепциях «Я»-образа, мы можем добавить, что соотношение «Я»-идеального и «Я»-реального связано и с уровнем общей социальной адаптированности, и с уровнем проблемной нагруженности личности. К. Роджерс (гуманистическая психология) полагал, что психологическая дезадаптация происходит в результате несоответствия между «Я»-структурой и получаемым опытом извне. Поэтому человек склонен к отрицанию или искажению любого переживания, которое противоречит его нынешнему «Я»-образу, если же несоответствие реального и идеального «Я» мало, то появляется чувство принятия, уважения и ценности других. А. Маслоу выделял проблему социальной адаптации личности в движении к актуализации заложенных в его природе возможностей, к реализации его индивидуальных потенциалов.

Выводы по главе 1:

Рассмотрение различных концепций, относящихся к проблеме адаптации на уровне личностных механизмов, позволяет заключить, что многие частные вопросы, касающиеся видов/влияний отдельных адаптивных факторов/механизмов, изучены с различной степенью глубины, и как правило, не решены, а значит – до сих пор еще не объединены едиными теоретическими принципами в целостную картину. Не существует четких критериев социально-психологической адаптированности личности.

Разночтения базовых концепций дают общий недостаток концептуальных разработок и, в свою очередь, приводят к «размыванию» самого понятия «адаптация», освещению лишь отдельных фрагментов этого уникального феномена. В результате теряется возможность выявления и понимания общих закономерностей методологии познания адаптации.

Между тем, проблема адекватно выстроенной адаптации личности – острая и актуальная для современного общества – находится в полях двух психологических феноменов:

- 1) общие адаптивные способности человека;
- 2) социально-психологические качества личности.

Чаще всего человек воспринимается как объект средовых воздействий, и ему отводится хотя и активная, но связанная главным образом с сохранением равновесия со средой роль. Долгое время основной смысл объяснений адаптационного поведения сводился к рассмотрению личности в виде своего рода промежуточного звена между воздействующими факторами среды и адаптационным ответом.

Современная реальность, меняющая свое социальное, предметно-технологическое, культурное и природное содержание, ставит перед необходимостью изучения адаптации с позиций человека как субъекта жизнедеятельности, как целостной личности, определяющей выбор направления и способов построения собственного жизненного пути в нестабильном мире.

Поэтому сегодня отношение к роли личности в адаптации претерпевает существенные изменения. Личность все чаще признается инициатором и вершителем адаптационных процессов.

По направленности социальную адаптацию можно различать как внешнюю (приспособление к внешним проблемным ситуациям), так и внутреннюю, направленную на разрешение внутренних конфликтов и структурную перестройку внутренних адаптивных механизмов личности. По эффективности и результатам – как «прогрессивную», дающую устойчивую поло-

жительную динамику относительно стрессогенных факторов социального окружения, и, наоборот, «регрессивную».

Исходя из оценки активности личности, мы можем говорить об активной, конформной (пассивной) адаптации и о неадаптивном, надситуативном поведении. По специфике адаптационных механизмов (по Налчаджяну) выделяется нормальная адаптация (т.е. процесс, который приводит к устойчивой адаптированности без патологических изменений структуры личности), защитная адаптация (агрессия, рационализация, проекция, регрессия, сублимация и т.п.); и смешанный тип (защита от фрустрированности и необходимость решения конструктивных задач).

Соотношение образов «Я»-идеальное и «Я»-реальное также является одним из значимых адаптивных механизмов саморегуляции, определяющих социально-психологическую адаптацию и разрешение проблемных ситуаций.

Кроме того, успешно адаптированный человек должен воспринимать свою сущность натуральной, подлинной, со всеми недостатками и достоинствами. Иными словами, его успешная социальная адаптация напрямую зависит от уровня принятия себя.

Это допускает еще один аспект адаптации – поиск личностью необходимых ей способов самораскрытия. Основные парадигмы отражены в концептуальном обзоре отношений к феномену адаптации в социальной психологии (см. табл. 1.).

Однако «вместо того чтобы рассматривать физиологическую психологию, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально-гуманистическую и трансперсональную психологии как подходы конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие пути получения новых открытий о человеке, каждый из которых потенциально информативен для другого» [76, с. 12-15].

Основные парадигмы, рассматривающие феномен адаптации личности в психологии

Парадигмы	Представители	Адаптация	Дезадаптация
Физиологическая Уровень ПФА к внешними внутренним факторам среды	Кречмер, Павлов, Сеченов, Селье, Теплов, Ходмс и др.	«мобилизация» соматических защитных сил саморегуляции организма как реакция на внешние изменения среды	психическое, психосоматическое, психосоциальное «нездоровье», вызванное стрессом
Рефлексология, патопсихология Психоневрология	Бехтерев, Лазурский, Никитин, Останков и др.	следствие нормальной работы ЦНС (регулирующие функции)	признак патологических проявлений в психике
ПФА и СА связаны с характером действия (индивид) и возможностями действия (социум)	Зейгарник, Николаева, Поляков и др.	здоровая личность, будучи социальна по своей природе, усваивает нормы общества, продуктом которого она является	напрямую связана с нарушениями личности
Концепция малой психиатрии	Ганнушкин, Кербиков, Фрумкин, Эдельштейн и др.	объективный признак психического здоровья	патологический характер или патологическое стремление к стабильности
Нейропсихология ПФА и СА правильно организуется в зависимости от потенциала	Лурия, Величковский и др.	социально желательное воспитание и правильно организованная деятельность	слабость ЦНС (лобные и височные отделы коры), дефекты наследственности и воспитания

<p>Психодинамическая</p> <p>Социализация личности с постоянным нарастанием и снятием факторов внутреннего конфликта</p>	<p>Адлер, Коффка, Перлз, Фрейд, Фромм, Хайдер, Хорни, Эльконин и др.</p>	<p>психодинамическая структура взаимовлияний, вырабатывающая схемы психологических защит от стрессов</p>	<p>Разрушение внутренней целостности восприятия равновесия (гомеостаз/гетеростаз) частей личности</p>
<p>Бихевиористико - когнитивная</p> <p>СА в среде, ассимиляция норм на уровне реактивного поведения, огранич. требованиями нормы</p>	<p>Айзенк, Аронсон, Бандура, Мейо, Москови- чи, Роттер, Торндайк, Фестингер и др.</p>	<p>адекватное, сохраняющее равновесие (конгруэнтность) восприятие окружающей действительности</p>	<p>неверная реакция (фрустрация, диссонанс) на «вызовы» (стимулы) окружающей среды</p>
<p>Культурно - историческая</p> <p>СА в среде, ассимиляция норм и ценностей на уровне символов, знаков, образов в процессе саморазвития личности</p> <p>Психология восприятия</p> <p>Личностные ассимиляции смыслов</p>	<p>Выготский, Запорожец, Знаков, Божович, Эльконин, Зинченко, Мещеря- ков, Мунипов, Фролов, Леонтьев, Василюк, Иванников и др.</p>	<p>усвоение индивидуумом полит., эконом., культурных норм общества, передаваемых через слово, символ и знак, дающее правильное восприятие внеш. факторов и принятие конструктивных решений</p>	<p>неверное восприятие окружающего мира, нарушение ВПФ или слияние с неоднозначным и мифолог. образами, влекущее неадекватные поведенческие реакции</p>
<p>Системная структурно – уровневая концепция</p> <p>Поуровневая СА структуры ПФА личности</p>	<p>Роговин, Залевский, Мазиллов, Карпов, Морогин, Урванцев и др.</p>	<p>гармоничное сочетание элементов психики (адаптационных механизмов) рассматривается как система, имеющая внутреннюю орга-</p>	<p>рассогласование структуры личности, высокая ригидность, затруднение формирования эффективных и актуальных поведенческих паттернов</p>

		низацию	
--	--	---------	--

Экзистенциально - гуманистическая	Бандура, Келли, Мэй, Миллон, Оллпорт, Роджерс, Холландер и др.	возможность свободы саморазвития, самореализации	обусловлена несвободой реализации личности, отсутствием самоподтверждения
СА к среде, ресоциализация на уровне нормированного поведения			
Трансперсональная	Ассаджиоли, Грофф, Маслоу, Уилбер и др.	возможность свободы самоактуализации личности в любой среде	связана с несвободой в области актуализации личности
Ассимиляция «себя социального» в «себе истинном», ресоциализация на уровне самопринятия			
Интегративная психология	Козлов, Кабрин	успешная интеграция личности в окружающую социальную группу	психологический кризис и нарушение гармоничного взаимодействия человек - социум
Холистическое, универсальное понимание адаптации личности			

Index: список сокращений: ВПФ – высшие психические функции; ПФА – психофизиологическая адаптация; СА – социальная адаптация; ЦНС – центральная нервная система.

Исходя из вышеперечисленных взглядов и концепций, мы можем выявить высокие уровни взаимосвязи в формуле:

Адаптация = Самопринятие (поиск способов самораскрытия);

Самопринятие = Самоподтверждение (поиск поведенческих стратегий во взаимоотношениях);

Самоподтверждение = Адаптивное поведение (социальная фасилитация новых, включенных в группу индивидов (факторов действия или деятельности группы).

Девиантными или отклоняющимися, неконформными можно назвать те процессы социальной адаптации личности, которые обеспечивают удовлетворение ее потребностей в данной группе или социальной среде в то время, как ожидания остальных участников социального процесса не оправдываются таким поведением. Заметим сразу же, что девиантное в данной групповой среде поведение может быть совершенно нормальным и продуктивным для другой организации или общества, в состав которых входит эта малая группа. Более мягкими формами такой «анормальности» будут являться так называемая «неконформистская адаптация» (термин А.А. Налчаджяна) – преодоление внутригрупповой проблемной ситуации необычными для членов этой группы способами и путями, и вследствие этого личность оказывается в конфликтных отношениях с нормами группы, и «новаторская» – инновационная, творческая, которая также разрушает традиционную нормативно-ценностную систему группы, но не явно, а через «влияние меньшинства» (термин С. Московичи).

Исходя из вышеописанного анализа, мы можем указать объективные и субъективные критерии психологической адаптированности личности.

Объективные критерии:

- эффективность, успешность учебно-профессиональной деятельности;
- успешность выполнения служебных задач, выполнение требований уставов, приказов и т.п.;
- авторитетное положение в коллективе, достаточно высокий статус, отсутствие конфликтов с окружающими.

Субъективные критерии:

- сохранность интереса к профессии, развитие профессиональных интересов – мотивационная адаптированность;
- отсутствие агрессивно-конфликтного или пассивно-подчиненного отношения к окружающим;
- наличие адекватной, достаточно высокой самооценки.

В качестве источников социально-психологической дезадаптации

мы можем выделить следующие:

- изоляция от привычных условий;
- гиперстимуляция новыми по содержанию социальными стимулами;
- утрата сложившихся форм наставничества/потеря привычного коллектива;
- ломка динамических стереотипов, вызванная несовпадением представлений о жизни с реальным положением дел.

Таким образом, говоря о проблемах социальной дезадаптации, мы говорим скорее о проблеме изменений внешних и внутренних условий социализации личности, когда процесс социализации не сводится к непосредственному взаимодействию индивидов, но включает всю совокупность общественных отношений, вплоть до самых глубоких и опосредованных. Следовательно, это не столько механическое наложение на индивида готовой социальной «формы», сколько стимулирование индивида как «объекта» социализации, который выступает в то же время субъектом общественной активности.

В этом случае степень и уровни социальной адаптации будут подчинены несколько другой логике: пилотажный, поверхностный уровень исследования адаптивности личности покажет характер принятия норм, ценностные различия, нормативные и каузальные несовпадения (т.е. проблематику, связанную с процессами социализации личности в поле ее самостоятельного либо подчиненного поведения). Глубинный, качественный уровень исследования даст представление о совместимости/несовместимости поведения, о восприятии личностных ценностей, мотиваций и норм (т.е. проблематику реадaptационных процессов в поле инфантильного либо зрелого восприятия социальной реальности).

Исходя из этого, адаптация личности в современном мире, когда понятие «норма» настолько широко и размыто, должна рассматриваться как социальный процесс, относящийся к процессам социализации человека, и с точки

зрения компенсаторных, даже защитных, функций приспособления личности. Мы можем выделить как минимум два аспекта, иллюстрирующих этот тезис: во-первых, с развитием современных взглядов на иерархическую культуру отношений и ценностей глобализованного мира мы можем выделить адаптацию к набору девиаций, которые уже не являются значимыми отклонениями для общества (инициация в делинквентность, разрушение картины мира, ломка личностных качеств при приспособлении к новому социуму пребывания); во-вторых, адаптация личности к заведомо неблагоприятным (ненормальным) условиям строительства своего карьерного будущего (ресоциализация, связанная с обязательным прохождением маргинальных состояний).

И в данном понимании, анализируя все вышесказанное, мы можем заключить, что социальная адаптация будет являть собой значимый, постоянный, триединый процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды (ассимиляция), стремления «переделать» предложенные в процессе ассимиляции условия под себя (реадаптация), а также сам результат этого процесса (социализация).

В дальнейшем исследовании мы сравним три группы (школьники, студенты, взрослые) и выясним, будет ли процесс социальной адаптации являть собой значимый, постоянный, триединый комплекс активного приспособления индивида к условиям социальной среды (ассимиляция), личностного поведенческого стремления «переделать» внешние социальные условия под себя (реадаптация), а также сам результат этого процесса (социализация).

Глава 2.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОПИСАНИЕ МЕТОДИК, ПРОЦЕДУРЫ ПРОВЕДЕНИЯ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ЭТАПОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

2.1. Концепция и методология исследования процессов социальной адаптации

Понимание процесса социальной адаптации мы можем отразить в виде определенной системы двух тезисов, связанных между собою и вытекающих один из другого способов понимания этого процесса.

1. Адаптация до сих пор и чаще всего рассматривается с точки зрения клинических и патологических процессов, но, на наш взгляд, в современном мире – когда понятие «норма» настолько широко и размыто трактуется – настало время рассмотрения этого феномена именно с точки зрения самих единичных и неделимых процессов адаптации в сети социальных событий и взаимосвязей. В качестве отправной точки здесь будет выступать интегративный подход (В.В. Козлов [76], В.А. Мазилев [100], М.С. Роговин [146]).

2. Поскольку в системе общей теории адаптации человека произошли изменения – кроме данных физиологических и патологических исследований, ряда концепций стрессообразования и агрессивного поведения, мы сочли необходимым добавить в проблемное поле исследовательской работы категории чисто социально-психологического характера:

– личность как система значимых (для ее формирования) связей (Э. Гофман [141], Ч. Кули [85], Д. Мид [107], А. Столяренко [48], В.И. Кабрин [67]);

– микро-, и макросоциум как полигоны формирования основных социальных качеств личности (Б. Ананьев [9], А. Бандура [202], А. Леонтьев [92]);

– неформальные группы и объединения как стартовые площадки социализации личности (социально-психологическая концепция, сложившаяся на основании социокультурных исследований М. Бахтина [88], Ю. Кристевой [83], М. Мид [107], Э. Стоунквиста [164], И. Хейзинги [141], М. Элиаде [195]) [183];

– также категории, имеющие как внутреннее (социально-психологическое), так и внешнее (социологическое) звучание: статус, роль, Я-концепция [85].

Исходя из этого, мы выделяем как минимум два аспекта:

1. Адаптация личности к заведомо неблагоприятным (ненормальным) условиям строительства будущего (социализация личности в динамично меняющемся мире; ре-социализация, связанная с обязательным прохождением маргинальных состояний; адаптация к качественно-неблагоприятным условиям проживания/образования/трудоустройства/строительства карьеры).

2. Адаптация к деструктивному отношению к отдельному человеку в обществе, девиации которого уже не являются значимыми отклонениями в смысле общих социальных отношений (инициация в делинквентность /девиантное поведение; разрушение картины мира; ломка личностных качеств, при приспособлении к новому социуму временного пребывания/длительного проживания).

Существуют различные взгляды на социальную адаптацию личности. Некоторые ученые говорят лишь о части временного отрезка в общей периодизации более глобального процесса – социализации личности.

Н.В. Андрееenkova указывала на периоды социализации в рамках перехода из детства, из отрочества и юности, перехода к зрелости [13, с. 18-19]. Соответственно, в нашем случае выделяются два основных этапа адаптации внутри процесса социализации личности: промежуточная социализация подростка и устойчивая концептуальная социализация в юношеском возрасте в период перехода от юности к зрелости, т.е. от 17-18 до 23-25 лет.

Кроме того, в советской классификации стадий социализации через призму теории деятельности выделялось три общих стадии социальной адаптации: дотрудовая, трудовая и послетрудовая (Н.В. Андрееenkova, Я.И. Гилинский) [42, с. 587-609].

Западные исследователи, например, Т. Шибутани, считали, что процесс социализации продолжается всю жизнь, и не представляли его жестко нормативным (сюда же можно отнести эпигенетическую концепцию Э. Эриксона и стадийную – Г. Олпорта) [191].

Шибутани понимал социализацию как продолжающийся всю жизнь процесс адаптации к новым условиям. Но даже если мы считаем, что социализация продолжается всю жизнь, и не выделяем ее этапов, привязанных к возрасту, нельзя игнорировать большее значение различных социальных институтов в каждом определенном возрасте.

Конечно, вопрос о том, какие именно институты социума оказывают влияние на социализацию человека, во многом зависит от типа общества, его культурных особенностей и «неписанных» правил адаптации. Так, в определенном возрасте большинство детей идут в детский сад, затем в школу, и их социализация проходит под влиянием этих институтов, к которым они должны адаптироваться и подготовиться к новому уровню (скачку/переходному периоду) – выходу во взрослую самостоятельную жизнь.

Начиная с вхождения в подростковый период, возрастает влияние такого института, как микрогруппа (группа сверстников, неформальное объединение, дворовый сбор). Этот институт существовал всегда, но на протяжении истории, очевидно, оказывал различное влияние на формирование личности. В литературе обычно говорится о влиянии группы сверстников на социализацию подростков, хотя этот институт оказывает влияние как до, так и после подросткового возраста.

В своей типологии культур М. Мид выделяла постфигуративные, кофигуративные и префигуративные культуры [107].

В постфигуративных культурах практически нет изменений на протяжении жизни нескольких поколений, и очень ценится опыт стариков, у которых учатся младшие. Степень социальной адаптации здесь имеет характер приспособления к традиции.

В кофигуративных культурах вырастает значение сверстников, т.к. опыт предыдущего поколения уже не всегда подходит для жизни следующего: другая динамика общества – нелинейная.

Изменения в кофигуративных культурах происходят значительно быстрее, чем в постфигуративных, но медленнее, чем в префигуративных культурах, где они столь стремительны, что жизненный опыт родителей уже совсем не подходит для детей, и основным носителем новых образцов поведения является молодежь, испытывающая на себе различные образцы социальной адаптации, отражающиеся в различных молодежных субкультурах [184]. Общение со сверстниками оказывается важным целеуказателем в индивидуальных траекториях социальной адаптации: в ходе этого общения вырабатываются навыки социального взаимодействия, увеличивается набор социальных ролей, расширяется представление о собственной личности.

По мнению И. Кона, «включение в общество сверстников расширяет возможности самоутверждения ребенка, дает ему новые роли и критерии самооценок. По мере того как расширяется и обогащается круг его «принадлежностей», выражающийся словом «мы» («мы – Ивановы», «мы – мальчики», «мы – старшая группа» и т.д.), усложняется и «образ Я». Оно обеспечивает подростку чувство эмоционального благополучия и устойчивости, а также облегчает «автономизацию от взрослых» [81].

Воздействие группы сверстников в процессе социальной адаптации происходит посредством определенных психологических механизмов, к которым относятся научение, подражание, заражение и идентификация – процессы осознанного приобретения знаний и навыков, которые присутствуют в этих группах, хотя по своему значению и уступают другим механизмам социализации личности.

В данном случае объектом подражания оказываются сверстники, пользующиеся наибольшим уважением подростка, его референтная группа. Именно она часто играет важную роль, влияя как на поведение человека в обществе, так и на принятие им решений (именно референтная группа позволяет ответить на вопрос «Кто я?», найти свое место в мире).

Часто подростки настолько полно идентифицируются с группой сверстников, что отвергают все «чужое», выходящее за рамки ценностей данной группы. Как правило, это увеличивает остроту кризиса, делает более напряженными и конфликтными отношения со старшим поколением.

Подобное стереотипное «идеологическое» видение себя и мира помогает справляться с кризисом/отсутствием постоянной идентичности (кризис идентичности подростков обуславливается тем, что они уже вышли из детского возраста, но еще не приняты миром взрослых и не освоили принятые в этом мире роли).

Личность холистическая (самостоятельная, уникальная, талантливая и направленная в русло самоактуализации) гораздо менее востребована социумом, построенным на воспроизводство иерархической структуры коммуникативных миров; отсюда, вынужденная маргинальность, комплекс «белой вороны» и «нонконформистское поведение». Что касается иерархической личности (подчиненной, где-то даже возможно инфантильной, усредненной, конформной, направленной в русло самореализации), то она как раз в данных условиях оказывается более гибкой в поведении, получает лучшие стартовые условия, является более вариабельной в строительстве коммуникационных сетей (В.В. Козлов, Л.В. Шабанов).

Такая система взглядов, отражающая определенное понимание сущности социальной адаптации, равно как и отношение к ней, как к определенному социально-психологическому процессу, дает совокупность принципов, определяющих направление и способы решения поставленных задач в рамках построения методологии и тех методик, с помощью которых мы намерены решать обозначенную выше концептуальную проблему.

Задачей этих методик является выявление уровня психологических компетенций личности и применение этих знаний социальной адаптации на практике (в реальной жизни).

Составляющими такой готовности к самостоятельной деятельности в социуме будут:

1) ценностно-смысловой блок психологической готовности, направлен на определение наличия в ценностно-мотивационной сфере личности психологических образований, делающих выбранную им деятельность личностно значимой/вызывающей интерес и видимую перспективу в будущем;

2) психологическая компетентность – уровень психологических знаний в сферах, значимых для будущей деятельности (психология личности, межличностное взаимодействие, психология профдеятельности и т.д.);

3) уровень психологической культуры – определение того, насколько у человека сформированы навыки и привычки самоорганизации, саморегуляции, межличностного взаимодействия на основе психологического опыта индивидуальной траектории поведения в микросреде и дальнейшей его трансляции на социум в целом.

2.1.1. Методология исследования социальной адаптации личности в современном обществе

Важнейшим показателем успешной социализации личности является ее умение принимать и транслировать нормы и правила поведения в обществе. Говоря о социальной адаптации, мы должны поставить во главу угла не столько количество связей, одновременно поддерживаемых личностью, или количество норм и правил, которые может принимать и транслировать личность, сколько психологическую компетентность. Вопрос об адекватных

средствах формирования данной составляющей психологической деятельности до настоящего времени остается недостаточно изученным.

В современных условиях общественное развитие может осуществлять только творчески мыслящая, деятельная и всесторонне развитая личность. Поэтому, естественно, возрастают требования к личности «человека нового времени», его психологическому образу и профессиональной подготовке. Тем более сейчас обществу требуются специалисты, которые сочетают в себе глубокую профессиональную подготовку, ответственность, стремление к обновлению и обогащению своих компетенций в области профессионального общения, обладающие такими свойствами личности, как направленность на развитие самоидентичности, способные к повышению самооценки и оценки уровня возможностей своей профессиональной реабилитации, предполагающие перспективу роста, развитие профессиональной компетентности (включая аспекты мотивационной, коммуникативной, ценностно-смысловой, познавательной, волевой и пр. готовности) [4, 48]. Иными словами, наиболее востребованная личность сегодня – это представитель молодежи, являющийся субъектом своей деятельности, который сам ставит цели и определяет пути и средства их достижения, несёт ответственность за последствия их реализаций. Важнейшим качеством такой личности должна стать психологическая готовность к переменам на уровне микро- и макросреды его пребывания.

Это предположение мы строим на следующей методологической и теоретической основе: общий, системно-личностный подход к изучению психических явлений, отраженный в постулате: личность – это системное качество человека, характеризующееся активностью, целостностью и субъектностью (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, Е.А. Климов, С.Л. Рубинштейн, И.И. Чеснокова); сюда же мы относим концепции школы гуманистической психологии (Дж. Келли, А. Маслоу, К. Роджерс).

При этом мы не могли не учитывать основные положения теории стресса Г. Селье, теорий Н.С. Лейтеса, Я.А. Пономарева, С. Теплова о харак-

терологических особенностях личности, теории акцентуации характера личности К. Леонгарда и теории межличностных отношений Т. Лири.

Были задействованы теоретические подходы в психологии общения (А.А. Бодалев, В.В. Девятко, А.Л. Журавлева, И.Н. Никитина, Б.Д. Парыгин, Л.А. Петровская, К.К. Платонов, А.И. Ситникова).

Были рассмотрены концепции системного подхода к мотивационной структуре личности (К.А. Абульханова-Славская, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев).

На первом этапе исследования нами активно использовались блоки и положения ролевых теорий личности (Э. Берн, Р.Л. Бидлл, Б. Блумер, М.И. Бобнева, П.А. Горностай, Э. Гоффман, М.А. Еникеев, Ю.А. Замошкин, Е.С. Кузьмин, Р. Линтон, Дж. Морено, А.В. Налчаджян, Г. Олпорт, А.Л. Свенцицкий, А.М. Столяренко, Е.И. Томас, В.Д. Шадриков); концепции о структуре и развитии социально-психологических качеств личности (Г.В. Акопов, Г.М. Андреева, А. Бандура, Л.И. Божович, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, Н.Ю. Максимова, К.Н. Муздыбаев).

Также в работе были использованы теоретические положения концепций школ поведенческой психологии (Э. Аронсон, Р. Мертон, Т.М. Ньюком, Т. Парсонс, Т. Шибутани), в которых раскрываются особенности «промежуточных» состояний личности на разных этапах социальной адаптации, и рассмотрена концепция молодежных субкультур (Л. Шабанов) как стартовых площадок социализации личности в постиндустриальном мире (Ю. Кристева, М. Мид, Э. Стоунквист, М. Элиаде).

В любом случае, при рассмотрении концептуального поля мы определяем социальную адаптацию с точки зрения:

– создания личностными структурами комплекса активного приспособления индивида к условиям довлеющей над ним социальной среды (ассимиляция),

- личностного поведенческого стремления дифференцировать себя для того, чтобы «переделать» внешние социальные условия под себя (реадаптация),
- объективно или субъективно переживаемого личностью единого, интегрированного в саму эту личность результата процесса включения личности в социальные отношения (социализация).

2.2. Характеристика выборки испытуемых, принявших участие в исследовании

Прежде чем перейти непосредственно к методикам исследования, необходимо уточнить, что нами были использованы данные о соотношении количества испытуемых и репрезентативности всей выборки по материалам интернет-сайтов официальной статистики Министерства образования РФ и региональной отчетности о данных наборах, о поступлениях в вузы и выпускниках школ, ссузов и вузов за период 2002-2013 гг.

Именно эти данные и послужили определяющим мотивом в квотной выборке количества респондентов, непосредственно принявших участие в нашем исследовании (см. табл. 2 и 3). Квоты были поделены между учащимися выпускных классов средних школ, учащимися-выпускниками средне-специальных учебных заведений (ссуз), студентами гражданских высших учебных заведений (вуз) и курсантами военных вузов, а также в выборке были квотированы аспиранты, ассистенты кафедр, лаборанты и стажеры первого-второго года работы в возрасте не старше 28 лет («послевузовский» блок). Подобная схема распределения квот в выборке призвана осветить несколько этапов социальной адаптации испытуемых:

– этап перехода в «новую самостоятельность» – 16-18 лет – социальная адаптация в связи с кризисом при переходе из состояния школьника в состояние студента/курсанта;

– этап перехода из семьи к самостоятельной/автономной жизнедеятельности – 17-22 года – социальная адаптация, компенсирующая кризис перехода из состояния зависимого подростка в состояние независимого человека;

– этап последиplomного трудоустройства – 22-28 лет – социальная адаптация к новому образу жизни (независимому от кого-либо). Конечной целью этого этапа социализации личности должно стать завершение переживания кризиса переходного периода из состояния подростка (уже не ребенка, но все еще не взрослого) в состояние взрослого самостоятельного человека.

Таблица 2.

Квотная выборка показателей репрезентативности и их сравнение с данными ВЦИОМ РФ

Наименование вуза, в котором проводилось исследование	Процентное соотношение в общей выборке	Кол-во испытуемых, участвовавших в исследовании в течение 2002-2013 гг..				
		«Пилотажный» с 2002 по 2006 гг.		«Лонгитюдный» с 2007 по 2013 гг.		
		2002	2006	2007	2013	Всего
Кемеровский государственный институт культуры и искусства	14%	5	25	58	82	170
Кузбасская государственная педагогическая академия	3%	8	9	11	15	43
Кузбасский государственный технический университет	9%	-	13	52	83	148
Новосибирский государственный университет экономики и управления	3%	4	9	14	18	45
Сибирский государственный университет управления и информатики	9%	-	11	25	74	110
Томский государственный университет	4%	4	9	27	27	67

Томский государственный педагогический университет	3%	-	10	18	18	46
Филиал Российской международной академии туризма	3%	-	4	2	3	9
Филиал Сибирской государственной академии физической культуры	11%	8	11	50	50	119
Челябинский государственный аграрно-инженерный университет	4%	-	6	15	15	36
Челябинский филиал Уральского государственного университета путей сообщения	4%	3	5	11	15	34
Санкт-Петербургская Военная академия связи имени С.М. Будённого	6%	-	12	20	24	56
Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД РФ	2%	1	6	11	10	28
Санкт-Петербургский Университет МВД России	7%	-	4	11	18	33
«Послевузовский» блок	5%	-	2	8	11	21
Учащиеся ссузов и абитуриенты	13%	12	23	50	60	145
Всего:	100%	45	159	383	523	1110
		Всего: 1110				

Как видно из табл. 2, мы получили обширную географию респондентов-участников исследования, это объясняется желанием получить максимально достоверную информацию относительно поставленных перед нашим исследованием вопросов.

В исследовании мы решили использовать данные нескольких регионов (Сибирский, Уральский, Северо-Западный), точнее, вузов, расположенных в крупных региональных центрах:

- в Новосибирске:
 - Новосибирский государственный университет экономики и управления;

– Сибирский государственный университет управления и информатики;

- в Томске: гуманитарные факультеты

- Томского государственного университета,

- Томского государственного педагогического университета;

- в Кемерово:

- Кемеровский государственный институт культуры и искусства,

- Филиал Сибирской государственной академии физической культуры;

- Кузбасский государственный технический университет,

- в Новокузнецке:

- Кузбасская государственная педагогическая академия,

- Филиал Российской международной академии туризма;

- в Челябинске: были представлены группы технических факультетов:

- Челябинского государственного аграрно-инженерного университета,

- Челябинского филиала Уральского госуниверситета путей сообще-

ния;

- отдельная группа, условно обозначенная нами как «военные вузы»:

- Санкт-Петербургская Военная академия связи имени С.М. Будённого,

- Санкт-Петербургский Университет МВД России,

- Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД РФ.

Выборка в нашем случае имеет широко представленный регионально-географический разброс по следующим критериям:

- сравнения по профессиям: «новые – старые» – степень востребованности, с точки зрения самих учащихся и государственного заказа;

- сравнения по стране: «Сибирь – Урал – Европейская часть» – будет ли различна в виденье перспективы (образ будущего), степень и трудности социальной адаптации в связи с переездом: квартира – общежитие/село – город/регион;

- военные вузы: в этом смысле наиболее смешаны и включают в себя выходцев из самых разных регионов РФ;

– ещё одной необходимостью включения в выборку курсантов военных вузов стало первоначальное преобладание в выборке лиц женского пола (85% студентов составляли женщины и только 15% – мужчины).

Кроме того, мы попытались проанализировать положение обследованных юношей и девушек с точки зрения их «социального статуса» (эти данные представлены в табл. 3).

Таблица 3.

Анализ социального положения и половозрастных характеристик у испытуемых за период исследования

Возраст, год	Кол-во испытуемых	Социальный статус	Внутри выборки/из них	Исследовательский блок
16-18	145	Учащиеся ссузов	56	Довузовский/включая абитуриентов
		Абитуриенты вузов	89	
17 -22	944	Студенты вузов	669	Студенческий/включая курсантов
		Курсанты военных вузов	275	
22-28	21	Аспиранты	8	Аспирантский и послевузовский
		Ассистенты кафедр	3	
		Лаборанты	5	
		Стажеры	5	
Итого	1110:	Из них		
		Мужчин: 555	Женщин: 555	

Ввиду длительности исследования (11 лет), мы не стали отражать в таблице статусы родительских семей, равно как и само семейное положение испытуемых, их доходы и предпочтения (в случае появления необходимости в такой информации мы будем делать соответствующие замечания в главе 3 при описании и аналитике эмпирического «лонгитюдного» этапа).

В построении общего плана исследования мы исходили из принципа добровольности, а само исследование шло как одна из частей принятых в вузах психокоррекционных программ тренинговых занятий на принципах групповой и индивидуальной работы. Поэтому выбор конкретных техник и методик осуществлялся в структуре интегративных, трансметодических моделей с широким диапазоном (Л. Берковиц, А. Гугенбюль-Крейг, И.В. Дубровина, К. Лоренц, Р.В. Овчарова, Ф. Перлз, А.М. Прихожан).

В процессе проведения занятий мы предлагали также добровольно принять участие в ряде опросов и беседах на темы, затрагивающие наиболее часто возникающие проблемы (уязвимые места), переживаемые человеком в переходный период от состояния дискомфорта (дезадаптации) до привыкания и обретения равновесия в микро- и макросреде своего нового пребывания (социальной адаптации).

Эти возникающие проблемы (проблемные сферы) также получили распределение по трем возрастным блокам: 16-18 лет – переход из состояния школьника; 17-22 года – переход из зависимого состояния; 22-28 лет – адаптация к новому образу жизни.

Сложность исследования состояла в том, что респонденты очень настороженно отнеслись к опросу, особенно вначале, но исследование провести удалось. Как видно из вышеуказанной табл. 3, в полученных данных по выборке наиболее полно представлены периоды «абитуриент» и «студент», а больше всего обследованных оказались студентами гражданских вузов; курсанты военных вузов, несмотря на стабильные цифры, уступают в численности.

Такие показатели обусловлены тем, что в качестве испытуемых студенты гражданских вузов были наиболее доступными для исследования, и их число достаточно велико в общей выборке.

«Довузовский» блок составляют в основном абитуриенты и в меньшей степени учащиеся ссузов.

«Послевузовский» возрастной блок представлен в нашем исследовании наименее выражено; это, прежде всего, молодые сотрудники вузов, лица, которые могут параллельно получать второе высшее образование, и так называемые «застрявшие» (т.е. категория людей, образ жизни которых дает им возможность продолжать быть оторванными от других социальных институтов).

2.2.1. Проблемные сферы исследования на различных этапах проведения исследования

На самом первом этапе исследования, условно названном нами «пилотажным» (2002-2006 гг.), мы исходили из того постулата, что целью всей системы адаптации (ее основными выигрышами) в конечном итоге является максимально возможное снижение физических и эмоциональных издержек за счет ряда следующих (как правило, деятельностных) факторов:

1) ускорение процесса вхождения новичка в иные условия пребывания (группа, организация, обязанности, ответственность). Достигается через следующие социально-психологические механизмы:

- социальная фасилитация – уменьшение количества возможных ошибок (в процессе адаптации к групповым нормам/системам поведения/ценностям), связанных с освоением функциональных обязанностей, часто при помощи лиц, выступающих в качестве воспитателей/покровителей и т.п. для новичка;

- имитация – осознанное стремление копировать определенную модель поведения, часто воспринимаемое как наиболее простой путь социальной адаптации к группе (см. идиосинкразический кредит, референтная/эталонная группа);

- подражание – сознательные или бессознательные воспроизведения индивидом моделей поведения, опыта других людей (в частности, манер, движений, поступков и т.д.).

2. Также ускоряют социальную адаптацию личности процессы, направленные на поддержание стабильности в группе через численное «сжатие» группы (скажем, за счет не прошедших «испытательного срока»); повышение привлекательности пребывания (повышение удовлетворенности изменившимся (новым) статусом и развитие позитивного отношения к своему будущему в целом); снижение уровня неопределенности и беспокойства. Достигается это через социально-психологические механизмы групповой динамики:

- эмпатия – важный адаптационный процесс, выраженный через эмоциональное сопереживание другому;

- конформизм – осознанное освоение основных норм «внутренней» культуры, прикладной идеологии и правил поведения; он может выражаться по-разному: внешняя демонстрация согласия с прикладной идеологией в группе («Я – это Мы»); безоговорочная поддержка «большинства» («Я как Все»); поддержка «экспертного» блока («Я – не знаю, как выйти из проблемной ситуации, поэтому доверяю специально обученному человеку»); негативизм часто является одним из видов конформного поведения и заключается в конфликте между низким статусом человека в группе и его самовосприятием в процессе социальной адаптации;

- рефлексия – самопознание в процессе общения на основе способности человека представлять то, как он воспринимается значимыми партнерами по общению.

На уровне группы (института, организации, коллектива) также присутствуют выигрыши (выгоды), получаемые от выстроенной системы социальной адаптации:

- создание механизма оценки профессионально-деятельностных компетенций личности и дальнейшего развития потенциала по итогам прохождения процесса адаптации в группе;
- выявление недостатков существующей в группе системы подбора; управленческих компетенций наставников; решений в отношении как новичка, так и более «долгосрочных» участников;
- повышение лояльности новичка к группе (институту, организации, коллективу) как к наиболее подходящей площадке прохождения процессов социальной адаптации на уровне микро- и макросреды.

Кроме того, существуют и социально-психологические процессы, социальная адаптация в которых достигается через коммуникационные механизмы консенсусного и конфликтного общения:

- идентификация (уподобление себя другому, познание его интересов, вкусов, привычек) – способ познания другого человека, при котором предположение о его внутреннем состоянии строится на основе попыток поставить себя на место партнера по общению. В процессе социальной адаптации человек выстраивает идентификационную линию от значимого другого к референтной группе;
- аттракция (привлечение) – формирование устойчивого позитивного чувства к «своим». Понимание партнеров по общению возникает на основе формирования общего круга интересов, привязанности, дружеских отношений;
- каузальная атрибуция (стремление к выяснению причин поведения субъекта) – механизм интерпретации поступков и чувств другого человека, особенностей его поведения. Социальная (или групповая) каузальная атрибуция также понимается как интерпретация поведения и результатов деятельности индивидов на основании их группового членства.

На этапе пилотажного исследования проблемы социальной адаптации мы сразу же выделили ряд «бросающихся в глаза» аспектов, которые были связаны с пребыванием человека в определенных изменяющихся условиях.

Все эти условия, как правило, могли вписаться в два крупных измерения жизни:

– на уровне микросреды, связанные с изменением семейного положения, рождением/утратой значимых членов семьи/изменением собственного внутрисемейного статуса;

– на уровне макросреды, связанные с изменением организационных условий жизни, изменением круга общения (вхождением в новую корпоративную среду), окончанием ссуза/вуза, стажировкой и выходом на работу.

Этот максимум аспектов мы отразили в табл. 4, разграничив их по измерениям (микросреда/макросреда) и разделили на проблемные сферы, объединяющие указанные аспекты двух измерений.

Таблица 4.

Проблемные сферы и аспекты социальной адаптации личности в переходный период «школа – ссуз/вуз/трудоустройство»

Проблемные сферы	Аспекты адаптации	
	на уровне микросреды	на уровне макросреды
– связанные со школой, ссузом, вузом, трудоустройством.	Социологическая совместимость	Отношение к самому социальному институту
– связанные с переживанием личностной перспективы.	Социально-психологическая совместимость	Групповая и/или корпоративная среда
– связанные с родительским домом	Бесконфликтная оценка взглядов на качество жизни	Организационное приспособление к условиям нового проживания
– связанные со сверстниками своего и противоположного пола	Психологическая совместимость	Технологическая осведомленность и компетентность
– связанные со свободным временем	Личное восприятие качества жизни	Профессиональный уровень
– связанные с особенностями личностных качеств	Психофизиологическая совместимость	Психофизиологическая адаптация к условиям макросреды

На уровне микросреды – категории совместимости и условия жизни:

- социологическая совместимость;
- социально-психологическая совместимость;
- бесконфликтная оценка взглядов на качество жизни;
- психологическая совместимость;
- личное восприятие качества жизни;
- психофизиологическая совместимость.

На уровне макросреды – уровни адаптации/дезадаптации к внешним условиям пребывания человека в социуме:

- адаптация к самому социальному институту;
- корпоративная адаптация;
- организационная адаптация;
- технологическая адаптация;
- профессиональная адаптация;
- психофизиологическая адаптация;
- «психосоциальный мораторий».

Все это и определило проблемные сферы и аспекты социальной адаптации личности в переходные периоды «школа – ссуз/вуз/трудоустройство» в рамках второго этапа нашего исследования 2007-2013 гг. (см. табл. 4).

Как видно из табл. 4, на уровне микросреды нами был выбран спектр проблем, который мы условно помещаем в рамки «совместимость – условия и качество жизни».

Под качеством жизни в современных концепциях качества понимают комплексную характеристику социально-экономических, политических, культурно-идеологических, экологических факторов и условий существования личности, положения человека в обществе. Составляющие качества жизни традиционно трактуются в рамках понятия «социального кругооборота качества»: качество человека – качество труда – качество производства – качество технологий – качество образования – качество культуры и ка-

чество науки – качество управления – качество социальных и экономических систем – качество жизни – качество человека.

Подходы к изучению качества жизни имеют необходимые временные оценочные интервалы: ближайшие и долгосрочные показатели.

Анализ ближайших параметров в основном базируется на субъективных ощущениях, тогда как оценка долгосрочных показателей зависит от «выживаемости» человека в условиях, к которым ему необходимо было адаптироваться.

Предметная область термина *совместимость* не так однозначна и включает в себя пять основных определений:

1) групповая совместимость – социально-психологический показатель сплоченности группы, отражающий степень социальной адаптации через возможность бесконфликтного общения и согласованности действий ее членов друг с другом;

2) психологическая совместимость – способность людей адаптироваться к особенностям друг друга, которая выражается в умении находить взаимопонимание, налаживать деловые и личные контакты, сотрудничать друг с другом;

3) межличностная совместимость – взаимное приятие партнеров по общению и совместной деятельности, основанное на сходстве или взаимодополнительности коммуникативных характеристик друг друга. Данный вид совместимости предполагает не только индивидуальную траекторию социальной адаптации к ситуациям микросреды, но и групповые действия для адаптации в макросреде;

4) интимная совместимость – соответствие поведения сексуальных партнеров – результат интеграции социального, психологического, социально-психологического и других качеств друг друга;

5) социально-психологическая совместимость – человеческая способность выхода из ситуации дезадаптации через возможность находить взаимопонимание и согласие с другими участниками социального адапто-

генеза.

На уровне макросреды в общем блоке социальной адаптации мы можем выделить несколько значимых нюансов.

1. Адаптация к самому социальному институту, как принятие на себя определенных поведенческих обязательств через общее понимание необходимости строительства будущего с базовой точкой отправления в виде изначальной модели – социального института (ссуз, вуз, военный вуз, трудоустройство на постоянной основе или по совместительству, «психосоциальный мораторий»).

Для того чтобы начать эффективно осваивать и транслировать нормы своей социальной общности, человеку необходимо получить ответы на вопросы, связанные с организацией деятельности того социального института, в который он попал, например:

- Какое место занимает выпускник учебного учреждения на рынке труда (город, область, регион, страна)? Как идут дела? К чему стремится?
- Каковы стратегические цели и приоритеты? Нужность именно этой (самостоятельно осваиваемой) профессии?
- Что является ключевыми требованиями к положительному освоению программы и дальнейшему карьерному росту? Кто является основными конкурентами?
- Как осуществляется управление в структурных единицах? Кто принимает решения? От чего это зависит?
- Какова организационно-структурная занятость, степени ответственности? Где и какие подразделения расположены?
- Какова периодичность и технология планирования промежуточных аттестаций и выполнения отчетности? Какие действуют процедуры, регламенты?

2. Корпоративная адаптация – процесс активного приспособления человека к изменившейся среде с помощью различных социальных средств.

Различают активную и пассивную корпоративные адаптации. И в качестве шкалы здесь будет выступать либо высокий социальный статус индивида в данной среде, а также его удовлетворенность этой средой в целом, либо перемещение индивида в иную социальную среду, а также отклоняющееся от корпоративных норм поведение.

Приходя в ту или иную структуру/организацию, выпускник школы/ссуза/вуза должен соотнести полученные социальные навыки и принять те нормы поведения и общения, которые существуют в новом коллективе, включиться в систему взаимоотношений с коллегами. На этом этапе он знакомится с «атмосферой» в коллективе, с тем, что сегодня часто называют понятием «корпоративная культура». Новичку необходимо получить ответы на следующие вопросы:

- Какой стиль общения принят в новом коллективе (диалогический, авторитарный, деловой, манипулятивный и т.п.)?
- Как принято обращаться с сотрудниками, равными по уровню/должности, подчиненными, руководителями?
- Есть ли в компании какие-то группы, «неформальные» структуры, землячества? Какие между ними взаимоотношения?
- С кем принимать пищу? С кем курить? У кого кошки/собаки/рыбки/птички? У кого похожие хобби, увлечения?
- Что и с кем можно/нельзя обсуждать? К кому можно/нельзя обращаться за помощью или советом?

3. Организационная адаптация при выходе на работу часто связана с «подстройкой» своей жизни, привычек под новые условия проживания своего рабочего дня. Существует масса организационных моментов, с которыми предстоит разобраться новичку в первые дни/месяцы работы. Например:

- Где находится туалет/курилка/столовая?
- Где можно разместить свои вещи? Как заказать канцелярию, машину? К кому обращаться по поводу технических неисправностей?
- Когда и где выдают зарплату? Где взять положенный корпоратив-

ный мобильный номер/телефон/медицинскую страховку?

- Как здесь пьют чай/кофе? Можно ли пить кофе на рабочем месте?
- Можно ли повесить над рабочим столом плакат любимой рок-группы, поставить на стол семейное фото, календарь?

• Во сколько принято уходить домой? Можно ли утром опаздывать?
Когда будет отпуск?

Параллельно с организационной адаптацией проходит и адаптация технологическая. В каждой социально-профессиональной группе используется определенный набор оргтехники и программного обеспечения. Но новому сотруднику в период адаптации придется осваивать не только новые модификации компьютерных программ и приложений к ним, но и новый пароль, новые модели телефона, факса, копировальных и т.п. машин, систему хранения информации, специфическое производственное (складское, IT и т.п.) оборудование.

В процессе прохождения стажировок, а затем и дальнейшего карьерного роста человек проходит стадии профессиональной адаптации. Аспекты профессиональной адаптации связаны непосредственно с профессиональной стороной деятельности при выполнении профессиональных обязанностей в период дежурства/рабочего дня/сверхурочных часов и в период нерабочего времени (выходные, отпуск, больничный).

В процессе прохождения профессиональной адаптации в современных условиях замены коллективизма на корпоративные отношения даже при первом приближении возникает довольно серьезный список вопросов: от «Насколько хватает новому работнику имеющихся знаний, умений и навыков или требуется дообучение?» – до «Есть ли перспективы у данного работника вообще?».

Сегодня, в период особенно динамичного развития экономики и перехода в постиндустриальную цивилизацию, кроме постоянно меняющейся технологической начинки предприятий, уходят в прошлое не только образцы техники, но и целые профессии, меняются стандарты и документа-

ция/нормативы и технические требования, а также параметры оценки качества работы. Поэтому возрастает роль не только процессов адаптации к социальному институту, корпоративной культуре отношений, организационной, технологической или профессиональной адаптации, но и адаптации психофизиологической.

Психофизиологическая адаптация включает приспособление к определенному, часто отличному от привычного образа жизни, режиму труда и отдыха. Это сменный график работы (разные смены и/или их заменяемость).

Иногда при переезде в другой регион юноша или девушка сталкивается с 4-7-мичасовыми сбоями суточного времени. Резко переключиться с одного режима работы на другой нередко бывает довольно сложно.

Также к элементам, серьезно осложняющим процессы адаптации, будут относиться ненормированный рабочий день, длительные командировки, проектная работа с пиковыми нагрузками, которые обычно возникают перед сдачей проекта, работа в режиме «брейнсторминга» и т.п.

Нередко старшие подростки и представители молодежи, зная и видя все эти адаптационные проблемы, предпочитают остановить свое социальное развитие и не нести бремя ответственности и нагрузки, перекладывая проблемы своего содержания на родителей или социальное окружение (психосоциальный мораторий, «социальное застревание в молодежных субкультурах»).

Исходя из всего вышесказанного, наше исследование при определенной соотносительности указанного спектра проблем фокусируется на шести пересекающихся по своей сути отдельных проблемных сферах:

I. Проблемы, связанные со школой, ссузом, вузом, трудоустройством.

II. Проблемы, связанные с переживанием личностной перспективы (личным будущим), представлением о себе в будущем, представлением об изменениях вообще.

III. Проблемы, связанные с родительским домом, уходом из семьи родителей, своей семьей.

IV. Проблемы, связанные со сверстниками своего и противоположного пола, проблемы сравнения индивидуальных достижений, латентной конкуренции внутри групп/корпораций.

V. Проблемы, связанные со свободным временем, социальные условия, общий уровень общения, культура, жизненная среда, окружающая человека, пол, возраст, образование, семейное положение, психолого-эмоциональные особенности.

VI. Проблемы, связанные с собственной персоной, личностными поисками смыслов, продуктивностью, личным творчеством, а также наполненность структуры интересов, потребностей, ценностных ориентаций.

2.3. Характеристика методов исследования социальной адаптации молодежи и условия их применения на разных этапах

В соответствии с обозначенными проблемными сферами исследования социальной адаптации и самими задачами проведения исследования были выделены этапы работы и определены методы научного исследования. Мы уже говорили, что само исследование процессов социальной адаптации шло внутри большого блока внутривузовской программы психокоррекции, поэтому методический инструментарий на начальном этапе был неограниченно широк: тестовые опросники; наблюдение; беседа; субъективные отчеты, методы статистической обработки и психокоррекционного воздействия.

В качестве психодиагностического инструментария были использованы: Методика диагностики социально-психологической адаптации

К. Роджерса и Р. Даймонда; Исследование особенностей реагирования в конфликтной ситуации методика К. Томаса, личностный опросник Басса-Дарки, Стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) адаптация Л.Н. Собчик; HAND-тест Э. Вагнера, Опросник межличностных отношений (ОМО) – русскоязычная версия опросника FIRO (В. Шутц, версия адаптации А. А. Рукавишников); ПДО (Патохарактерологический диагностический опросник) А. Личко; «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера.

Ценность данных методик для социально-психологических исследований связана с тем, что она позволила выявить те сферы отношений подростка/молодого человека, которые являются сохранными в процессе его социализации, что позволяет вести в дальнейшем целенаправленную психокоррекционную работу с ними (см. табл. 5).

Таблица 5.

Комплекс диагностических средств (основных и некоторых дополнительных) и цели их применения относительно исследования

Методики:	Цель применения
1. Опросник межличностных отношений (ОМО) – версия FIRO В. Шутца, адаптация А.А. Рукавишникова.	Выявляет значимость оценок и мнения окружающих лиц, под влиянием которых происходит его персонификация, т.е. идентификация со «значимыми другими».
2. «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера.	Показывает степень ответственности человека за свои поступки и свою жизнь.
3. Исследование особенностей реагирования в конфликтной ситуации, методика К. Томаса.	Определяет типические способы реагирования на конфликтные ситуации.
4. Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда.	Систематизирует высказывания о человеке, о его образе жизни – переживаниях, мыслях, привычках, стиле поведения.
5. Тест Рокича «Ценностные ориентации».	Определяет содержательную сторону направленности личности на микро- и макроуровне, основу мировоззрения и ядро мотивации жизнедеятельности.

	тельности.
--	------------

Продолжение табл. 5.	
6. Методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера, Л. Ханина (оценка ситуационной и личностной тревожности).	Дает информацию о самооценке человеком уровня своей тревожности в данный момент (реактивная тревожность) и личностной тревожности вообще.
7. Проективная методика «Незаконченные предложения».	Демонстрируя многообразную систему отношений, позволяет выявить их нарушения, что может способствовать поиску возможных путей нормализации.
8. Методика изучения уровня психологических знаний, связанных с практическими жизненными ситуациями.	Дает общее представление относительно межличностного взаимодействия как в профессиональной деятельности, так и в процессах саморазвития.
9. Методика «Структура профессиональной мотивации студента».	Представляет возможность соотносить перспективы, касающиеся планов в профессиональной деятельности человека.

В качестве психодиагностических переменных рассматривались 34 категории показателей методик Вагнера, Басса-Дарки и ПДО. Все эти категории с помощью метода контент-анализа были подтверждены по протоколам бесед с испытуемыми и их субъективному самоотчету после проведения психокоррекции с целью выявления ее эффективности.

Работа с испытуемыми начиналась с рисунка «Портрет моего настроения», который позволял им раскрепоститься и почувствовать себя более свободно в рамках проводящегося опроса. Следом использовались ещё четыре тестовых методики: тест Люшера, тест «Незаконченные предложения», тест СМИЛ, тест Т. Лири. Для обследования испытуемым выдавались индивидуальные бланки, все результаты обследования фиксировались в специальном протоколе психолога.

В конечном итоге в качестве основных методик исследования из об-

щей батареи были взяты:

- методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера, Л. Ханина (оценка ситуационной и личностной тревожности);
- методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда;
- многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛЮ-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина.

В качестве дополнительных методов нами использовались: анкетирование родителей и социометрия одноклассников; методика изучения уровня психологических знаний, связанных с практическими жизненными ситуациями; беседы с испытуемыми, с членами их семей, наблюдение за поведением испытуемых на тренингах.

Как дополнительные, соответственно:

- тест М. Рокича «Ценностные ориентации»,
- исследование особенностей реагирования в конфликтной ситуации методика К. Томаса,
- диагностика самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна,
- проективная методика «Незаконченные предложения»,
- методика изучения уровня психологических знаний, связанных с практическими жизненными ситуациями,
- методика «Структура профессиональной мотивации студента».

Возможности психопрофилактической работы обеспечивались через использование проективных техник:

- цветовой тест М. Люшера,
- метод рисуночной фрустрации С. Розенцвейга.

Эти методики были выбраны потому, что результаты по ним не зависят от способности испытуемых вербализовать свои переживания, способности к интроспекции, умения «вжиться» в воображаемую ситуацию, т.е. от тех особенностей психической деятельности, которые существенны при

выполнении заданий, основанных на вербальной технике. В то же время эти методики позволяют получить достаточно точную и полную информацию о психологических проблемах испытуемых, их личностных особенностях и системе межличностных отношений.

Как видно из табл. 5, представленные нами методики применялись не только в целях решения основных задач, поставленных перед исследованием, но и для постоянного контроля за полученными результатами. Остановимся на общем описании основных и нескольких дополнительных методик.

Опросник межличностных отношений (ОМО) является русскоязычной версией опросника FIRO, разработанного В. Шутцем (автор предлагаемой версии А.А. Рукавишников), направлен на диагностику различных аспектов межличностных отношений личности в группе, а также на изучение коммуникативных особенностей личности. Тест призван рассматривать межличностное поведение индивида на основе трех потребностей: «включения», «контроля» и «аффекта».

Сформированные в детстве, способы поведения (и выработанные защитные механизмы) продолжают существовать и в зрелом возрасте, определяя в целом типичные особенности ориентации индивида в социальной среде. В теории выделяются три типа «нормального» межличностного поведения внутри каждой области, которые соответствуют разным степеням удовлетворения соответствующих потребностей (дефицитарное поведение – последовательное не прямое удовлетворение потребностей (1 тип); чрезмерное – во что бы то ни стало удовлетворить потребности (2 тип); идеальное поведение – адекватное удовлетворение (3 тип)).

Характеристика основных межличностных потребностей и типов межличностного поведения выглядит следующим образом:

потребность «контроля»; потребность «включения» складываются в детстве и распределяются таким образом:

1 тип: боязнь недружелюбия и чувство внешнего непонимания;

2 тип: постоянный поиск контактов (даже навязывая себя);

3 тип: взаимоотношения в сфере включения успешны, способен на риск и вхождение в различные группы;

4 тип: патология.

В зрелом возрасте диагностируются следующие типы поведения в области контроля:

1) абдикрат – это личность с тенденцией к подчинению, отказ от власти («абдикрации») и отказу от влияния в поведении;

2) автократ – это личность со склонностью к доминантному межличностному поведению;

3) демократ – это человек, который успешно определил свои отношения в области контроля еще в детстве, для которого власть и контроль не являются проблемой;

4) патология.

Потребность в «аффекте» (потребность создавать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми, опираясь на любовь и близкие, теплые эмоциональные контакты):

1 тип: слабо испытывающий чувство эмоциональной привязанности, старается поддерживать контакты на поверхностном уровне. Поведение проявляется через «утонченный метод» – внешне состоять в дружеских связях со всеми, чтобы избежать близкой связи с каким-либо одним человеком.

2 тип: пытается сблизиться со всеми, чтобы окружающие изначально вели себя по отношению к нему доверительно. Поведение проявляется через «манипулятивный» метод – иметь много друзей, поддерживать приятельские отношения со всеми членами группы и незаметно предотвращать любую попытку с их стороны устанавливать дружеские отношения с кем-либо еще;

3 тип: индивид с позитивным опытом в области эмоциональных отношений с детства;

4 тип: патология.

Адаптация методики В. Шутца содержит шесть шкал, измеряющих характеристики поведения по отношению к другим людям, и актуальна при измерении межличностных отношений как индивидуальная характеристика. Методика используется при формировании различных коллективов, разрешении конфликтных ситуаций, консультирования и психотерапии.

Методика предназначена для диагностики различных аспектов межличностных отношений в парах, группах, а также для изучения коммуникативных особенностей личности [170, с. 167-171].

Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность-02» (МЛЮ-АМ) разработан А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным с целью оценки адаптационных возможностей личности с учетом социально-психологических и ряда психофизиологических характеристик, отражающих обобщенные особенности личностного развития.

Эффективность адаптации личности зависит от реальности «самовосприятия, восприятия других», через свои социальные связи, соизмеряет свои потребности с возможностями и может осознанно объяснить мотивы своего поведения.

Таким образом, при недостаточном развитии представления о себе личность через поведение начинает активировать процессы дезадаптирующего характера, что приводит к нарушениям адаптации (нарушение взаимоотношений, конфликтность, понижение работоспособности, общее ухудшение здоровья).

Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» состоит из 165 вопросов и имеет 4 структурных уровня, что позволяет получить информацию различного объема и характера.

– Шкалы 1-го уровня являются самостоятельными и соответствуют базовым шкалам СМИЛ (ММРІ), позволяют получить типологические характеристики личности, определить акцентуации характера (шкала досто-

верности L, шкала надежности F, шкала коррекции K).

– Шкалы 2-го уровня соответствуют шкалам опросника ДАН («Деадаптационные нарушения», 77 вопросов которого пересекаются с МЛО), предназначенного для выявления деадаптационных нарушений преимущественно астенических и психотических реакций и состояний.

– Шкалы 3-го уровня: поведенческая регуляция (ПР), коммуникативный потенциал (КП) и моральная нормативность (МН).

– Шкала 4-го уровня – личностный адаптационный потенциал (ЛАП).

Теоретической основой теста является представление об адаптации как о постоянном процессе активного приспособления индивида к условиям социальной среды, затрагивающем все уровни функционирования человека [65, с. 214-215].

Методика К. Томаса позволяет выделить типические способы реагирования на конфликтные ситуации, а также степень адаптации каждого члена коллектива к совместной деятельности. По каждому из пяти разделов опросника (соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление) подсчитывается количество ответов, совпадающих с ключом.

Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда содержит высказывания о человеке, о его образе жизни – переживаниях, мыслях, привычках, стиле поведения. Все это соответственно соотносится с собственным образом жизни испытуемого. Из методики диагностики были использованы шкала социальной адаптации и шкала принятия себя. Эти шкалы содержат 71 высказывание, которые нужно соотнести к собственному образу жизни и оценить каждое по 6-ти балльной шкале. В обработке теста участвуют показатели: адаптивность/деадаптивность; принятие себя/непринятие себя.

Тест Рокича «Ценностные ориентации» рассматривает систему ценностных ориентаций личности как содержательную сторону ее направленности и составляет основу ее отношений к микро- и макросреде (основу мировоззрения и ядро мотивации жизнедеятельности). Последнее обстоя-

тельность заставляет многих авторов сомневаться в надежности методики, т.к. ее результат сильно зависит от адекватности самооценки испытуемого [211, с. 7-28.].

Наиболее распространенной в настоящее время является методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списка ценностей. М. Рокич различает два класса ценностей: терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации.

Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства. Респонденту предъявляются два списка ценностей (по 18 в каждом) либо на листах бумаги в алфавитном порядке, либо на карточках. В списках испытуемый присваивает каждой ценности ранговый номер, а карточки раскладывает по порядку значимости. Последняя форма подачи материала дает более надежные результаты. Вначале предъявляется набор терминальных, а затем набор инструментальных ценностей.

Для наиболее полного представления об особенностях эмоциональной сферы и психических состояний индивида используется комплекс психодиагностических методов: как основанные на самооценке состояний, так и проективные методики. Наиболее известными и широко применяемыми методами диагностики уровня тревожности являются тесты Ч.Д. Спилберга и Ханина. Методика Ч. Спилберга представлена в виде опросника, содержащего 40 вопросов. Тест является надежным источником информации о самооценке человеком уровня своей тревожности в данный момент (реактивная тревожность) и личностной тревожности (как постоянной характеристики человека).

Методика диагностики самооценки мотивации одобрения (Тест на искренность ответов Д. Марлоу и Д. Крауна) используется для оценки правдивости высказываний испытуемых. Опросник предлагает 20 высказы-

ваний, чем выше итоговый показатель «мотивация одобрения» по шкале получают респонденты, тем выше у них готовность представить себя перед другими как полностью соответствующего социальным нормам. Низкие показатели могут свидетельствовать как о непринятии традиционных норм, так и об излишней требовательности к себе [143, с. 115-116].

Методика «Незаконченные предложения» применяется в экспериментально-психологической практике 70 лет. В данном случае мы взяли вариант, разработанный Саксом и Леви (исследование подростков «довузовского» периода проходило по методике «Незаконченных предложений» Сакса-Сиднея).

Он включает 60 незаконченных предложений, которые могут быть разделены на 15 групп, характеризующих в той или иной степени систему отношений обследуемого к семье, к представителям своего или противоположного пола, к сексуальным отношениям, к вышестоящим по служебному положению и подчиненным (отношение к отцу, отношение к себе, нереализованные возможности, отношение к подчиненным, отношение к будущему, отношение к вышестоящим лицам, страхи и опасения, отношение к друзьям, отношение к своему прошлому, отношение к лицам противоположного пола, сексуальные отношения, отношения к семье, отношение к сотрудникам, отношение к матери, чувство вины).

Таблица 6.

Соотнесение выявленных проблемных сфер с выбранными методиками на уровне макро- и микросреды пребывания личности

Проблемные сферы	Методики, исследующие проблему	
	на уровне микросреды	на уровне макросреды
– связанные со школой, ссузом, вузом, трудоустройством	Методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера, Л. Ханина;	Методика изучения уровня психологических знаний, связанных с практическими жизненными ситуациями
– связанные с переживанием личностной перспективы	«Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера.	диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна

– связанные с родительским домом	Проективная методика «Незаконченные предложения».	Анкетирование родителей и социометрия для одноклассников
----------------------------------	---	--

Продолжение табл. 6.

– связанные со сверстниками своего и противоположного пола	Опросник межличностных отношений (ОМО)	методика К. Томаса
– связанные со свободным временем	Проективная методика «Незаконченные предложения».	Тест Рокича «Ценностные ориентации»
– связанные с особенностями личностных качеств	Тест Рокича «Ценностные ориентации».	Методика диагностики социал-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда;

Некоторые группы предложений имеют отношение к испытываемым человеком страхам и опасениям, к имеющемуся у него чувству осознания собственной вины, свидетельствуют о его отношении к прошлому и будущему, затрагивают взаимоотношения с родителями и друзьями, собственные жизненные цели.

Методика изучения уровня психологических знаний, связанных с практическими жизненными ситуациями, позволяет нам получить представление о поведенческих особенностях на уровне личностных предпочтений, межличностного взаимодействия, профессиональной деятельности и перспективы саморазвития.

Методика «Структура профессиональной мотивации студента» представлена в виде четырех групп утверждений, касающихся планов в профессиональной деятельности. Каждая группа ранжируется, исходя из приоритетности личного видения профессиональной перспективы.

При обработке и анализе материалов исследования применялись следующие методы математической статистики: группировочные таблицы, графики, диаграммы, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA),

t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ Пирсона, факторный анализ. Обработка результатов осуществлялась с помощью компьютерной статистической программы «Statistica» для Windows.

2.3.1. Общий план и этапы исследования

Исследование по форме организации являлось анализом нескольких срезов внутри большой группы молодежи по принципу сбора информации выборочным групповым наблюдением. Процедура исследования состояла из трёх этапов.

Первый этап, условно названный нами «Пилотажный», проходил с 2002 по 2006 гг. На этом этапе шла теоретическая подготовка, анализ литературы и пробные «пилотные» исследования с целью выявления проблемных точек социальной адаптации молодежи в современном обществе, находящихся на стадии изменения своего статуса и профессионального самоопределения.

Для исследования взаимозависимости социальной адаптированности у студентов и курсантов первых курсов в качестве основной была применена методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса – Р. Даймонда. В обработке теста мы ориентировались на восемь показателей: адаптация, дезадаптация; принятие себя, непринятие себя; принятие других, непринятие других; эмоциональный комфорт, эмоциональный дискомфорт. Из батареи представленных тестов наиболее интересными для нашего исследования стали материалы, полученные при диагностике по тестам уровня личностной тревожности Спилбергера – Ханина; в качестве дополнительных методик использовались ОМО (Шутц – Рукавишников) и методика «Шкала терминальных и инструментальных ценностей» (М. Рокич).

Полученные данные обрабатывались при помощи специализированного статистического пакета Statistic v.6.0. for Windows. Использовались

такие статистические методы, как анализ математического ожидания и стандартного отклонения и параметрический корреляционный анализ по T-критерию Стьюдента.

Целью первого этапа являлось теоретическое изучение феномена социальной адаптации, концепций переходного возраста и возрастных кризисов и практического выявления проблемных точек социальной адаптации личности в переходном периоде «Школа – вуз».

Второй этап, условно названный нами «Лонгитюдный» проходил с 2007 по 2009 гг., определялся дальнейшим продолжением ряда «пилотных» исследований, но с расширением выборки как за счет студентов/курсантов, так и за счет введения новых групп: учащихся ссузов, абитуриентов вузов, выпускников. Говоря о «лонгитюдном» этапе, необходимо уточнить, что на 2007-2008 гг. выборка непрерывного наблюдения составила 52,7% от общего числа испытуемых.

На этом этапе были подобраны методики для проведения эмпирического исследования, обозначены цели и задачи, полученные данные были систематизированы относительно концепции нашей работы и проанализированы. Для диагностики социально-психологической адаптации использовались методы наблюдения, беседа, были выбраны как основные тест диагностики уровня личностной тревожности Спилбергера – Ханина и методика К. Роджерса – Р. Даймонда (интерпретация осуществлялась в соответствии с нормативными данными, рассчитанными отдельно для подростков и взрослой выборки). Из батареи дополнительных методик для выявления специфики индивидуального приспособления были взяты тесты выявления уровня адаптированности (по Многоуровневому личностному опроснику «Адаптивность» (МЛО-АМ)), опросник ОМО В. Шутца – А. Рукавишников, методика «Шкала терминальных и инструментальных ценностей» (М. Рокич).

Тест по тревожности был выбран на основании предположения, что эта личностная черта должна затруднять адаптацию. Затем полученные

данные были обработаны χ^2 (Хи-квадрат – критерий Пирсона).

Целью второго этапа явилось эмпирическое исследование проблем социальной адаптации. Мы рассмотрели социальную адаптацию как триединый процесс активного приспособления индивида к условиям среды (ассимиляция), стремления к возможности «переделать» эти условия под себя (реадаптация), а также как часть процесса социализации личности.

Ценность статистического метода заключается в том, что с его помощью можно установить количественную зависимость между интересующими нас признаками, что обеспечивает возможность дальнейшего качественного анализа. Кроме того, был проведен анализ распределения испытуемых в зависимости от конституционально-биологического (пол, возраст) и социального (образование, социальный статус) факторов.

Достоверность и надежность результатов обеспечивалась согласованностью основных теоретических принципов и положений с данными эмпирических исследований, репрезентативностью объема выборки испытуемых, методами статистической обработки и значимостью полученных результатов.

В рамках третьего этапа (2009-2013 гг.), когда в сбор данных мы включили блок «поствузовских» испытуемых, нами были применены общий метод наблюдения, беседа, две основные методики: тесты социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда и диагностики уровня личностной тревожности Спилбергера – Ханина; три дополнительные: методика «Шкала терминальных и инструментальных ценностей» (М. Рокич), методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса и методика диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна, опросник ОМО В. Шутца – А. Рукавишников.

Для подтверждения диагностической валидности измерений использовались дублирующие показатели в различных психологических методиках (мы использовали метод «Незаконченное предложение», методику изу-

чения уровня психологических знаний, связанных с практическими жизненными ситуациями), а также анкетирование родителей и социометрию для одноклассников. Всё это понадобилось для более полной картины и оценки полученных выводов. Для обработки математического блока, полученных доказательств, статистической валидности обработки также применялись различные математические методы с психологической интерпретацией.

Выводы по главе 2:

Концепцию понимания процесса социальной адаптации мы отразили в виде связанных между собою тезисов:

1. Адаптация должна рассматриваться в категориях социально-психологического характера (личность как система значимых связей, микро-/макросоциум, как полигоны формирования основных социальных качеств личности, неформальные группы и объединения как стартовые площадки социализации личности, категории, имеющие как внутреннее (социально-психологическое), так и внешнее (социологическое) звучание: статус, роль, Я-концепция).

2. Адаптация личности к новым условиям строительства своего будущего требует от личности скорее адаптации к деструктивности как отношению атомизированного общества к отдельному человеку (инициация в делинквентность/девиантное поведение; разрушение картины мира; отчужденность; ломка личностных качеств, при приспособлении к новому социуму временного пребывания/длительного проживания).

Конечно, вопрос о том, какие именно институты социума оказывают влияние на социализацию человека, во многом зависит от типа общества, его культурных особенностей и «неписаных» правил адаптации. В каждом возрастном промежутке (дети – детский сад, затем школа, армия, ссуз, вуз, трудоустройство) социализация проходит под влиянием этих институтов, к

которым необходимо адаптироваться и подготовиться к новому уровню (скачку/переходному периоду).

Воздействие группы сверстников в процессе социальной адаптации происходит посредством определенных социально-психологических механизмов, к которым относятся научение, подражание, заражение и идентификация.

В данном случае объектом подражания оказываются референтная группа. Именно она часто играет важную роль, влияя как на поведение человека в обществе, так и на принятие им решений (именно референтная группа позволяет найти свое место в мире).

Такое понимание сущности социальной адаптации определило направление и способы решения поставленных задач в рамках построения методологии и методов. Задачей выбранных нами методик являлось выявление уровня психологических компетенций личности и применения этих знаний социальной адаптации в реальной жизни.

Составляющими такой готовности к самостоятельной деятельности в социуме стали ценностно-смысловой блок психологической готовности; психологическая компетентность; уровень психологической культуры.

На основании вышеизложенного мы сформировали выборку для проведения исследования социальной адаптации личности. Квоты выборки были поделены между учащимися выпускных классов средних школ, учащимися-выпускниками ссузов, студентами гражданских и курсантами военных вузов, а также в выборке были квотированы аспиранты, ассистенты кафедр и другие в возрасте не старше 28 лет.

Подобная схема распределения квот в выборке должна была охватывать несколько этапов социальной адаптации испытуемых:

- этап перехода в «новую самостоятельность» – 16-18 лет – социальная адаптация в связи с переходом из состояния школьника в состояние студента/курсанта;
- этап перехода из семьи к самостоятельной/автономной жизнедеятельности;

тельности – 17-22 года – социальная адаптация, компенсирующая переход из состояния зависимого подростка в состояние независимого молодого человека;

– этап последиplomного трудоустройства – 22-28 лет – социальная адаптация к новому образу жизни (независимого взрослого).

При этом репрезентативность выборки обеспечивалась логикой сравнения по востребованности профессий, которым обучались испытуемые; сравнения по регионам; по трудностям социальной адаптации в связи с переездом на новое место жительства; социальным положением и половозрастными характеристиками испытуемых за период исследования.

На первом этапе исследования (2002-2006 гг.) мы исходили из того постулата, что целью всей системы адаптации (ее основными выигрышами) в конечном итоге является максимально возможное снижение физических и эмоциональных издержек за счет ряда следующих (как правило, деятельностных) факторов, направленных на ускорение процесса вхождения новичка в иные условия пребывания и на поддержание стабильности в группе.

Все они вписывались в два крупных измерения жизни этого периода:

– на уровне микросреды; границы измерения мы определили через категории совместимости и качества жизни (социологическая совместимость; социально-психологическая совместимость; бесконфликтная оценка взглядов на качество жизни; психологическая совместимость; личное восприятие качества жизни; психофизиологическая совместимость);

– на уровне макросреды; границы измерения оказались связаны с изменением организационных условий жизни, круга общения, окончанием ссуза/вуза, стажировкой и выходом на работу, т.е. проблемами адаптации/дезадаптации к внешним условиям пребывания человека в социуме (адаптация к самому социальному институту; корпоративная адаптация; организационная адаптация; технологическая адаптация; профессиональная адаптация; психофизиологическая адаптация; «психосоциальный мораторий»).

Исходя из этого, наше эмпирическое исследование, описанное далее

в главе 3, фокусируется на шести пересекающихся проблемных сферах:

I. проблемы, связанные со школой, ссузом, вузом, трудоустройством,

II. проблемы, связанные с переживанием личностной перспективы,

III. проблемы, связанные с уходом из семьи родителей/своей семьей,

IV. проблемы, связанные со сверстниками своего и противоположно-го пола,

V. проблемы, связанные с досугом и условиями жизненного пространства,

VI. проблемы, связанные с собственным восприятием в области единого интегративного процесса, обозначенного как социальная адаптация личности.

Глава 3.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПЕРЕХОДНЫЕ ПЕРИОДЫ (ПОСТУПЛЕНИЕ В ВУЗ, ОКОНЧАНИЕ ВУЗА, ПЕРВИЧНОЕ ТРУДОУСТРОЙСТВО) И КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

3.1. Взаимосвязи социально-психологической адаптации и личностной тревожности в период завершения среднего и среднеспециального образования

3.1.1. Характеристика испытуемых, входящих в группы исследования «довузовского» блока

Во второй главе нами было произведено условное разделение испытуемых на три возрастных группы: 16-18 лет – переход из состояния школьника; 17-22 года – переход из зависимого состояния; 22-28 лет – адаптация к новому образу жизни. «Довузовский» блок составляют в основном абитуриенты (89 человек) и в меньшей степени учащиеся ссузов (56 человек).

Таблица 7.

Анализ социального положения и половозрастных характеристик у испытуемых первой возрастной группы

Возраст, год	Кол-во испытуемых	Социальный статус	Внутри выборки/ из них	Исследовательский блок
16-18	145	Учащиеся ссузов Абитуриенты вузов	56	Довузовский/включая абитуриентов
			89	

В исследовании групп первого блока приняли участие 56 учащихся из средне-специальных учебных заведений, 23 – из Томской (12 юношей, 11 девушек); и 33 – из Кемеровской области (20 юношей, 13 девушек). Группы в большинстве своем имеют длительный стаж пребывания участников внутри своего коллектива. Большинство из них и до поступления в вуз проживали в одном районе города и часто общались между собой после школьных занятий. Таким образом, мы имели дело со старшими подростками (средний возраст 16,5 лет) из сравнительно общей гомогенной социальной группы.

Выборка абитуриентов – большая по количеству (89 человек) и более разнородна. В числе абитуриентов отдельно выделяются слушатели подготовительных курсов – 22 человека; абитуриенты, принимавшие участие в работах профцентров (в том числе прошедшие тестирование), – 8 человек; учащиеся школьных факультативов абитуриента – 18 человек. Практически все подростки в анкетах отметили, что они из благополучных семей и что родители уделяют им достаточно внимания. Средний возраст 16,9 лет.

Из батареи представленных тестов наиболее интересными для нашего исследования стали материалы, полученные при диагностике по тестам социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда и диагностики уровня личностной тревожности Спилбергера – Ханина; в качестве дополнительных методик использовались ОМО (Шутц-Рукавишников) и методика «Шкала терминальных и инструментальных ценностей» (М. Рокич).

3.1.2. Результаты исследования групп «довузовского» блока

Для диагностики социально-психологической адаптации использовалась методика К. Роджерса – Р. Даймонда (интерпретация осуществлялась в соответствии с нормативными данными, рассчитанными отдельно для подростков и взрослой выборки). Для психологического диагностирования уровня

личностной тревожности подростков в работе была использована методика диагностики уровня личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина с обязательной поправкой на то, что у каждого человека существует свой оптимальный (желательный) уровень тревожности. Для этого результаты тестов обсуждались с психологами ссузов и школ, где проходило тестирование.

Полученные данные были обработаны с помощью методов математической статистики, в т.ч. метода ранговой корреляции, по Спирмену.

Анализ результатов, полученных в первой возрастной группе (16-18 лет), показал, что:

- по интегральному индексу «Адаптация» данная возрастная группа показала повышенные адаптивные способности;
- большинство испытуемых получили высокие баллы по показателям: «самопринятие», «принятие других», «эмоциональный комфорт», «интернальность», «доминирование».

Высокая эффективность социально-психологической адаптации в данном случае зависела и от факторов определенной социальной организации, и от стимулирующих оценок личностных качеств окружающих как фактора привлекательного поведения (отношение к старшим подросткам как к самостоятельным взрослым).

При сравнении полученных результатов с результатами статистических норм были выявлены показатели (см. табл. 8; 9).

превышающие норму:

- адаптивность – 137,6 и 118,9;
- принятие себя – 46,9 и 36,9;
- внутренний контроль – 52,0 и 44,8;

имеющие значения ниже нормы:

- дезадаптивность – 83,8 и 118,9;
- неприятие себя – 13,9 и 23,9;
- неприятие других – 16,2 и 23,9;

– эмоциональный дискомфорт – 17,2 и 24,5;

– внешний контроль – 21,0 и 35,9

Таблица 8.

Описательные статистики распределения значений СПА

№ п/п	Показатели	Среднее	Показатели		
			Эмпир.	Норма	Эмпир.
1.	Адаптивность	137,6	118,9	20,9	51,0
2.	Деадаптивность	83,8	118,9	35,2	51,0
3.	Лживость	33,8	31,5	7,0	13,5
4.	Принятие себя	46,9	36,9	12,0	15,0
5.	Непринятие себя	13,9	23,9	9,2	10,5
6.	Принятие других	24,8	21,0	5,0	9,0
7.	Непринятие других	16,2	23,9	7,2	10,5
8.	Эмоциональный комфорт	25,4	24,5	6,4	10,5
9.	Эмоциональный дискомфорт	17,6	24,5	8,8	10,5
10.	Внутренний контроль (интернальность)	52,0	44,8	9,7	19,5
11.	Внешний контроль (экстернальность)	21,0	35,9	11,8	18,0
12.	Доминирование	9,8	11,0	4,8	5,0
13.	Ведомость	19,53	21,0	6,6	9,0
14.	Эскапизм.	16,4	17,5	6,1	7,5

Таблица 9.

Описательные статистики полученных в исследовании данных со значениями нормы

№ п/п	Показатели	Среднее	Норма	Значимый спектр
1.	Адаптивность	137,6	118,9	68-170
2.	Деадаптивность	83,8	118,9	68-170
3.	Лживость	33,8	31,5	18-45
4.	Принятие себя	46,9	36,9	22-52
5.	Непринятие себя	13,9	23,9	14-35
6.	Принятие других	24,8	21,0	12-30
7.	Непринятие других	16,2	23,9	14-35
8.	Эмоциональный комфорт	25,4	24,5	14-35
9.	Эмоциональный дискомфорт	17,6	24,5	14-28

10.	Внутренний контроль (интернальность)	52,0	44,8	26-65
11.	Внешний контроль (экстернальность)	21,0	35,9	18-45
12.	Доминирование	9,8	11,0	6-15
13.	Ведомость	19,53	21,0	12-30
14.	Эскапизм	16,4	17,5	10-25

Исходя из того, что в отличие от ребенка, юноша более объективно оценивает свой опыт, свои возможности и уже может анализировать открывающиеся перед ним ближайшие перспективы, многие испытуемые отмечали в беседах, что постепенно осознают социальные диспозиции и точки зрения других людей, начинают более реалистично судить о мотивах поступков и действий.

Интегральный показатель «Адаптация» имеет прямую зависимость с параметрами:

- интернальность (0,844; $p < 0,01$);
- принятие других (0,750; $p < 0,01$);
- доминирование (0,779; $p < 0,01$);
- лживость (0,520; $p < 0,01$);
- эмоциональный комфорт» (0,472; $p < 0,01$).

Как видно из полученных результатов, с ростом уровня адаптивности испытуемых повышаются показатели интернальности, лживости, принятия себя, способности к доминированию, эмоционального комфорта. С понижением адаптации эти показатели начинают снижаться.

Интегральный показатель «Лживость», соответственно, имеет статистически значимую связь со следующими интегральными показателями:

- адаптация (0,515; $p < 0,01$);
- доминирование (0,731; $p < 0,01$);
- интернальность (0,499; $p < 0,01$).

Таким образом, при высоком уровне показателя «лживость» наблюдаются высокие показатели адаптации, интернальности и доминирования. Равно как и, наоборот, при низких показателях лживости вышеперечисленные индексы снижаются. Интерпретируя результаты, мы можем констатировать следующую корреляционную зависимость: высоко адаптивные испытуемые, имеющие, соответственно, значимо высокие показатели внутреннего контроля и способности к доминированию, склонны к даче ложных, неправдоподобных ответов.

Уровень адаптивной восприимчивости довольно высок, и мы можем говорить об актуальной для личности тревожности, которая выступает своеобразным фактором, влияющим на поведение субъекта. Мы уже обращали внимание на то, что каждый человек имеет определенный желательный уровень тревожности (полезная тревожность), и это не является проявлением какого-либо неблагополучия. Поэтому ситуативную тревожность следует рассматривать как порожденное некоторой конкретной ситуацией беспокойство.

Подобное состояние может возникать у любого человека, как интуитивное ожидание возможных неприятностей или жизненных осложнений. Это состояние играет очень важную и положительную роль в процессе социальной адаптации личности; это состояние порождено самим процессом социализации личности. Ситуативная тревожность – мобилизующий механизм, позволяющий объективно (насколько это возможно) и ответственно подходить к решению назревающих личностно-актуальных проблем. Ненормальным в данном случае будет являться снижение ситуативной тревожности, когда человек, находясь перед лицом серьезных обстоятельств или назревших проблем, оказывается несобраным, не готовым реагировать на негативные изменения ситуации, демонстрирует безответственность, «окукливается»² внутри своей инфантильной жизненной позиции.

² Окукливание – термин, использованный В.И. Кабриным (1994 г.) и развитый в последствие Л.В. Шабановым при описании процессов подростковой социализации через призму психоаналитических теорий (2002 г.). В этом смысле окукливание (ruration) –

Лица, у которых была обнаружена симптоматика «окукливания», были подвергнуты дополнительным психодиагностическим исследованиям, однако, у них не было выявлено никаких иных специфических черт. Вероятно, данный «феномен окукливания» связан с личностными особенностями и обусловлен наличием внутриличностного конфликта. Из литературных источников (И.Л. Шелехов, 2005, 2010) известно, что тревога является признаком неблагополучия личности, а внутриличностный конфликт проявляется характерным сочетанием низкой реактивной и высокой личностной тревожности (Ч.Г.В. Залевский, 1993; Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин.). Использование теста Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина выявило, что показатели уровня тревожности у лиц с «синдромом окукливания» распределены следующим образом (см. табл. 10):

Таблица 10.

Показатели тревожности в обследованной группе с «синдромом окукливания» (данные приведены в процентном отношении от общего числа обследованных)

Тревожность	Уровень тревожности		
	Низкая тревожность (до 30 условных единиц)	Умеренная тревожность (31-45 условных единиц)	Высокая тревожность (46 и более условных единиц)
Реактивная тревожность (РТ)	70,0	22,5	7,5
Личностная тревожность (ЛТ)	8,5	25,0	68,5

жесткое ограничение доступа или влияния извне на интимные и значимые зоны личности подростка в период нарастания внутриличностного конфликта. Кроме того, слово «окукливание» имеет общий корень со словом «кукла», т.е. указывает на замену реального предмета подделкой, т.е. выход из конфликта через создание видимости его решения, часто способом «бегства». В сетевом сленге «окуклиться» - значит, «уснуть», виртуально умереть или создать «мёртвый», т.е. интерактивно недоступный журнал. В отличие от эскапизма (стремления человека при возникновении кризисной ситуации уйти от действи-

тельности в мир иллюзий), окукливание не имеет творческой подложки и связано не с продуктивной фантазией, а с деструктивным поведением, направленным на окружающих.

Показания по T-критерию Стьюдента считались отдельно для каждого уровня тревожности и сравнивались с табличными значениями. Все различия оказались достоверными, а T-критерий был усреднен по всем уровням тревожности ($p < 0,05$; $t = 2,86$).

Анализируя материалы табл. 10, можно отметить характерное сочетание показателей низкого уровня реактивной тревожности (до 30 условных единиц) и высоких показателей личностной тревожности (46 и более условных единиц), что может интерпретироваться как признак наличия внутриличностного конфликта у 68,5% обследованных. Невротическая тревога формировалась на основе внутренних противоречий, вызванных внешними стрессогенными факторами и слабостью адаптационных механизмов личности.

Интенсивность воздействия факторов стресса отражается и на проявлении реактивной (ситуативной) тревожности. В этом случае личностная тревожность (реактивного типа) будет присуща индивиду от самого рождения, проявляясь как генетическая черта (например, постоянная склонность к переживаниям тревоги: безотчетный страх, ощущение какой-то нависающей угрозы, восприятие любых происходящих событий как заведомо негативных).

Необходимо отметить и то, что все они будут отражаться на уровне личностной тревожности, влиять на особенности семейного воспитания, настоящих и будущих детско-родительских отношений, проявляется в поведении человека в среде внесемейного и внеформального социума. Можно отметить, что возникновению и закреплению тревожности способствует, с одной стороны, все то, что нарушает целостность субъективного ощущения защищенности подростка, а с другой – все то, что ограничивает социальный опыт

подростка, заставляя его всецело ориентироваться на общественно-узкий опыт жизни в семье.

Анализируя результаты индексов каждой из подшкал (в диапазоне 20-80 баллов), мы получили высокий итоговый показатель, равно и высокий уровень личностной ситуативной тревожности (см. табл. 11). При интерпретации этих показателей использовались ориентировочно: до 30 баллов – низкая тревожность; 31 – 45 балла – умеренная тревожность; 45 и более – высокая тревожность.

Таблица 11.

Показатели реактивной тревожности и личностной тревожности в сравнении с показателями нормы

№ п/п	Показатели	среднее	норма
1.	Реактивная тревожность	38	31-45
2.	Личностная тревожность	43	31-45

На данном этапе исследования показатели личностной и ситуативной тревожности: реактивная тревожность – 38 баллов, личностная тревожность – 43 балла (при статистической норме – 31-44 балла). Таким образом, это позволяет сделать вывод о том, что уровень личностной и ситуативной тревожности соответствуют норме.

Испытуемые с высокими показателями тревожности склонны воспринимать угрозу и своей самооценке, и жизнедеятельности вообще, рассматривая весь набор спонтанных ситуаций как заведомо несущий негатив.

Однако при сравнении полученных в исследовании результатов с контрольными показателями нормы, в группах «довузовского» блока серьезных отклонений в верхних и нижних показателях не выявлено.

Проведение корреляционного анализа позволило выявить следующие взаимосвязи между показателями «социально-психологическая адаптация» и «тревожность» (см. табл. 10).

Реактивная тревожность имеет статистически значимую прямую (или положительную) корреляцию с такими показателями социально-психологической адаптации, как:

- ведомость (0,364; $p < 0,05$),
- внешний контроль (0,498; $p < 0,01$),
- дезадаптивность (0,448; $p < 0,01$),
- неприятие себя (0,401; $p < 0,05$),
- эмоциональный дискомфорт (0,539; $p < 0,01$).

Значит, с повышением реактивной тревожности указанные показатели повышались, а с понижением реактивной тревожности эти показатели также стремились к минимуму.

Однако нами была выявлена и обратная (отрицательная) статистически значимая корреляция между реактивной тревожностью и таким показателем социально-психологической адаптации, как доминирование (0,398; $p < 0,05$). Таким образом, при повышении реактивной тревожности показатели доминирования снижались, а при понижении реактивной тревожности, напротив, способность к доминированию повышалась.

Проводя анализ и интерпретацию полученных данных, можно сделать вывод, что повышенный уровень ситуативной тревожности замедляет, блокирует адаптационные процессы. Когда показатель дезадаптации повышался, повышались и показатели: неприятие себя, эмоциональный дискомфорт, внешний контроль, ведомость.

Личностная тревожность связана прямой корреляционной зависимостью со следующими показателями СПА (см. табл. 12):

Таблица 12.

Взаимосвязь параметров социально-психологической адаптации и тревожности

№ п/п	Параметры социально-психологической адаптации	Реактивная тревожность	Личностная тревожность	Коэф.	Знач.(p)
		Коэф.	Знач.(p)		
1.	Адаптивность	-0,298	>0,05	-0,311	>0,05
2.	Деадаптивность	0,448	<0,01	0,684	<0,01
3.	Лживость	-0,011	>0,05	0,154	>0,05
4.	Принятие себя	-0,194	>0,05	-0,290	>0,05
5.	Непринятие себя	0,401	<0,05	0,575	<0,01
6.	Принятие других	0,030	>0,05	-0,17	>0,05
7.	Непринятие других	0,151	>0,05	0,416	
8.	Эмоциональный комфорт	-0,077	>0,05	-0,195	>0,05
9.	Эмоциональный дискомфорт	0,539	<0,01	0,733	<0,01
10.	Внутренний контроль (интернальность)	-0,077	>0,05	0,113	>0,05
11.	Внешний контроль (экстернальность)	0,498	<0,01	0,692	<0,01
12.	Доминирование	-0,398	<0,05	-0,249	>0,05
13.	Ведомость	0,364	<0,05	0,561	<0,01
14.	Эскапизм	0,104	>0,05	0,402	<0,05

– ведомость (0,561; $p<0,01$),

– внешний контроль (0,692; $p<0,01$),

– деадаптивность (0,684; $p<0,01$),

– неприятие себя (0,575; $p<0,01$),

– неприятие других (0,416; $p<0,05$),

– эмоциональный дискомфорт (0,733; $p<0,01$),

– эскапизм (0,402; $p<0,05$),

– обратной (или отрицательной) значимой взаимосвязи не выявлено.

Повышенные уровни личностной тревожности и реактивной тревожности также отразились на показателях: деадаптивность, неприятие себя, эмоциональный дискомфорт, внешний контроль, ведомость.

При этом было отмечено присутствие определенных специфических взаимосвязей, характерных и для личностной, и для реактивной тревожности:

- реактивная тревожность получила отрицательную корреляцию со способностью к доминированию;
- личностная тревожность получила положительную корреляцию с принятием других и эскапизмом.

Между интегральными показателями социально-психологической адаптации (адаптация, доминирование, интернальность, лживость, принятие других, самопринятие, эмоциональный комфорт) и показателями тревожности (реактивная и личностная) также выявлены статистически значимые взаимосвязи (см. таб. 13).

Таблица 13.

Взаимосвязь интегральных показателей СПА и тревожности

№ п/п	Параметры социально-психологической адаптации	Реактивная тре- вожность		Личностная тре- вожность	
		Коэф.	Знач.(p)	Коэф.	Знач.(p)
1.	Адаптация	-0,482	<0,01	-0,691	<0,01
2.	Самопринятие	-0,011	>0,05	0,152	>0,05
3.	Лживость	-0,525	<0,01	-0,578	<0,01
4.	Принятие других	-0,388	<0,05	-0,493	<0,01
5.	Эмоциональный комфорт	-0,048	>0,05	-0,351	<0,05
6.	Интернальность	-0,433	<0,05	0,652	<0,01
7.	Доминирование	-0,487	<0,01	-0,638	<0,01

Показатели тревожности (реактивная и личностная) имеют отрицательную корреляцию со следующими интегральными показателями СПА:

- адаптация (-0,482; $p < 0,01$ и -0,691; $p < 0,01$),
- доминирование (-0,487; $p < 0,01$ и -0,638; $p < 0,01$),
- интернальность (-0,433; $p < 0,05$ и -0,652; $p < 0,01$),
- принятие других (-0,388; $p < 0,05$ и -0,493; $p < 0,01$).

Кроме того, выявилось отличие системы взаимосвязи личностной тревожности от системы взаимосвязей реактивной тревожности, плюс наличие

дополнительной статистически значимой обратной взаимосвязи с показателем СПА – эмоциональный комфорт (-0,351; $p < 0,05$).

При повышении тревожности наблюдалось понижение таких интегральных показателей СПА, как адаптации (т.е. повышение дезадаптации), доминирования (т.е. снижение повышение ведомости), интернальности (т.е. повышение экстернальности), принятия других (т.е. повышение неприятия других). И, наоборот, при низких показателях тревожности наблюдалось повышение вышеуказанных интегральных показателей СПА.

Кроме того, получилось отличие системы взаимосвязи личностной тревожности от системы взаимосвязей реактивной тревожности, плюс наличие дополнительной статистически значимой обратной взаимосвязи с показателем СПА – эмоциональный комфорт (-0,351; $p < 0,05$).

При повышении тревожности наблюдалось понижение таких интегральных показателей СПА, как адаптации (т.е. повышение дезадаптации), доминирования (т.е. снижение повышение ведомости), интернальности (т.е. повышение экстернальности), принятия других (т.е. повышение неприятия других). И наоборот, при низких показателях тревожности наблюдалось повышение вышеуказанных интегральных показателей СПА.

Дополнительно при повышении личностной тревожности снижался показатель эмоционального комфорта (повышался уровень эмоционального дискомфорта), равно как при понижении личностной тревожности повышается показатель эмоционального комфорта (снижается уровень эмоционального дискомфорта).

Интегральный показатель «Адаптация» имеет статистически значимую прямую зависимость с такими параметрами, как:

- доминирование (0,783; $p < 0,01$),
- интернальность (0,845; $p < 0,01$),
- лживость (0,516; $p < 0,01$),
- принятие других (0,745; $p < 0,01$),
- эмоциональный комфорт (0,469; $p < 0,01$).

По остальным методикам; наиболее интересные результаты были получены по методикам: ОМО и методике «Шкала терминальных и инструментальных ценностей» (М. Рокич).

Опросник ОМО В. Шутца – А. Рукавишниковой основан на основных постулатах трехмерной теории межличностных отношений «включения» (I), «контроля» (C) и «аффекта» (A). В оригинале данный опросник, разработанный В. Шутцем, носит название FIRO-B (Fundamental Interpersonal Relation Orientation), «B» (behaviour) означает уровень, на котором проведено исследование. В исследовании «довузовского» блока мы получили следующие результаты (см. табл. 14).

Таблица 14.

Результаты, полученные в группах «довузовского» блока по тесту ОМО (наиболее типичные фрагменты из групп учащихся ссузов и абитуриентов вузов в проекции 1/10)

№п/п	Пол	Возраст	Статус	Данные по шкалам		
				Включение I	Контроль C	Аффект A
1.	жен.	18	абит.	Iw - низкое	Сe - низкое	Aw - низкое
2.	муж.	16	ссуз	Iw - низкое	Сe - низкое	Aw - низкое
3.	жен.	17	абит.	Iw - низкое	Сw-низкое	Ae - высокое
4.	жен.	19	ссуз	Iw - низкое	Сw-высокое	Aw - низкое
5.	жен.	16	абит.	Ie - высокое	Сw-низкое	Aw - низкое
6.	жен.	16	абит.	Iw - низкое	Сw-высокое	Aw - низкое
7.	жен.	18	абит.	Iw - низкое	Сw-высокое	Ae - низкое
8.	жен.	17	ссуз	Ie - низкое	Сw-низкое	Aw - низкое
9.	жен.	19	ссуз	Iw - низкое	Сw - низкое	Aw - низкое
10.	муж.	20	абит.	Ie - высокое	Сw-низкое	Ae - низкое
11.	муж.	16	абит.	Iw - низкое	Сw-высокое	Aw - низкое
12.	муж.	18	абит.	Iw - низкое	Сw- низкое	Aw - низкое
13.	жен.	18	ссуз	Iw - низкое	Сw-низкое	Ae - высокое
14.	жен.	19	ссуз	Ie - высокое	Сw-высокое	Aw - низкое

Как видно из табл. 14, полученные данные показывают, что, исходя из ранжирования по шкалам:

- эмоционально-контактное отношение к людям (шкала A),
- тенденция искать социальные контакты и поддерживать их (шкала I),

– высокие показатели ответственности и контроля (шкала С),
 большинству представителей «довузовского» блока свойственно:

– по шкале I:

- s «Ie – низкое» – индивид чувствует себя хорошо среди людей и будет продолжать поиск социальных контактов – 22,8% (скорее всего, зависит от временного фактора: подготовительные курсы 8 месяцев, 6 месяцев, 3 месяца и др. краткосрочные программы);

- s «Ie – низкое» – индивид не чувствует себя комфортно среди людей и будет иметь склонность избегать социальных контактов – 19,9%;

- s «Iw – высокое» – индивид предпочитает небольшое количество контактов – 57,2%;

- s «Iw – высокое» – индивид имеет сильную потребность быть принятым в эталонную группу и испытывает потребность в причастности к деятельности группового большинства – 42,1%.

– по шкале С:

- s «Ce – низкое» – индивид берет на себя ответственность, оспаривает лидерство, стремится обрести влияние в коллективе – 12,7%;

- s «Ce – высокое» – индивид избегает самостоятельного принятия решений и взятия ответственности – 54,3%;

- s «Cw – высокое» – потребность в зависимости, избегает принятия самостоятельных решений – 52,9%.

– по шкале А:

- s «Aw – низкое» – индивид проявляет осторожность при выборе лиц, с которыми создает более глубокие эмоциональные отношения – 24,4%;

- s «Ae – низкое» – индивид имеет склонность к установлению близких чувственных отношений – 23,3%;

- s «Ae – низкое» – индивид очень осторожен в становлении интимных отношений – 18,5%.

Данная группа испытуемых показала низкие индексы эмоционально-контактных отношений, высокие показатели контроля и низкие показатели установления интимных отношений. Мы получили довольно низкие показатели шкал в основном у абитуриентов вуза, которые имеют определенные представления о месте своей будущей учебы, и у них отмечаем довольно высокую мотивацию на успешность своей деятельности в вузе, однако, испытывают определенные проблемы в понимании нюансов адаптации к новому образу жизни и своему новому социальному статусу.

Применение методики «Шкала терминальных и инструментальных ценностей» (М. Рокич) выявило, что для лиц с наиболее высокими показателями социально-психологической адаптации (использовалась методика К. Роджерса – Р. Даймонда) характерен следующий порядок терминальных ценностей (см. табл. 15).

Таблица 15.

Структура ценностей лиц с высоким уровнем адаптации.
Терминальные ценности (в среднем по группе)

№ ранга в системе предпочтений	Ценность	Сред. кол-во по группе	T	P
1	Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни).	61.0	1,99	0,06
2	Обществ. признание (уважение окружающих, товарищей по работе).	55.0	3,19	0,02
3	Уверенность в себе (внутр. гармония, свобода от внутр. противоречий, сомнений)	54.5	3,14	0,03
4	Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений).	52.5	3,10	0,02
5	Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках).	52.0	2,92	0,07
6	Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование).	52.5	2,90	0,06
7	Развлечения (приятное, необременит. времяпрепровождение, отсутствие обязанностей).	52.0	2,92	0,06
8	Здоровье (физическое и психическое)	51.5	2,46	0,07
9	Наличие хороших и верных друзей.	50.5	1,89	0,06
10	Счастливая семейная жизнь.	50.5	1,89	0,08

11	Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком).	50.5	1,89	0,07
12	Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей).	49.5	2,67	0,06
13	Интересная работа.	49.0	2,66	0,07
14	Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом).	48.0	2,45	0,08
15	Творчество (возможность творческой деятельности).	47.0	2,37	0,06
16	Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве).	46.0	2,21	0,06
17	Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие).	45.0	2,19	0,06
18	Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом).	43.0	2,04	0,06

Из табл. 15 видно, что приведённая структура терминальных ценностей отражает активную жизненную позицию, стремление к обретению уверенности в себе, желание освободиться из-под влияния других людей и обстоятельств.

Инструментальные ценности у высокоадаптивных лиц располагались в следующем порядке (см. табл. 16).

Таблица 16.

Структура ценностей лиц с высоким уровнем адаптации.
Инструментальные ценности (в среднем по группе)

№ ранга в системе предпочтений	Ценность	Сред. кол-во по группе	T	p
1	Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания).	61.0	3,68	0,06
2	Независимость (способность действовать са-	54.5	2,89	0,02

	мостоятельно, решительно).			
--	----------------------------	--	--	--

Продолжение табл. 16.

3	Жизнерадостность (чувство юмора).	52.5	2,86	0,03
4	Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов.	52.0	2,78	0,03
5	Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе).	52.0	2,61	0,06
6	Воспитанность (хорошие манеры).	52.0	2,61	0,06
7	Исполнительность (дисциплинированность).	51.5	2,56	0,06
8	Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина).	51.0	2,54	0,06
9	Честность(правдивость, искренность)	50.5	2,34	0,07
10	Чуткость (заботливость).	50.0	2,32	0,07
11	Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями).	50.0	2,32	0,07
12	Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманые, рациональные решения).	49.0	2,11	0,07
13	Образованность (широта знаний, высокая общая культура).	48.5	2,09	0,08
14	Аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах.	48.0	2,07	0,08
15	Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово).	47.0	2,01	0,08
16	Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения).	46.0	1,46	0,09
17	Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки).	44.0	1,42	0,09
18	Непримиримость к недостаткам в себе и других.	43.0	1,38	0,09

Из табл. 16 следует, что в системе инструментальных ценностей также прослеживается свойственное лицам с высокой степенью адаптации независимость и положительное восприятие жизни.

3.2. Исследование взаимосвязи уровня личностной тревожности и социальной адаптации у студентов и курсантов в период начала и окончания обучения в вузе

3.1.1. Характеристика испытуемых, входящих в группы исследования «вузовского» блока

Второй блок групп нашего исследования был условно обозначен как «вузовский». Испытуемые данного блока характеризовались как юноши и девушки, находящиеся на этапе перехода из родительской семьи к самостоятельной/автономной жизни; возраст испытуемых составил – 17-22 года. Кроме этого, 31% студентов и 42% курсантов, отвечая на вопрос о мотивах выбора именно этого вуза и факультета, отметили в анкетах, что поступали на факультет (или получают именно это образование), продолжая семейную традицию. Только 10,5% студентов получали специализированное образование (курсантов – 26,9); 35% студентов и 54% курсантов ответили, что планируют работать по специальности, полученной в вузе.

Основной вопрос, решаемый нами в процессе исследовательской работы, был сформулирован следующим образом:

какими специфическими изменениями в психике молодого человека будет сопровождаться формирование новых адаптационных навыков, обеспечивающих переход из состояния зависимого подростка в состояние независимого взрослого?

Исследование было проведено на выборке из студентов 14 российских вузов Сибирского, Уральского, Северо-Западного округов, обучающихся на дневном отделении. В выборке представлены 944 респондента (см. табл. 17).

Анализ социального положения и половозрастных характеристик у испытуемых второй возрастной группы

Возраст, год	Кол-во испытуемых	Социальный статус	Внутри выборки/ из них	Исследовательский блок
17 -22	944	Студенты вузов	669	Студенческий/ включая курсантов
		Курсанты военных вузов	275	

Для диагностики социально-психологической адаптации использовались методы наблюдения, беседа, были выбраны как основные тест диагностики уровня личностной тревожности Спилбергера – Ханина и методика К. Роджерса – Р. Даймонда (интерпретация осуществлялась в соответствии с нормативными данными, рассчитанными отдельно для подростков и взрослой выборки). Из батареи дополнительных методик для выявления специфики индивидуального приспособления были взяты тесты определения уровня адаптированности (по Многоуровневому личностному опроснику «Адаптивность» (МЛО-АМ)), опросник ОМО В. Шутца – А. Рукавишникова, методика «Шкала терминальных и инструментальных ценностей» (М. Рокич).

Тест по тревожности был выбран на том основании, что предполагалось, что эта личностная черта должна затруднять адаптацию. Затем полученные данные были обработаны χ^2 (Хи-квадрат – критерий Пирсона). Критерий χ^2 был призван ответить на вопрос, с одинаковой ли частотой встречаются разные значения признака в эмпирическом и теоретическом распределениях.

3.2.2. Результаты исследования групп «вузовского» блока

Процесс адаптации личности к кардинальным изменениям социальной среды не обязательно будет включать в себя конфликт. Некоторые испытуемые проявляли тревожность, жаловались на депрессивное состояние и ощущение себя несчастным с самого начала (иногда еще до приезда). Другие, напротив, не ощущали депрессивного фона и успешно адаптировались в новой социальной ситуации с начала обучения в вузе.

Таблица 18.

Возрастная динамика значимости лиц из ближайшего социального окружения в группе абитуриенты («довузовский» блок) и студенты («вузовский блок»), по методике Н.В. Кузьминой

Лица ближайшего социального окружения	«Довузовский» блок			«Вузовский» блок		
	Дев.	Юн.	Дост.	Дев.	Юн.	Дост.
Мать	10,3	9,8		10,4	8,0	
Отец	7,7	8,8		5,8	8,8	+
Бабушка	5,4	6,4		2,7	2,2	
Дедушка	3,1	4,8	+	2,0	4,2	
Брат, сестра	7,3	6,6		7,1	9,5	+
Родственники	6,0	5,8		3,5	6,0	+
Друг (подруга) из класса	6,9	6,0		3,7	7,4	+
Друг (подруга) из школы	6,3	5,8		10,5	8,2	
Друг (подруга) вне школы	6,7	6,9	+	12,5	10,8	+
Мать (отец) товарища	3,4	3,6		3,2	3,6	

Индекс: Дост. – статистическая достоверность различий.

Но в любом случае мы говорим о серьезных изменениях, связанных с разрывом связей с родительской семьей (переезд в другой город) и постепенной ориентацией на создание своего интимно-личностного пространства,

своего социального фона, своей семьи. Влияние раннего включения в процессы профорientации сказалось на особенностях взаимоотношений испытуемых с ближайшим социальным окружением, своими родственниками (см. табл. 18 и 19).

Таблица 19.

Возрастная динамика значимости лиц из ближайшего социального окружения в группе учащихся ссузов («довузовский» блок) и курсанты ввузов («вузовский блок») по методике Н.В. Кузьминой

Лица ближайшего социального окружения	«Довузовский» блок			«Вузовский» блок		
	Дев.	Юн.	Дост.	Дев.	Юн.	Дост.
Мать	11,4	11,1		11,4	10,0	
Отец	7,3	10,3	+	7,8	10,7	
Бабушка	4,8	8,8	+	6,7	5,3	
Дедушка	2,1	6,0	+	4,0	5,7	
Брат, сестра	8,5	6,5	+	8,0	8,7	
Родственники	7,0	7,7		4,0	5,3	
Друг (подруга) из класса	9,3	7,8		6,7	6,9	
Друг (подруга) из школы	6,9	6,2		3,5	5,3	
Друг (подруга) вне школы	8,9	9,0		8,5	7,7	
Мать (отец) товарища	2,1	4,0		3,2	3,6	

Индекс: Дост. – статистическая достоверность различий.

При этом мы можем констатировать существенные изменения отношений к своим родным в сторону постепенной потери прямых и продолжительных контактов. Однако за общей субъективной картиной переживания одиночества могут стоять разные проблемные ситуации личности. Правда, надо отметить, что для одних проблемные ситуации могут находиться в области потери привычных родственных связей, то у других процессы социальной адаптации могли быть связаны с учебной деятельностью.

Анализ результатов, полученных во второй возрастной группе (17-22 года) по Шкале самооценки Спилберга-Ханина, показал, что:

- низкой реактивной тревожностью обладает 211 (21%) студентов,
- средней реактивной тревожностью обладает 160 (48%) студентов,
- высокой реактивной тревожностью обладает 300 (30%) студентов,
- низкой личностной тревожностью обладают 150 (15%) студентов,
- средней личностной тревожностью обладают 602 (60%) студентов,
- высокой личностной тревожностью обладает 240 (24%) студентов.

Таким образом, видно, что в «вузовском» блоке наблюдается умеренная (средняя) тревожность, однако, при этом необходимо учитывать, что треть испытуемых показало высокую реактивную тревожность, а высокую личностную тревожность показали 24% от общей группы.

В результате исследования, данные Многоуровневого личностного опросника «Адаптивность-02» (МЛО-АМ) были взяты нами для оценки адапционных возможностей личности относительно социально-психологических (с учетом психофизиологических) характеристик.

Непрерывность процесса социальной адаптации и его качество (эффективность) в данном случае были соотнесены с такими факторами, как реальность самовосприятия и восприятия других, соизмерение своих потребностей со своими возможностями и осознанное объяснение мотивов своего ситуативного поведения.

Обработав полученные данные, мы можем констатировать следующее:

- 1) в группу низкой адаптации входит 361 (36%) студент;
- 2) в группу удовлетворительной адаптации входит 361 (36%) студент;
- 3) в группу высокой и нормальной адаптации входит 271 (27%) студент.

Исходя из полученных данных, видно, что испытуемые «вузовского» блока в основном показали низкую и удовлетворительную адаптацию, что в целом отразило 72% опрошенных от общего числа студентов и курсантов, принимавших участие в опросе.

В процессе сопоставления и анализа данных исследования особое внимание уделялось поиску механизмов, обеспечивающих высокий адаптацион-

ный потенциал. Так, выявлена связь между адаптивными способностями и уровнем тревожности. Полученные данные позволяют говорить о том, что высокий уровень тревожности коррелирует с показателями дезадаптации.

Однако существуют ли значимые показатели связи между адаптивными способностями и уровнем тревожности студентов и могут ли данные показатели дезадаптации быть связаны с уровнем тревожности?

Результаты обработки данных, полученных по Шкале оценки уровня реактивной и личностной тревожности (Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина) и Многоуровневому личностному опроснику «Адаптивность» (МЛО-АМ), оказались следующие. При сопоставлении результатов испытуемых, которые вошли в группы высокой, средней и низкой адаптивной способности с результатами теста Спилбергера-Ханина, оказалось, что студенты, получившие согласно тесту МЛО-АМ – группу низкой адаптации, по тесту Спилбергера-Ханина показали низкую реактивную и личностную тревожность. При высоких адаптивных показателях высокий уровень тревожности у испытуемых не наблюдался.

У студентов со средними адаптивными способностями наблюдается в основном средний уровень тревожности, однако высокий и низкий уровень тревожности почти равен в показаниях.

Самый большой процент выборки по показателям дезадаптации приходится на сочетание низких адаптивных способностей с высокой степенью тревожности.

Далее, используя критерий Пирсона, мы прибегли к статистическому анализу полученных данных, используя χ^2 (Хи-квадрат). Распределив уровень тревожности между показателями адаптивных способностей, мы сопоставили полученные эмпирические частоты с теоретическими:

H₀: распределение уровня тревожности не имеет значимых отличий от равномерного распределения.

H₁: распределение уровня тревожности будет иметь значимые отличия от равномерного распределения.

Расчет критерия χ^2 при сопоставлении уровня тревожности между показателями адаптивных способностей с равномерным распределением проведен следующим образом:

Разряды – уровень адаптации	уро-Эмпирические частоты	Теоретическая частота (fэж- суммарных проявлений ft)	(fэж- ft)	(fэж- ft) ²	(fэж- ft) ² /ft
Высокий	0	3	-3	9	3
Средний	1	3	-2	4	1,3
Низкий	8	3	5	25	8,3
Суммы	9	9	0		12.6

$$f_t = n/k = 9/3=3$$

2 кр.

.05 .01

.991 .210

$$v=k-1=2$$

$$\chi^2 \text{ эмп.} = 12.6$$

$$\chi^2 \text{ эмп.} > \chi^2 \text{ кр.}$$

Ответ: H₀ отклоняется, принимается H₁.

Распределение уровня тревожности имеет значимые отличия от равномерного распределения (высокий уровень тревожности приводит к дезадаптации испытуемых «вузовского» блока).

По остальным методикам, наиболее интересные результаты были получены по методике ОМО и методике «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Опросник ОМО В. Шутца – А. Рукавишникова «Включение» (I), «Контроль» (C), «Аффект» (A), по итогам исследования групп «вузовского» блока показал следующие результаты (см. табл. 20).

Таблица 20.

Результаты, полученные в группах «вузовского» блока по тесту ОМО (наиболее типичные фрагменты из групп студентов и курсантов в проекции 1/10)

№п/п	Пол	Возраст	Статус	Данные по шкалам		
				Включение I	Контроль C	Аффект A
69.	муж.	25	студ.	Ie - высокое	Се - высокое	Aw - низкое
253.	жен.	23	студ.	Iw - высокое	Се - низкое	Ae - высокое
412.	жен.	22	студ.	Ie - низкое	Cw-высокое	Ae - низкое
478.	жен.	24	студ.	Ie - высокое	Се - высокое	Ae - низкое
556.	жен.	21	студ.	Iw - высокое	Се- высокое	Aw - низкое
700.	муж.	23	студ.	Iw - высокое	Cw-высокое	Ae - высокое
850.	муж.	25	студ.	Iw - высокое	Се - низкое	Ae - высокое
901.	муж.	19	студ.	Ie -высокое	Се- высокое	Aw - низкое
999.	жен.	20	студ.	Iw - высокое	Се - низкое	Ae - низкое

Как видно из табл. 20, полученные данные показывают, что большинству представителей «вузовского» блока свойственно:

– по шкале I:

s «Ie – высокое» – индивид чувствует себя хорошо среди людей и будет продолжать поиск социальных контактов – 36,8%;

s «Ie – низкое» – индивид не чувствует себя комфортно среди людей и будет иметь склонность избегать социальных контактов – 15,9%;

s «Iw – низкое» – индивид предпочитает небольшое количество контактов – 7,2%;

s «Iw – высокое» – индивид имеет сильную потребность быть принятым в эталонную группу и испытывает потребность в причастности к деятельности группового большинства – 42%.

– по шкале C:

s «Се – высокое» – индивид берет на себя ответственность, оспаривает лидерство, стремится обрести влияние в коллективе – 26,7%;

s «Ce – низкое» – индивид избегает самостоятельного принятия решений и взятия ответственности – 30,3%;

s «Cw – высокое» – потребность в зависимости, избегает принятия самостоятельных решений – 10%.

– по шкале A:

s «Aw – низкое» – индивид проявляет осторожность при выборе лиц, с которыми создает более глубокие эмоциональные отношения – 24,4%;

s «Ae – высокое» – индивид имеет склонность к установлению близких чувственных отношений – 43,3%;

s «Ae – низкое» – индивид очень осторожен в становлении интимных отношений – 32,7%.

Тест ОМО показал, что социальная адаптация в среде испытуемых, учащихся в вузах, характеризуется низким уровнем самостоятельности и растущим на протяжении семестра уровнем тревожности, который достигает своего пика в период зачетной сессии. Однако дальнейшая динамика показателей уровня тревожности в большинстве случаев зависит от личной активности испытуемых и общего уровня способностей.

При этом успешность адаптации взаимосвязана с особенностями планирования своей профессиональной деятельности – выше у тех лиц, которые планируют в будущем работать в сфере, связанной с получаемой специальностью.

Использование методики М. Рокича выявило, что для лиц с низким уровнем адаптации характерна следующая структура терминальных ценностей (см. табл. 21).

Таблица 21.

Структура ценностей лиц с низким уровнем адаптации.
Терминальные ценности (в среднем по группе)

№ ранга в системе предпочт.	Ценность	Сред. кол-во по группе	T	p
1	Здоровье (физическое и психическое).	57.0	2,94	0,07
2	Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий).	55.0	2,89	0,05

3	Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе).	53.0	2,86	0,04
4	Наличие хороших и верных друзей.	53.0	2,82	0,05
5	Материально обеспеченная жизнь (отсутствие мат. затруднений).	52.5	2,71	0,06
6	Счастливая семейная жизнь.	52.0	2,69	0,07

Продолжение табл. 21.

7	Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей).	52.0	2,69	0,07
8	Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом).	51.5	2,63	0,09
9	Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком).	50.5	2,57	0,10
10	Интересная работа.	50.0	2,55	0,11
11	Творчество (возможность творческой деятельности).	49.0	2,45	0,11
12	Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование).	48.5	2,41	0,13
13	Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках).	48.0	2,38	0,14
14	Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни).	46.5	2,29	0,15
15	Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве).	46.0	2,18	0,15
16	Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей).	45.0	2,14	0,16
17	Познание (возможность расширения образования, кругозора, культуры, интеллектуальное развитие).	42.5	2,03	0,16
18	Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование др. людей, всего народа, человечества).	42.0	1,79	0,17

Из табл. 21 можно сделать вывод, что приведённый порядок терминальных ценностей направлен на снижение тревоги (устранение объективных оснований для беспокойства) и компенсацию чувства собственной неполноценности.

Для лиц, относящихся к низкому уровню адаптации, характерным являлся следующий порядок инструментальных ценностей (см. табл. 22).

Таблица 22.

Структура ценностей лиц с низким уровнем адаптации.
Инструментальные ценности (в среднем по группе)

№ ранга в системе предпочтений	Ценность	Сред. кол-во по группе	T	p
1	Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно).	57.0	3,05	0,06
2	Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями).	55.0	2,89	0,05
3	Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово).	53.0	2,82	0,05
4	Честность (правдивость, искренность).	53.0	2,81	0,05
5	Аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах.	52.5	2,75	0,07
6	Воспитанность (хорошие манеры).	52.0	2,73	0,08
7	Исполнительность (дисциплинированность)	52.0	2,71	0,08
8	Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения).	52.0	2,71	0,08
9	Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе).	51.5	2,67	0,10
10	Чуткость (заботливость).	50.5	2,62	0,11
11	Образованность (широта знаний, высокая общая культура).	50.0	2,50	0,11
12	Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина).	49.5	2,43	0,11
13	Жизнерадостность (чувство юмора).	48.5	2,38	0,12
14	Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания).	48.0	2,32	0,13
15	Смелость в отстаиваниях своих взглядов.	46.5	2,11	0,14
16	Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения).	46.0	2,00	0,15
17	Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки).	45.0	1,93	0,16

18	Непримиримость к недостаткам в себе и других.	42.0	1,74	0,21
----	---	------	------	------

Из табл. 22 видно, что приведённая комбинация инструментальных ценностей представляет собой ориентиры в построении наиболее эффективных форм поведения (набор недостаточно выраженных у представителей этого типа качеств, которые они стремятся развить).

3.3. Анализ взаимосвязи стратегий поведения в конфликте молодых членов коллектива, как итогового показателя адаптации в процессе начального периода трудоустройства

3.3.1. Характеристика испытуемых, входящих в группы исследования «послевузовского» блока

В третью группу «послевузовского» блока вошли 21 человек в возрасте 22-28 лет, и эту группу мы охарактеризовали, как группу периода адаптации к новому образу жизни, связанным с самостоятельно выстроенной индивидуальной траекторией развития.

Таблица 23.

Анализ социального положения и половозрастных характеристик у испытуемых третьей возрастной группы

Возраст, год	Кол-во испытуемых	Социальный статус	Внутри выборки/ из них	Исследовательский блок
22-28	21	Аспиранты	8	Аспирантский и послевузовский
		Ассистенты кафедр	3	
		Лаборанты	5	
		Стажеры	5	

В исследовании участвовали молодые специалисты (см. табл. 23), работающие в первичных трудовых коллективах, некоторые из них (9 человек) продолжили работать в вузах, где получили образование, другие (12 человек) – нет; 3 человека из выборки получили второе высшее образование, 2 человека имели звание младшего научного сотрудника (см. таб. 24).

Описание выборки «послевузовского» блока

№ п/п	Пол	Возраст	Должность	Образование
1	жен	28	лаборант	высшее
2	муж	25	ассистент кафедры	высшее, м.н.с.
3	жен	27	стажер	второе высшее
4	жен	22	аспирант	высшее
5	жен	24	аспирант	высшее
6	жен	26	стажер	высшее
7	жен	28	стажер	высшее
8	жен	27	лаборант	высшее
9	муж	22	аспирант	высшее
10	муж	23	аспирант	высшее
11	муж	25	ассистент кафедры	высшее
12	муж	28	стажер	второе высшее
13	жен	28	лаборант	высшее
14	жен	22	аспирант	высшее
15	муж	27	лаборант	второе высшее
16	муж	23	аспирант	высшее
17	муж	25	лаборант	высшее, м.н.с.
18	муж	24	аспирант	высшее
19	муж	24	ассистент кафедры	высшее
20	муж	22	аспирант	высшее
21	муж	26	стажер	Высшее

В рамках метода тестирования были применены общий метод наблюдения, беседа, две основные методики: тесты социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда и диагностики уровня личностной тревожности Спилбергера – Ханина; и три дополнительные: методика «Шкала тер-

минальных и инструментальных ценностей» (М. Рокич), методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса и методика диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна, опросник ОМО В. Шутца – А. Рукавишникова.

3.3.2. Результаты исследования групп «послевузовского» блока

В результате проведенного наблюдения было установлено, что социально-психологический климат в первичных трудовых коллективах чаще всего напряженный, но связан не столько с появлением в нем нового человека, сколько из опасений, что новый молодой и перспективный специалист пришел на замену кому-то из незащищенных или уже неперспективных (например, по возрасту) кадров. Персонал среднего звена считает, что делает некоторые виды работ, которые не входят в их функциональные обязанности, однако, недовольство этим проявляют в своем кругу и стараются путем манипулятивного общения свалить нагрузку на молодых членов коллектива.

Первичный трудовой коллектив определяется как малая группа людей, объединенных общей целью в совместной деятельности и находящихся в непосредственном контакте друг с другом.

Однако, как выяснилось в процессе индивидуальных бесед, общий настрой в современных первичных трудовых коллективах довольно сложен, особенно для новичка.

К примеру, поиск справедливости или обращение к начальству считается, с одной стороны, бесперспективным (3/4 анкетированных отметили, что руководитель вообще не пользуется доверием коллектива), с другой стороны, вызывает ревность и подозрение у старших членов коллектива. Отсюда возникает дискомфортная атмосфера и постоянное ощущение нестабильности собственного положения.

Нам показалось интересным посмотреть не столько уровни дезадаптации – они получились довольно высокими (лозунг «дорогу молодым» сегодня практически не работает), сколько обратить внимание на стратегии конфликтного поведения, которые для себя выбирают молодые специалисты, попадая в первичный трудовой коллектив.

По тесту описания поведения К. Томаса было установлено, что испытуемые используют в своей деятельности практически все имеющиеся стратегии конфликтного поведения. Хотя наибольшее количество баллов (17 из 21) – это все-таки тактика избегания, ухода от конфликтной ситуации. 5 испытуемых склонны к тактике приспособления к конфликту, и по 3 – к тактике компромисса и сотрудничества. Наименьшее количество баллов, видимо, из-за возрастных особенностей (мало жизненного опыта), набрала тактика соперничества (см. табл. 25).

Таблица 25.

Результаты диагностики по методике Томаса

№ испытуемого	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
1.	0	5	8	8	9
2.	1	6	8	9	4
3.	5	2	7	11	6
4.	3	6	6	10	4
5.	1	7	3	10	8
6.	2	6	9	9	4
7.	0	7	7	8	5
8.	5	0	9	10	5
9.	1	5	5	10	7
10.	2	4	8	11	5
11.	4	6	5	12	3
12.	3	10	4	8	5
13.	6	7	8	6	3
14.	4	6	4	6	10
15.	1	6	10	10	4
16.	0	5	8	6	10
17.	1	6	6	8	10

Продолжение табл. 25.

18.	2	5	7	12	5
19.	3	10	4	8	5
20.	1	4	10	11	6
21.	2	10	6	9	6

Тест Д. Марлоу и Д. Крауна «Диагностика самооценки мотивации одобрения» серьезно уточнил интерпретацию полученных нами данных, что позволило предположить – использование испытуемыми тактики избегания конфликта может быть вызвано потребностью в признании, стремлением соответствовать одобряемому авторитетным большинством (эталонной группой) образцу поведения на первом этапе трудовой социализации (у 13 – высокие показатели от 13 до 18 баллов, у 2 – 10 баллов, у 4 – 9 баллов, у 2 – 8 баллов (см. табл. 26).

Таблица 26.

Общие результаты диагностики по методике Марлоу и Крауна во всей группе испытуемых

№ испытуемого	Мотивация одобрения (баллы)
1.	10
2.	14
3.	13
4.	14
5.	16
6.	18
7.	9
8.	14
9.	13
10.	15
11.	16
12.	9
13.	9
14.	8
15.	9
16.	12
17.	8
18.	14
19.	16
20.	14
21.	10

Полученные данные позволили предположить наличие определенной взаимосвязи между выбором индивидами стратегии конфликтного поведения (в данном случае, избегания) и стремлением к одобрению значимой эталонной группой.

Для подтверждения этого предположения мы применили статистический коэффициент корреляции Спирмена по формуле:

$$r_s = 1 - 6 \frac{\sum d^2 + T_a + T_b}{N(N^2 - 1)}, \text{ где } d \text{ – квадрат разности между рангами,}$$

N – количество испытуемых,

T_a и T_b – поправки на одинаковые ранги.

$$T_a = \frac{\sum (a^3 - a)}{12}$$

$$T_b = \frac{\sum (b^3 - b)}{12}, \text{ где } a \text{ и } b \text{ – объем каждой группы одинаковых рангов.}$$

$$\sum d^2 = 127$$

$$T_a = \frac{(3^3 - 3) + (2^3 - 2) + (4^3 - 4) + (2^3 - 2) + (2^3 - 2)}{12} = 8,5$$

$$T_b = \frac{(3^3 - 3) + (2^3 - 2) + (2^3 - 2) + (3^3 - 3)}{12} = 5$$

$$r_s = 1 - 6 \frac{127 + 5 + 8,5}{14(14^2 - 1)} = 1 - 0,31 = 0,69$$

Анализ ранговой корреляции, по Спирмену, стратегии избегания и стремления к одобрению

№ п/п	Стратегия избегания, баллы	Стремление к одобрению, баллы	Ранги по стратегии избегания	Ранги по стремлению к одобрению	Разность рангов, d	d ²
1.	8	10	4	5	1	1
2.	9	14	6,5	9	2,5	6,25
3.	11	13	12,5	6,5	-6	36
4.	10	14	9,5	9	-0,5	0,25
5.	10	16	9,5	12,5	3	9
6.	9	18	6,5	14	7,5	56,25
7.	8	9	4	3	-1	1
8.	10	14	9,5	9	-0,5	0,25
9.	10	13	9,5	6,5	-3	9
10.	11	15	12,5	11	-1,5	2,25
11.	12	16	14	12,5	-1,5	2,25
12.	8	9	4	3	-1	1
13.	6	9	1,5	3	1,5	2,25
14.	6	8	1,5	1	-0,5	0,25
15.	10	14	9,5	9	-0,5	0,25
16.	10	13	9,5	6,5	-3	9
17.	11	15	12,5	11	-1,5	2,25
18.	12	16	14	12,5	-1,5	2,25
19.	8	9	4	3	-1	1
20.	6	9	1,5	3	1,5	2,25
21.	6	8	1,5	1	-0,5	0,25

Таким образом, значение r , полученное в исследовании, находится в зоне статистически значимых величин, при $p \leq 0,01$ и, т.о., мы в результате получаем подтверждение того, что между выбором стратегии конфликтного поведения (избегания) и стремлением к одобрению поведения индивида в эталонной группе имеется корреляция.

По другим методикам. Применение методики «Шкала терминальных и инструментальных ценностей» (М. Рокич) выявило, что для представителей

«послевузовского» блока характерна специфическая структура ценностей (см. табл. 28).

Таблица 28.

Структура ценностей лиц из «послевузовского» блока.
Терминальные ценности (в среднем по группе)

№ ранга в системе предпочтений	Ценность	Сред. кол-во по группе	T	p
1	Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений).	61.0	3,25	0,06
2	Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование).	54.5	3,16	0,04
3	Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом).	52.0	3,08	0,05
4	Здоровье (физическое и психическое).	52.0	3,08	0,05
5	Материально обеспеченная жизнь (отсутствие мат. затруднений).	52.0	3,02	0,06
6	Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком).	52.0	3,02	0,06
7	Счастливая семейная жизнь.	51.5	2,89	0,06
8	Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей).	51.0	2,87	0,06
9	Наличие хороших и верных друзей.	50.5	2,72	0,07
10	Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни).	50.0	2,65	0,07
11	Интересная работа.	50.0	2,65	0,07
12	Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе).	49.0	2,58	0,08
13	Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках).	48.5	2,56	0,08
14	Творчество (возможность творческой деятельности).	48.0	2,44	0,08
15	Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве).	47.0	2,38	0,09

16	Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей).	46.0	2,35	0,10
17	Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие).	44.0	2,32	0,11
18	Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом).	43.0	2,27	0,12

Из табл. 28 видно, что вышеуказанная структура терминальных ценностей свойственных лицам из «послевузовского блока», связана со стремлением к обретению уверенности в себе, к постоянному физическому и духовному самосовершенствованию, к жизненной мудрости, здоровью – всё это факторы успешной социальной адаптации, которая имеет большое значение для людей, ведущих самостоятельную, «взрослую» жизнь. Кроме того, такая система ценностей обеспечивает реализацию стратегии успешного поведения, то есть является фактором, снижающим тревожность.

Инструментальные ценности у представителей «послевузовского блока» располагались в следующем порядке (см. табл. 29).

Анализируя данные, представленные в табл. 29, можно сделать вывод, что такие инструментальные ценности, как аккуратность, дисциплинированность и ответственность, являются защитной реакцией от внутренней тревоги, обусловленной необходимостью адаптации к сложным условиям самостоятельной жизни (трудоустройство, решение жилищного вопроса, неоднозначность социальных отношений).

Структура ценностей представителей «послевузовского блока».
Инструментальные ценности (в среднем по группе)

№ ранга в системе предпочтений	Ценность	Сред. кол-во по группе	T	p
1	Аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах.	61.5	3,19	0,07
2	Исполнительность (дисциплинированность).	55.0	2,86	0,05
3	Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово).	53.0	2,72	0,04
4	Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе).	52.5	2,70	0,05
5	Независимость (способность действовать решительно).	52.5	2,69	0,06
6	Воспитанность (хорошие манеры).	52.0	2,50	0,06
7	Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина).	52.0	2,50	0,06
8	Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями).	51.0	2,46	0,07
9	Честность (правдивость, искренность).	50.5	2,34	0,08
10	Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания).	50.0	2,32	0,08
11	Жизнерадостность (чувство юмора).	49.5	2,30	0,09
12	Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов.	49.0	2,29	0,10
13	Чуткость (заботливость).	48.0	2,16	0,10
14	Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения).	47.5	2,11	0,11
15	Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманые, рациональные решения).	47.0	2,08	0,11

16	Образованность (широта знаний, высокая общая культура).	45.0	2,02	0,12
17	Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки).	45.0	1,96	0,12
18	Непримиримость к недостаткам в себе и других.	43.0	1,84	0,13

Опросник ОМО В. Шутца – А. Рукавишникова в исследовании «послевузовского» блока дал следующие результаты (см. таб. 30).

Таблица 30.

Результаты, полученные в «послевузовском» блоке по тесту ОМО

№ п/п	Пол	Возраст	Данные по шкалам		
			Включение I	Контроль С	Аффект А
1.	жен.	28	Iw - высокое	Се - низкое	Ае - низкое
2.	муж.	25	Ie - высокое	Се - высокое	Aw - низкое
3.	жен.	27	Iw - высокое	Се - низкое	Ае - высокое
4.	жен.	22	Ie - низкое	Cw - высокое	Ае - низкое
5.	жен.	24	Ie - высокое	Се - высокое	Ае - низкое
6.	жен.	26	Ie - высокое	Се - высокое	Ае - высокое
7.	жен.	28	Ie - высокое	Се - высокое	Ае - высокое
8.	жен.	27	Ie - низкое	Се - низкое	Ае - низкое
9.	муж.	22	Iw - высокое	Се - высокое	Aw - низкое
10.	муж.	23	Iw - высокое	Cw - высокое	Ае - высокое
11.	муж.	25	Iw - высокое	Се - низкое	Ае - высокое
12.	муж.	28	Ie - высокое	Се - высокое	Aw - низкое
13.	жен.	28	Iw - высокое	Се - низкое	Ае - низкое
14.	жен.	22	Iw - высокое	Се - высокое	Ае - высокое
15.	муж.	27	Ie - высокое	Се - высокое	Ае - высокое
16.	муж.	23	Ie - низкое	Се - низкое	Ае - низкое
17.	муж.	25	Ie - низкое	Се - низкое	Aw - низкое
18.	муж.	24	Iw - высокое	Се - высокое	Ае - высокое
19.	муж.	24	Iw - высокое	Се - низкое	Ае - низкое
20.	муж.	22	Ie - низкое	Се - низкое	Ае - низкое
21.	муж.	26	Ie - высокое	Се - высокое	Ае - высокое

Как видно из табл. 30, полученные данные показывают, что большинству представителей «послевузовского» блока свойственно:

- эмоционально-контактное отношение к людям (шкала А),
- тенденция искать социальные контакты и поддерживать их (шкала I),
- высокие показатели ответственности и контроля (шкала С).

Подведем итоги по первому этапу исследования:

– Шкала I:

- s «Ie – высокое» – индивид чувствует себя хорошо среди людей и будет продолжать поиск социальных контактов – 36,8%;

- s «Ie – низкое» – индивид не чувствует себя комфортно среди людей и будет иметь склонность избегать социальных контактов – 15,9%;

- s «Iw – низкое» – индивид предпочитает небольшое количество контактов – 7,2%;

- s «Iw – высокое» – индивид имеет сильную потребность быть принятым в эталонную группу и испытывает потребность в причастности к деятельности группового большинства – 42%.

– Шкала С:

- s «Ce – высокое» – индивид берет на себя ответственность, оспаривает лидерство, стремится обрести влияние в коллективе – 26,7%;

- s «Ce – низкое» – индивид избегает самостоятельного принятия решений и взятия ответственности – 30,3%;

- s «Cw – высокое» – потребность в зависимости, индивид избегает принятия самостоятельных решений – 10%.

– Шкала А:

- s «Aw – низкое» – индивид проявляет осторожность при выборе лиц, с которыми создает более глубокие эмоциональные отношения – 24,4%;

- s «Ae – высокое» – индивид имеет склонность к установлению близких чувственных отношений – 43,3%;

- s «Ае – низкое» – индивид очень осторожен в становлении интимных отношений – 32,7%.

Мы получили низкие показатели шкал в основном у сотрудников вуза младшего возраста и меньшего трудового стажа (22-25 лет), которые еще не смогли адаптироваться и к своему новому социальному статусу, и к особенностям своего нового социального окружения.

3.4. Выводы по главе 3:

В проведенных исследованиях группы «довузовского» блока, исходя из полученных нами данных, по интегральному показателю «адаптация» характеризовались как имеющие повышенные адаптивные способности, что подтверждалось наличием в этих группах испытуемых с высокими и нормальными адаптивными способностями. Также большинство испытуемых этого блока показали высокие индексы по шкалам: доминирование, интернальность, принятие других, самопринятие, эмоциональный комфорт.

По интегральному показателю «лживость» была выявлена статистически значимая прямая корреляция с такими интегральными индексами по шкалам, как адаптация, доминирование и интернальность.

Между интегральными показателями социально-психологической адаптации (адаптация, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, доминирование, лживость) и показателями тревожности (реактивная и личностная) показатели тревожности обратно коррелировали со следующими интегральными показателями СПА: адаптация, доминирование, интернальность, принятие других.

Показатели дезадаптивность, внешний контроль, ведомость, неприятие себя, эмоциональный дискомфорт прямо коррелировали с повышением или понижением реактивной тревожности.

Выявленная нами взаимосвязь между социально-психологической адаптацией и тревожностью выглядит следующим образом: у юношей и девушек «довузовского» блока с высоким уровнем личностной тревожности наблюдается низкий уровень показателей социально-психологической адаптации, и, наоборот, высокий уровень социально-психологической адаптации дает низкие показатели личностной тревожности.

Социальная адаптация старших подростков в обществе постоянных перемен крайне затруднена в первую очередь тем, что юноши и девушки, имеющие увеличенную информационно-интеллектуальную нагрузку, просто не успевают вовремя следить за стремительным ходом микро– и макросоциальных событий, связанных с их непосредственным будущим, и реагировать.

Расширяется стрессогенная сфера дезадаптации личности. Завершается подростковый период, остро встают вопросы не только внутрисемейных отношений, но и межличностных контактов; появляются проблема выбора профессии; общая проблема переходного периода в психосоциальном развитии человека (развитие – мораторий). Однако на основании полученных нами данных экспериментальные группы «довузовского» блока можно характеризовать как имеющие высокие адаптивные способности, при соответствующем уровне тревожности.

Система взаимосвязи личностной тревожности в действительности отличалась от системы взаимосвязей реактивной тревожности только наличием дополнительной отрицательной взаимосвязи с показателем СПА – эмоциональный комфорт. Действительно, на уровне микросреды в этот период мы можем выключить из списка личностно значимых проблемных сфер целый ряд адаптивных аспектов (см. таб. 31).

Отражение актуальных личностно-значимых проблемных сфер социальной адаптации личности в переходный период «школа/ссуз – вуз»

Проблемные сферы	Аспекты адаптации	
	на уровне микросреды	на уровне макросреды
– связанные со школой, ссузом.		Отношение к самому социальному институту
– связанные с переживанием личностной перспективы.		Групповая и/или корпоративная среда, которая позволяет формировать образ первичных эталонных групп
– связанные с родительским домом	Бесконфликтная оценка взглядов на качество жизни	
– связанные со сверстниками своего и противоположного пола	Психологическая совместимость	
– связанные со свободным временем		Профессиональный уровень
– связанные с особенностями личностных качеств		Психофизиологическая адаптация к условиям макросреды

Социологическая совместимость еще не является актуальной ввиду неформированности будущих эталонных групп (люди пересекаются 1-2 раза в неделю на протяжении максимум 8 месяцев); статусно-ролевой набор на этом этапе тоже минимальный – он актуален скорее в среде школы и внешкольного социума (т.е. не является определяющим для новой социальной картины мира); личное восприятие качества жизни полностью связано с традициями родительской семьи и с актуальной модой своего внешкольного окружения; психофизиологическая совместимость также не является значимой («рыхлые» по составу и кратковременные относительно других аспектов жизни абитуриента, подготовительные группы скорее нивелируют вопросы личностной совместимости, нежели делают их актуальными).

Наиболее актуальными для представителя группы «довузовского» блока будут отношения, создающие образ самого социального института – вуза или организации, в которой можно будет работать после получения диплома, групповая/корпоративная среда и ее традиции, к которым абитуриент пока не имеет доступа; технологическая осведомленность и компетентность, ввиду крайней своей субъективности (как правило, подвергаются проверке извне только в период вступительных испытаний), играют скорее компенсаторную функцию при актуальном развитии аспектов психологической совместимости.

Главное в актуализации личностно-значимых проблемных сфер социальной адаптации личности в переходный период «школа/ссуз – вуз» – переходный момент в социализации старшего подростка, когда сложившееся еще в детстве поведение, ассимилированное к привычным отношениям в семье, школе и внешкольном окружении, оказывается на пороге реадaptации относительно сложившейся в переходном возрасте социальной картины мира старшего подростка. Однако на основании полученных нами данных экспериментальные группы «довузовского» блока можно характеризовать как имеющие высокие адаптивные способности при соответствующем уровне тревожности.

Анализ результатов исследования социальной адаптации в группах «вузовского» блока показал, что уровень тревожности у испытуемых первого курса очень высок: 33% поступивших в вузы испытывают дискомфорт, плохо адаптируются к новому образу жизни, часто не понимают требований, предъявляемых им администрацией и преподавателями, плохо ориентируются в новой обстановке.

Социальная адаптация учащихся вуза в целом характеризуется высоким уровнем тревожности, который растет на протяжении семестра и достигает своего апогея в период сессионных экзаменов. Однако дальнейшие показатели уровня тревожности в большинстве случаев зависят от общего

уровня индивидуальных способностей и личной активности студента/курсанта.

Вместе с тем успешность адаптации взаимосвязана с двойственным положением человека в социуме – формально он уже имеет права и статус взрослого, полноценного члена общества, но уровень социальных возможностей и обязанностей соответствует младшему члену семьи, уровень ответственности – уровню ответственности старшего подростка.

Другая взаимосвязь – это прямая корреляция с характером профессиональных намерений. Наиболее успешно адаптировались те испытуемые, у которых профиль обучения совпадал с профессиональными намерениями, менее успешно процесс социальной адаптации протекал у тех испытуемых, у которых не было намерений в будущем идти в профессию, связанную с профилем обучения (более того, 12 испытуемых из этой категории по разным обстоятельствам были отчислены из своих вузов).

Кроме того, у испытуемых были выявлены некоторые нарушения процессов адаптации к новым условиям жизни, которые были связаны с целым комплексом физиологических, социальных, психологических, профессиональных факторов, среди которых, по данным субъективных отчетов, наибольшее неблагоприятное влияние оказывают физиологические и социально-психологические факторы, создающие для данного контингента ситуацию, близкую к экстремальной.

Можно сказать, что адаптация к учебному процессу у 2/3 испытуемых «вузовского» блока сопровождается сравнительно умеренной тревожностью. 1/3 испытуемых указала на трудности в адаптации и к учебному процессу, и к условиям проживания, вследствие высокого уровня ситуативной и личностной тревожности. К третьему курсу обучения в большинстве случаев 77,9% успевающих студентов показали максимальные индексы высокой адаптированности к учебным нагрузкам и окружающей среде.

Однако с началом обучения на 5 курсе у испытуемых начал отмечаться новый рост тревожности, что оказалось напрямую связано и с результатом

итоговых аттестаций, и с очередной грядущей ломкой жизненного уклада (переход из статуса студента/курсанта в статус полностью самостоятельного, лишенного институциональной защиты человека с обязанностями взрослого гражданина), и, наконец, с профессиональным самоопределением (соотнося свои желания со своими возможностями).

На уровне микро– и макросреды в этот период происходит очередное изменение личностно-значимых проблемных сфер. В первую очередь меняются акценты целого ряда адаптивных аспектов: статусно-ролевой набор личности становится более актуальным, нежели восприятие общей корпоративной среды, а личное восприятие качества жизни зависимо от стремления подменить оценки профессиональных качеств оценками в зачетной книжке (см. таб. 32).

Таблица 32.

Динамика изменений личностно-значимых проблемных сфер социальной адаптации личности в переходный период «вуз – начало, вуз – завершение»

Проблемные сферы	Аспекты адаптации	
	на уровне микросреды	на уровне макросреды
– связанные с вузом.		Отношение к самому социальному институту
– связанные с переживанием личностной перспективы.	Социально-психологическая совместимость	
– связанные с родительским домом		Организационное приспособление к условиям нового проживания
– связанные со сверстниками своего и противоположного пола	Психологическая совместимость	
– связанные со свободным временем	Личное восприятие качества жизни становится определяющим	
– связанные с особенностями личностных качеств	Психофизиологическая совместимость	

Социологическая совместимость все еще не актуальна ввиду формального формирования учебных групп, а сами студенты принимают на себя внутренние традиции жизненного уклада, принятого в вузе, что является гораздо более важным в процессе ассимиляции собственного образа и образа эталонной группы. Отсюда важное место начинает играть статусно-ролевой набор личности, который формирует социальные отношения в неформальных группах студентов как минимум на пять лет.

Организационное приспособление к условиям нового проживания меняет актуальный статус родительской семьи – теперь это далекий дом, и по мере взросления, из года в год, потребность в нем неизбежно снижается.

Технологическая осведомленность и компетентность становятся актуальными только в локальные периоды сессий, поэтому гораздо большее место будут занимать процессы психологической совместимости и эмоционально-предпочтительные предметные связи. Личное восприятие качества жизни становится определяющим особенно для иногородних студентов и студентов старшего возраста, а вот оценки профессионального уровня рационально подменяются оценками в зачетной книжке.

Социальная среда воспринимается как данное и никак неизменяемое структурное событие жизни. Главное в динамике изменений личностно-значимых проблемных сфер социальной адаптации личности в кризисный (переходный) период, связанный с началом обучения в вузе и его окончанием, – социализация в новых условиях жизни, ассимиляция в коллективе (заменяющем и семью, и школу и внешкольное окружение) и реадаптация относительно сложившейся картины мира старшего подростка.

В исследовании групп «послевузовского» блока мы обратили особое внимание на период начала трудовой социализации. Нами был изучен период появления нового молодого специалиста в первичном трудовом коллективе, оценка этим специалистом социально-психологического климата коллектива, уровня конфликтности в рамках социальной адаптации личности на стадии переходного периода «вуз – трудоустройство».

Социально-психологический климат как общий психологический настрой в группе (сумма экспектации ожиданий) и к группе (личное отношение), показывает не только сложность и масштаб совокупности межличностных связей, но и отражает характер взаимоотношений между сотрудниками, преобладающий тон общественного настроения, особенности (традиции, система, уровень) управления и, как мы уже отмечали (см. гл. 2), различные условия и особенности труда и отдыха, принятые в данном первичном коллективе. Именно последние пункты, согласно результатам (беседы и основные методики: тесты социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда и диагностики уровня личностной тревожности Спилбергера – Ханина), оказались в числе самых уязвимых мест в организации труда молодого сотрудника.

По итогам исследования дополнительными методиками (тест К. Томаса, методика Д. Марлоу и Д. Крауна) была обнаружена высокая напряженность и преобладание негативных эмоций в отношениях между молодыми, вновь пришедшими сотрудниками и работниками с большим стажем; к тому же психологический фон конфликтности и дестабилизации межличностных отношений в коллективе искусственно поддерживался работниками среднего звена.

Исследование выявило преобладание стратегий избегания конфликта ввиду того, что нестабильность в положении молодого сотрудника заставляет последнего искать точки опоры в одобрении эталонной группы (т.е. своего рабочего коллектива). Однако высокая мотивация на социальное одобрение имеет и обратную сторону – стимулированная им конфликтная стратегия избегания не позволяет конструктивно разрешать конфликты.

На уровне микро– и макросреды в «послевузовский» период происходит очередное изменение личностно-значимых проблемных сфер. Изменяются акценты ряда адаптивных аспектов (см. табл. 33): во-первых, отношение к самому социальному институту, выработанное в период обучения в вузе изменяется, теряется, если так можно выразиться, «патриотизм» к Alma Mater,

уходят многие иллюзии относительно качества и уровня образования, на их место приходит потребность обрести социологическую совместимость в рамках ключевых идеологий, транслируемых на сотрудников коллектива.

Таблица 33.

Динамика изменений личностно-значимых проблемных сфер социальной адаптации личности в переходный период «вуз – трудоустройство»

Проблемные сферы	Аспекты адаптации	
	на уровне микросреды	на уровне макросреды
– связанные с трудоустройством.	Социологическая совместимость	
– связанные с переживанием личностной перспективы.	Социально-психологическая совместимость	
– связанные с родительским домом		Организационное приспособление к условиям нового проживания
– связанные со сверстниками своего и противоположного пола		Технологическая осведомленность и компетентность
– связанные со свободным временем		Профессиональный уровень
– связанные с особенностями личностных качеств		Психофизиологическая адаптация к условиям макросреды

Далее изменяется акцент доминирования в поле социально-психологической совместимости, которая уступает доминантную позицию и групповой и/или корпоративной среды, которая, с одной стороны, становится скорее набором формальных ритуалов, с другой – необходимостью. Конфликт между переживанием зависимости от родительской семьи и ощущением себя взрослым независимым человеком, стремление выйти из-под опеки окончательно акцентирует актуальность в организационном приспособлении к условиям новой жизнедеятельности.

Проблемы психологической совместимости в неформальных группах уходят ввиду нового уровня отношений – формальных и деловых, теперь на первом месте не оценка в дипломе, а реальная технологическая осведомленность и компетентность работника.

Это, в свою очередь, приводит к тому, что качество жизни на этапе вхождения в первичный трудовой коллектив осознанно занижается, подменяясь ожиданиями карьерного роста; психофизиологическая совместимость перестает быть значимой и актуальной по этой же причине.

Ключевое место в динамике изменений личностно-значимых проблемных сфер социальной адаптации личности в переходный период «вуз – трудоустройство» занимает ассимиляция к новому коллективу и реадаптация относительно сложившейся картины мира студента, вызванная переходом в новую социальную позицию на начальном этапе трудовой социализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение различных концепций, относящихся к проблеме социальной адаптации на уровне личностных механизмов, позволяет заключить, что многие частные вопросы, касающиеся видов/влияний отдельных адаптивных факторов/механизмов, не просто изучены с различной степенью глубины, но и, как правило, не решены относительно современных изменений в постиндустриальном обществе, а, значит, до сих пор еще не объединены едиными теоретическими принципами в единую целостную картину.

Между тем проблема адекватно выстроенной адаптации личности – острая и актуальная – находится в полях двух психологических феноменов:

- 1) общие адаптивные способности человека;
- 2) социально-психологические качества личности.

Чаще всего человек воспринимается как объект средовых воздействий, и ему отводится, хотя и активная, но связанная главным образом с сохранением равновесия со средой, роль. Долгое время основной смысл объяснений адаптационного поведения сводился к рассмотрению личности в виде своего рода промежуточного звена между воздействующими факторами среды и адаптационным ответом.

Однако сегодня отношение к роли личности в теориях адаптации претерпевает существенные изменения, с точки зрения холистического подхода интегративной методологии, именно личность признается инициатором и вершителем адаптационных процессов. Таким образом, говоря о проблемах социальной дезадаптации, мы говорим скорее о проблеме изменений внешних и внутренних условий социализации личности.

В таком случае степень и уровни исследования адаптации будут подчинены несколько другой логике: поверхностный уровень исследования адаптивности личности должен показать характер принятия норм, ценност-

ные различия, нормативные и каузальные несовпадения, а глубинный, качественный уровень исследования должен дать представления о совместимости/несовместимости поведения и восприятия на уровне личностных ценностей, мотиваций и восприятия норм.

Таким образом, мы можем заключить, что адаптация будет являть собой значимый, постоянный, триединый процесс активного приспособления индивида к условиям среды (ассимиляция), стремления к возможности «переделать» эти условия под себя (реадаптация), а также процесса максимально успешной социализации личности.

Такое видение может быть отражено в виде связанных между собою тезисов:

1. Адаптация должна рассматриваться в категориях социально-психологического характера (личность как система значимых связей, микро-/макросоциум как полигоны формирования основных социальных качеств личности, неформальные группы и объединения как стартовые площадки социализации личности, категории, имеющие, как внутреннее (социально-психологическое), так и внешнее (социологическое) звучание: статус, роль, Я-концепция.

2. Адаптация личности к новым условиям строительства своего будущего требует от личности скорее адаптации к деструктивности как отношению атомизированного общества к отдельному человеку (инициация в делинквентность/девиантное поведение; разрушение картины мира; отчужденность; ломка личностных качеств при приспособлении к новому социуму временного пребывания/длительного проживания).

Выше сказанное дает возможность выявить несколько наиболее важных кризисно переживаемых этапов в процессе социальной адаптации испытуемых:

– этап перехода в «новую самостоятельность» – 16-18 лет – социальная адаптация, вызванная кризисом перехода из состояния школьника в состояние студента/курсанта;

– этап перехода из семьи к самостоятельной/автономной жизнедеятельности – 17-22 года – социальная адаптация, вызванная кризисом перехода из состояния зависимого подростка в состояние независимого молодого человека;

– этап последипломного («послевузовского») трудоустройства – 22-28 лет – социальная адаптация, вызванная кризисом перехода к новому образу жизни (независимого взрослого).

Выделение этих этапов определило три референтные группы исследования (16-18 лет – группа «довузовского» блока, 17-22 года – группа «вузовского» блока, 22-28 лет – группа «послевузовского» блока). Все испытуемые рассматривались как интегрированные в двух крупных измерениях жизни:

– на уровне микросреды, границы измерения были определены через категории совместимости и качества жизни (социологическая совместимость; социально-психологическая совместимость; бесконфликтная оценка взглядов на качество жизни; психологическая совместимость; личное восприятие качества жизни; психофизиологическая совместимость);

– на уровне макросреды, границы измерения оказались связаны с изменением организационных условий жизни, круга общения, окончанием ссуза/вуза, стажировкой выходом на работу, т.е., проблемами адаптации/дезадаптации к внешним условиям пребывания человека в социуме (адаптация к самому социальному институту; корпоративная адаптация; организационная адаптация; технологическая адаптация; профессиональная адаптация; психофизиологическая адаптация; «психосоциальный мораторий»).

Исходя из этого, наше эмпирическое исследование было сфокусировано на шести пересекающихся проблемных сферах:

- 1) проблемы, связанные со школой, ссузом, вузом, трудоустройством;
- 2) проблемы, связанные с переживанием личностной перспективы;
- 3) проблемы, связанные с уходом из семьи родителей/своей семьей;

- 4) проблемы, связанные со сверстниками своего и противоположного пола;
- 5) проблемы, связанные с досугом и условиями жизненного пространства;
- б) проблемы, связанные с собственным восприятием в области единого интегративного процесса, обозначенного как социальная адаптация личности.

Исходя из полученных нами данных, по интегральному показателю «адаптация» группы «довузовского» блока характеризовались как имеющие повышенные адаптивные способности, что подтверждалось наличием в этих группах испытуемых с высокими и нормальными адаптивными способностями. Также большинство испытуемых этого блока показали высокие индексы по шкалам: доминирование, интернальность, принятие других, самопринятие, эмоциональный комфорт.

Главная характеристика этого периода состоит в расширении стрессогенной сферы дезадаптации. Завершается подростковый период, остро встают вопросы не только внутрисемейных отношений, но и межличностных контактов; появляется проблема выбора профессии; общая проблема переходного периода в психосоциальном развитии человека (развитие – мораторий). Таким образом, состояние тревожности – это целый комплекс зачастую неразрешимых проблем, которые накапливаются в течение всего подросткового периода (12 – 14), периода вхождения юношей и девушек «во взрослую жизнь» (15 – 17 лет), пока не будет достигнута глобальная кризисная точка, связанная с выходом из среднего или среднеспециального образовательного звена в самостоятельную жизнь. Это связано не только с большим количеством школьных экзаменов и вступительных испытаний, которые накладываются на период привычных летних каникул, но и напрямую зависит от качества выхода из родительской семьи в новый социум вуза (для нашей выборки – переезд в другой город), что также сильно дезорганизует личность старшего подростка.

Надо отметить, что изначально мы не предполагали, что личностно-значимые проблемные сферы социальной адаптации личности на уровне микро– и макросреды окажутся в постоянной оппозиции друг к другу. Вероятно, подобная неконгруэнтность связана с переживанием социальной дезадаптации личности в указанных нами выше трех переходных периодах. Данные проведенного исследования позволяют выдвинуть предположение, что адаптивная конгруэнтность является не просто устойчивым сочетанием или соприкосновением описанных выше оппозиционных аспектов на уровне микро– и макросреды, но становится своеобразной интеграцией этих оппозиционных аспектов, которые являются структурными элементами процесса социальной адаптации, являющие собой значимый, постоянный, единый процесс активного приспособления индивида к постоянно меняющимся условиям социальной среды через механизмы ассимиляции, реадaptации и социализации.

Выводы:

1. Адаптация личности требует выработки стратегий приспособления не только к конструктивному поведению для успешного приспособления к новому социуму, но и к деструктивному. Динамика изменений в процессе социальной адаптации личности раскрывается в проблемных сферах, связанных с изменениями личностных характеристик в процессе социализации (школа – вуз – трудоустройство; семья родительская – своя семья); статусно – ролевыми отношениями, иерархией между досуговым и рабочим временем, – трактуемых как показатели особенностей личностной направленности на самостоятельность либо на демонстрацию зависимости в поведении. Социальная адаптация, рассматриваемая в категориях интегративной методологии, дает возможность показать динамику личностных изменений на уровне микро – и макросоциальных связей.

2. Исходя из специфики характеристик социально-психологической адаптации на уровне микро – и макросреды, было выявлено: чем более психологический фон личности «закрит» от внешних факторов адаптации жест-

кими поведенческими рамками, тем больше чувство защищенности от стрессогенных факторов извне, и, чем более человек самостоятелен, тем менее устойчиво его социальное положение. Мы можем констатировать следующую корреляционную зависимость – высоко адаптивные испытуемые, имеют высокие показатели внутреннего контроля, при низкой конфликтности проявляют стремление к ситуативному доминированию, склонности к скрытию (искажению) информации и даже лжи.

3. По эффективности социальной адаптации на всех рассмотренных периодах, личность, демонстрирующая самостоятельность, активную жизненную позицию, не склонная к компромиссным решениям и конформному поведению, часто оказывается в маргинальном положении из-за неспособности быстро встраиваться в социальные иерархические структуры и приспособляться к специфике современных организационных требований соподчиненности, корпоративности, гибкости и внешнего конформизма.

4. Адаптация личности включает в себя не только позитивное приспособление к социальному пространству жизни, но и деструктивные изменения личности в процессе социализации в новых условиях (атомизация, отчужденность, девиантность, гиперзависимое поведение). Общие и дифференцирующие процессы социальной адаптации личности приводят к тому, что независимая, самостоятельная личность видит себя социально невостребованной в системе иерархических структур современного общества, нацеленного на личностные характеристики созависимости, гибкости, пассивного индивидуализма, толерантности - чем более человек самостоятелен, тем менее устойчиво его социальное положение. Процессы ассимиляции в таком социуме позволяют наиболее успешно адаптироваться людям с инфантильным, зависимым, максимально несамостоятельным поведением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аверин, В.А. Психология детей и подростков: монография / В.А. Аверин; С.-Петербург. педиатр. мед. ин-т; Центр обществ. здоровья. – СПб., 1994. – 178 с.
2. Адлер, А. Наука жить / А. Адлер. – Киев, 1997. – 210 с.
3. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер. – Киев, 1999. – 167 с.
4. Андриенко, А.В. Изучение уровня сформированности профессиональных компетенций молодого специалиста / А.В. Андриенко, Д.Г. Ващенко // Вестник Томского государственного педагогического университета (Вестник ТГПУ). – 2009. – Вып. 9 (87). – С. 5-10.
5. Алдашева, А.А. Особенности личностной адаптации в малых изолированных коллективах: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / А.А. Алдашева – Л., 1984. – 19 с.
6. Александровский, Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация / Ю.А. Александровский. – М.: Наука, 1976. – 272 с.
7. Александровский, Ю.А. Актуальные вопросы пограничной психиатрии: сборник научных трудов / Ю.А. Александровский. – М., 1991. – С. 34-61.
8. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды. Т.1.- 1980 / Б.Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – 232 с.
9. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л., 1968. – 339 с.
10. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 1977. – С. 48-49.
11. Андреева, Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г.М. Андреева. – 5-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 363 с.

12. Андреева, Д.А. О понятии адаптации / Д.А. Андреева // Человек и общество. – 1983. – С. 64-67.
13. Андреевкова, В.П. Проблемы социализации личности / В.П. Андреевкова // Социальные исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 18-21.
14. Анохин, П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности: избранные труды / П.К. Анохин. – М., 1979. – 454 с.
15. Анцыферова, Л.И. Психологическое содержание феномена субъекта и границы субъектно-деятельностного подхода» / Л.И. Анцыферова // Проблема субъекта в психологической науке / отв. ред. А.В. Брушлинский. – М., 2000. – С. 15-19.
16. Анцупов, А.Я. Конфликтология: учебник для ВУЗов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – М.: ЮНИТИ, 1999. – С. 48-53.
17. Арестова, О.Н. Проективный вариант техники репертуарных решеток в исследовании структуры Я / О.Н. Арестова, Е.С. Шильштейн // Вестник Московского государственного университета (Вестник МГУ). – Сер. 14: Психология. – 1998. – № 1. – С. 8-18.
18. Аронсон, Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. / Э. Аронсон. – Изд. 7. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 517 с.
19. Артюхова, Т.Ю. Психологические механизмы коррекции состояния тревожности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Т.Ю. Артюхова. – Новосибирск, 2002. – 20 с.
20. Асеев, В.Г. Мотивация поведения и формирование личности / В.Г. Асеев. – М., 1976. – 156 с.
21. Асмолов, А.Г. Психология личности / А.Г. Асмолов. – М., 1990. – 270 с.
22. Асмолов, А.Г. XXI век: психология в век психологии / А.Г. Асмолов // Вопросы психологии. – 1999. – № 1. – С. 3-12.
23. Баевский, Р.М. Биокибернетика и прогностика, некоторые проблемы оценки адаптационно-приспособительной деятельности организма / Р.М.

Баевский // Кибернетические аспекты адаптации системы «человек-среда». – М., 1975. – С. 28-34.

24. Барская, О.Л. Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: автореф. дис. ... канд. фил. наук / О.Л. Барская. – М., 1989. – 20 с.

25. Бекмаханова, К.Е. Проблема психологической адаптации студентов / К.Е. Бекмаханова. – Алма-Ата, 1983. – 270 с.

26. Белов, А.Ф. Успешность обучения студентов медицинского ВУЗа: дифференциально-психологический аспект / А.Ф. Белов, М.М. Лапкин, Н.В. Яковлева // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 81-86.

27. Березин, Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. – Л., 1988. – 270 с.

28. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание; пер. с англ. / Р. Бернс. – М.: Прогресс, 1986. – 380 с.

29. Бобнева, М.И. Социальные нормы и регуляция поведения / М.И. Бобнева. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 89-90.

30. Бодалев, А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения / А.А. Бодалев. – М., 1998. 168 с.– С. 56-59.

31. Божович, Л.И. Избранные психологические труды / Л.И. Божович / под ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 1995. – 209 с.

32. Бойко, В.В. Социально-психологический климат коллектива и личность / В.В. Бойко, А.Г. Ковалев, В.Н. Панферов. – М.: Мысль, 1983. – 207 с.

33. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 304 с.

34. Брушлинский, А.В. Проблема субъекта в психологии / А.В. Брушлинский // Психологический журнал. – 1991. – Т. 12. – № 6. – С. 3-11.

35. Бюдженталь, Дж. Наука быть живым / Дж. Бюдженталь. – М.: Класс, 1998. – 237 с.

36. Васильева, Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения / Ю.А. Васильева // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 2. – С. 58-77.

37. Василюк, Ф.Е. Психология переживаний / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 251 с.

38. Вилюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений / В.К. Вилюнас. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 304 с.

39. Воробьев, В.М. О профилактике и терапии нарушений психической адаптации / В.М. Воробьев, Н.Л. Коновалова // Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – 1993. – № 1. – С. 71-72.

40. Выготский, Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: АПН РСФСР, 1960. – 484 с.: собрание сочинений. – В 6-ти т. / Л.С. Выготский. – М., 1982. – Т. 1, 2. – С. 344-346.

41. Габдрева, Г.Ш. Основные аспекты проблемы тревожности в психологии: монография / Г.Ш. Габдрева – М., 2000. – С. 67-68.

42. Гишинский, Я. Социология девиантного поведения и социального контроля / Я.И. Гишинский // Социология в России / ред. В. Ядов. – М., 1998. – С. 587-609.

43. Головаха, Е.И. К исследованию мотивации жизненного пути: техника каузометрии / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // Мотивация личности: феноменология, механизмы и закономерности формирования. – М., 1982. – С. 72-86.

44. Горянина, В.А. Психологические предпосылки непродуктивности стиля межличностного взаимодействия / В.А. Горянина // Психологический журнал. – Т. 18. – № 6. – 1997. – С. 75-76.

45. Грановская, Р.М. Элементы практической психологии / Р.М. Грановская. – Л., 1988. – 565 с.

46. Грановская, Р.М. Творчество и преодоление стереотипов / Р.М. Грановская, Ю.С. Крижанская. – СПб.: Питер, 1994. – 357 с.

47. Губанова, Е.И. Оценка адаптации у студентов медицинского вуза по степени постарения / Е.И. Губанова, С.Ю. Голованова // Эколого-физиологические проблемы адаптации: материалы XII Международного симпозиума, г. Москва, 30-31 января 2007 г. – М., 2007. – С. 41-45.

48. Гуревич, К.М. Психологическая диагностика: учеб. пособие / К.М. Гуревич. – М.: Мир, 1997. – 452 с.

49. Демидов, Д.Н. Соотношение образов Я-идеальное и Я-реальное и проблемы подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Д.Н. Демидов; 19.00.13. – М., 2000. – 20 с.

50. Демин, А.Н. Прогнозирование жизненного пути в структуре регуляции поведения (на материале студентов педвуза): дис. ... канд. психол. наук / А.Н. Демин. – М., 1991. – 195 с.

51. Дербенев, Д.П. Социальная адаптация подростков / Д.П. Дербенев // М.: Социальный журнал. – 1997. – № 1/2. – С. 56-57.

52. Дерманова, И.Б. Типы социально-психологической адаптации и комплекс неполноценности / И.Б. Дерманова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1996. – Вып. 1. – С. 59-68.

53. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс. – М.: Педагогика, 1991. – С. 44-67.

54. Дмитриева, М. А. Формирование ценностного отношения к семье у старших школьников: дис. ... канд. психол. наук / М.А. Дмитриева; 19.00.07. – Ростов н/Д., 1999. – 203 с.

55. Додонов, Б.И. Структура и динамика мотивов деятельности / Б.И. Додонов // Вопросы психологии – 1984. – № 4. – С. 126-130.

56. Дорфман, Л.Я. Метаиндивидуальный мир: Методологические и теоретические проблемы / Л.Я. Дорфман. – М.: Смысл, 1993. – С. 45-47.

57. Драгунова, Т.В. Некоторые психологические особенности личности подростка / Т.В. Драгунова, Д.Б. Эльконин // М.: Советская педагогика, 1965. – № 6 (цит. по кн. Драгунова Т.В. Проблема конфликта в подростковом возрасте. – М.: РГИУ, 2004. – С. 43-47.

58. Завьялова, Е.К. Социально-психологическая адаптация женщин в современных условиях (профессионально-личностный аспект): автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Е.К. Завьялова. – СПб., 1998. – 37 с.
59. Зейгарник, Б.В. Психология личности: норма и патология / Б.В. Зейгарник. – М.-Воронеж, 1998. – С. 37-115.
60. Зинченко, В.П. Миры сознания и структура сознания / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 37-45.
61. Захаров, А.И. Своеобразие психического развития детей / А.И. Захаров // Психология детей с отклонениями и нарушениями психического развития / под ред. В.М. Астапова. – СПб.: Питер, 2001. – С. 12-19.
62. Иванников, В.А. Формирование побуждений к действию / В.А. Иванников // Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 113-122.
63. Иванова, Н.Л. Проблема социальной идентичности в исследовании организаций: основные подходы // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 3. – С. 89-102.
64. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб., 2000. – 512 с.
65. Истратова, О.Н. Справочник психолога-консультанта организации / О.Н. Истратова, Т.В. Экскакусто. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 638 с.
66. Кабрин, В.И. Исследование и развитие определенных качеств толерантности в тренинговых группах с различной степенью директивности / В.И. Кабрин, П.Н. Савин, Я.Б. Частоколенко, Л.В. Шабанов // Вестник ТГУ. – Томск, 2005. – № 285. – С. 61-68.
67. Кабрин, В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования / В.И. Кабрин. – М.: Смысл, 2005. – 248 с.
68. Каверин, С.Б. Мотивация труда / С.Б. Каверин. – М., 1998. – 224 с.
69. Каган, В.Е. Стереотипы мужественности – женственности и образ «Я» у подростков / В. Е. Каган // Вопросы психологии. – 1989. – № 3. – С. 28-30.

70. Казначеев, В.П. Биосистема и адаптация / В.П. Казначеев. – Новосибирск: Наука, 1973. – 73-74с.

71. Карпов, А.В. Психология профессиональной адаптации: монография / А.В. Карпов, В.Е. Орел, В.Я. Тернополь. – Ярославль: Институт «Открытое общество», РПО, 2003. – 161 с.

72. Карцева, Т.Б. Личностные изменения в ситуациях жизненных перемен / Т.Б. Карцева // Психологический журнал. – 1988. – № 5. – С. 120-128.

73. Келли, Дж. Процесс каузальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология / Дж. Келли / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 127-137.

74. Кирай-Деваи, М. Формирование функций идеального Я в школьном возрасте / М. Кирай-Деваи // Психологические исследования познавательных процессов и личности. – М., 1983. – С. 51-57.

75. Клименко, И.Ф. Психологические особенности отношения к себе и другим как носителям нравственных ценностей на разных этапах онтогенеза личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.Ф. Клименко. – М., 1986. – 20 с.

76. Козлов, В.В. Работа с кризисной личностью / В.В. Козлов. – М.: Психотерапия, 2007. – 332 с.

77. Козлов, В.В. Интегративная парадигма психологии / В.В. Козлов // Вестник интегративной психологии. – Вып. 8. – Ярославль, 2010. – С. 12-15.

78. Ковалев, В.И. Мотивы поведения и деятельности / В.И. Ковалев. – М., 1988. – 231 с.

79. Ковалев, В.В. К клинической дифференциации психогенно обусловленной патологии поведения у детей и подростков в связи со школьной дезадаптацией / В.В. Ковалев // Психология детей с нарушениями и отклонениями психического развития / под ред. В.М.Астапова. – СПб., 2001. – С. 370-375.

80. Колесников, Ю.С. Адаптация – важнейшая проблема педагогики высшей школы / Ю.С. Колесников, В.Г. Рубин // Советская педагогика. – 1982. – № 3. – С. 64-71.
81. Кон, И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века / И.С. Кон. – М.: Феникс, 2001. – 208 с.
82. Кривоконь, В.И. Влияние стрессогенных факторов на динамику структуры личности профессионала: автореф. дис. ... канд. психол. наук / В.И. Кривоконь. – М., 1997. – 27с.
83. Кристева, Ю. От одной идентичности к другой. Источник: От Я к Другому / Ю. Кристева. – Минск, 1997. – С. 19 - 22.
84. Кузнецов, П.В. Адаптация как функция развития личности / П.В. Кузнецов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. 74 – 75 с.
85. Кули, Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок = Human Nature and the Social Order: научное издание / Чарльз Хортон Кули. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. кн., 2000. – 309 с.
86. Курек, Н.С. Дефицит психической активности: пассивность личности и болезнь / Н.С. Курек. – М.: ИП РАН, 1996. – С. 89-90.
87. Кучеренко, Н.Б. Стратегии и динамика самоопределения личности в процессе получения второго высшего образования: дис. ... канд. психол. наук / Н.Б. Кучеренко. – Томск, ТГПУ 1998. – 174с.
88. Лазурский, А.Ф. Избранные труды по психологии / А.Ф. Лазурский. – М., 1997. – 480 с.
89. Лебедев, В.И. Экстремальная психология / В.И. Лебедев. – М., 2001. – 431 с.
90. Левитов, Н.Д. Психическое состояние агрессии / Н.Д. Левитов // Вопросы психологии. – 1972. – № 6. – С. 168-172.
91. Леонтьев, А.Н. Потребности, мотивы, эмоции / А.Н. Леонтьев. – М., 1971. – 310 с.

92. Леонтьев, А.А. Значение и личностный смысл: две стороны одной медали / А.А. Леонтьев // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 5. – С. 19-30.
93. Леонтьев, Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д.А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. – Вып. 1. / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002 – С. 56-65.
94. Леонтьев, Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М., 1999. – 457 с.
95. Личко, А.Е. Акцентуации характера как преморбидный тип / А.Е. Личко // Психология детей с нарушениями и отклонениями психического развития / под ред. В.М. Астапова. – СПб., 2001. – С. 302-333.
96. Логинов, А.А. Гомеостаз: философские и общебиологические аспекты / А.А. Логинов. – Мн.: Высш. Школа, 1979. – 176 с.
97. Логинова, Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь / Н.А. Логинова // Принцип развития в психологии / под ред. Л.И. Анцыферовой. – М., 1978. – С. 156-173.
98. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация личности / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: ПАРФ, 1998 – 496 с.
99. Магомед-Эминов, М.Ш. Анализ когнитивного подхода в зарубежных теориях мотивации / М.Ш. Магомед-Эминов, И.А. Васильев // Вопросы психологии. – 1986. – № 5. – С. 161-168.
100. Мазиллов, В.А. Теория и метод в психологии / В.А. Мазиллов. – Ярославль: Изд-во МАПН, 1998. – 356 с.
101. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16-24.
102. Мамардашвили, М.К. Необходимость себя / М.К. Мамардашвили. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 7-154.

103. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
104. Московичи, С. Социальное представление: исторический взгляд / С. Московичи // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 5-11.
105. Медведев, В.И. О проблеме адаптации / В.И. Медведев // Компоненты адаптационного процесса. – Л.: Наука, 1984. – С. 3-16.
106. Мерлин, В.С. Психология индивидуальности: избранные психологические труды / В.С. Мерлин. – М.-Воронеж, 1996. – 446 с.
107. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. / сост. и предисл. И.С. Кона. – М.: Наука, 1988. – С. 44 - 47.
108. Милославова, И.А. Адаптация как социально-психологическое явление / И.А. Милославова // Социальная психология и философия. – Л., 1983. – С. 31-40.
109. Мотивация и поведение человека в сфере труда: сборник научных трудов. – М., 1990. – 184 с.
110. Мухина, В.С. Феноменология развития и бытия личности / В.С. Мухина. – М.: МПСИ, 1999. – 635с.
111. Мэй, Р. Искусство психологического консультирования / Р. Мэй. – М.: Класс, 1994. – 144 с.
112. Налчаджян, А.А. Социально-психологическая адаптация личности / А.А. Налчаджян. – Ереван, 1988. – 262 с.
113. Немов, Р.С. Практическая психология / Р.С. Немов. – М., 1999. – 319 с.
114. Нюттен, Ж. Мотивация // Экспериментальная психология / Ж. Нюттен / под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. – М., 1975. – С. 15-110.
115. Ньюком, Т.М. Социально-психологическая теория: интеграция индивидуального и социального подходов / Т.М. Ньюком // Современная зарубежная социальная психология: тексты / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 16-31.
116. Окунь, Я. Факторный анализ / Я. Окунь. – М., 1974. – 200 с.

117. Орлов, А.Б. Психология личности и сущности человека / А.Б. Орлов. – М., 2003. – 351 с.
118. Орлов, Ю.М. Личность и сущность: внешнее и внутреннее «я» в человеке / Ю.М. Орлов // Вопросы психологии. – 1995. – № 2. – С. 78-89.
119. Офицеркина, Н.С. Социально-психологическая адаптация молодежи рыночной экономике: дис. ... канд. психол. наук / Н.С. Офицеркина. – М., 1997. – 137 с.
120. Павлов, И.П. Полное собрание сочинений / И.П. Павлов. – М.-Л., 1951. – Т. III. – С. 92 - 93.
121. Павлов, С.Е. Адаптация / С.Е. Павлов. – М.: Паруса, 2000. – 282 с.
122. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462-525.
123. Петренко, В.Ф. Междисциплинарный подход к исследованию сознания и личности: экспериментальная психосемантика // Ярославский психологический вестник. – 2005. – Вып. 12. – С. 32– 37.
124. Петровский, А.В. Общая психология / А.В. Петровский. – М., 1986. – 210 с.
125. Петровский, В.А. Психология неадаптивной активности / А.В. Петровский. – М.: Горбунок, 1992. – 224 с.
126. Перлз, Ф.С. Эго, голод и агрессия / Ф.С. Перлз / под ред. Д.Н. Хломова – М.: СМЫСЛ, 2000. – 358 с.
127. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – М., 1969. – 308 с.
128. Платонов, К.К. Структура и развитие личности / К.К. Платонов. – М., 1986. – 298 с.
129. Платонов, К.К. Краткий словарь системы психологических понятий / К.К. Платонов. – М., 1984. – 174 с.

130. Поваренков, Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю.П. Поваренков. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – 160 с.
131. Поршнева, Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнева. – М., 1979. – С. 121 - 123.
132. Посохова, С.Т. Психология адаптирующейся личности: субъективный подход: дис. ... д-ра психол. наук / С.Т. Посохова; 19.00.01. – СПб.: РГБ, 2001. – 393 с.
133. Постовалова, Г.И. Психологические и социально-психологические особенности адаптации студентов / Г.И. Постовалова. – М.: Азимут-Центр, 1993. – 229 с.
134. Практическая психодиагностика: методики и тесты: учеб. пособие. – Самара: Изд-во БАХРАК-М, 2001. – 400 с.
135. Прихожан, А.М. Анализ содержания «образа Я» в старшем подростковом возрасте у учащихся массовой школы и школы-интерната / А.М. Прихожан // Возрастные особенности психического развития детей. – М., 1982. – С. 12 - 13.
136. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред. – сост. Л.А.Карпенко. Под общ. Ред. А.В. Петровского – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 454 с.
137. Психология развития / под ред. А.К. Болотовой и О.Н. Молчановой. – М.: Че.Ро., 2005. – 680 с.
138. Психология современного подростка / под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Педагогика, 1987. – С. 38-39.
139. Психология: Словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
140. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие. – Самара: Изд-во « БАХРАК-М». – 2001. – 672 с.
141. Практикум по экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А.А. Крылова. – Л., 1990. – 286 с.

142. Практикум по психодиагностике: психодиагностические материалы / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. – М., 1988. – 310 с.
143. Пугачев, В.П. Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом: учебник для студентов вузов / В.П. Пугачев. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – С. 115-116.
144. Растова, Л.М. Социальная адаптация личности в коллективе: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Л.М. Растова. – Томск, 1973. – 22 с.
145. Реан, А.А. Самоактуализация и самотрансценденция личности / А.А. Реан // Психология личности в трудах отечественных психологов / под ред. Л.В. Куликова. – СПб., 2001. – С. 305-308.
146. Роговин, М.С. Научные критерии психической патологии: учеб. пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 1981. – С. 35-50.
147. Роджерс, К. Несколько гипотез, касающихся помощи в росте личности / К. Роджерс // Психология личности в трудах зарубежных психологов / под ред. А.А. Реана. – СПб., 2000. – С. 217-224.
148. Рубинштейн, С.Я. Основы общей психологии / С.Я. Рубинштейн. – М., 1989. – В 2-х т. – Т. 2. – 323 с.
149. Сандомирский, М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных / М.Е. Сандомирский. – Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2001. – С. 86 - 88.
150. Свенцицкий, А.Л. Психология управления организациями / А.Л. Свенцицкий. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 222 с.
151. Свиридов, Н.А. Социальная адаптация личности в трудовом коллективе: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.А. Свиридов. – Л., 1974. – 21 с.
152. Сеченов, И.М. Избранные произведения / И.М. Сеченов. – М., 1952. – Т. 1. – С. 32-40.
153. Селье, Г. Очерки об общем адаптационном синдроме / Г. Селье. – М.: Медгиз, 1960. – 207 с.

154. Сидоренко, Е.А. Математические методы в психологии / Е.А. Сидоренко. – СПб.: Питер, 2000. – С. 45-79.
155. Слободчиков, В.И. Реальность субъективного духа / В.И. Слободчиков // Психология личности в трудах отечественных психологов / под ред. Л.В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001 – С. 59-71.
156. Смирнов, А.А. Психология вузовской адаптации: учеб. пособие / А.А. Смирнов, Н.Г. Живаев; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. – 115с.
157. Смирнов, В.И. Жизненный путь человека: социальные и моральные проблемы / В.И. Смирнов. – Л., 1989. 27 – 28 с.
158. Соколова, Е.Т. Психология нарциссизма: учеб. пособие / Е.Т. Соколова, Е.П. Чечельницкая. – М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2001. – С. 13 - 15.
159. Спилбергер, Ч.Д. Концептуальные и методологические проблемы исследование тревоги / Ч.Д. Спилбергер. – М., 1983. – С. 112-115.
160. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А.Г. Спиркин. – М.: Изд-во политической литературы, 1972. – С. 149-150.
161. Справочник практического психолога. Психодиагностика / под общ. ред. С.Т. Посоховой. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. – 671 с.
162. Станкин, М.И. Общая психология. Функциональные явления человеческой психики / М.И. Станкин. – М.-Воронеж. 2001. – 279 с.
163. Столин, В.В. Уровни и единицы самосознания / В.В. Столин // Самосознание личности. – М.: Изд-во Московского университета, 1983. – С. 44-50.
164. Стоунквист, Э.В. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта / Э.В. Стоунквист // Современная зарубежная этнография: реферативный сб. – М., 1979. – С. 91-111.
165. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. – С. 12 - 13.

166. Теплов, Б.М. Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. – М., 1961. – 535 с.
167. Трифонов, Е.В. Прогнозирование в физиологических системах – основа адаптации человека к факторам среды / Е.В. Трифонов // Компоненты адаптационного процесса / под ред. В.И. Медведева. – М.: Наука, 1984. – С. 70-86.
168. Узнадзе, Д.Н. Психологические исследования / Д.Н. Узнадзе. – М., 1966. – 450 с.
169. Ушамирская, Г.Ф. Проектирование образования: структура, функции, статус / Г.Ф. Ушамирская // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 7. – С. 28-35.
170. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002. – С. 167-171.
171. Франк, С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 69-132.
172. Фрейд, З. Психология Я и защитные механизмы / З. Фрейд. – М.: Педагогика, 1993. – 144 с.
173. Фрейд, А. Психология «я» и защитные механизмы / А. Фрейд. – М., 1993. – С. 141 - 142.
174. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – М.: Педагогика, 1990. – 160 с.
175. Ханин, Ю.Л. Стресс и тревога в спорте: международный сборник научных статей / Ю.Л. Ханин. – М.: Физкультура и спорт, 1983. 226 – 288 с.
176. Хекхаузен, Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен. – СПб., 2001. 238 - 240 с.
177. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени: самоанализ / К. Хорни. – М.: Прогресс, 1993. – 480 с.
178. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зинглер. – СПб., 1997. – 606 с.

179. Чамата, П.Р. К вопросу о генезисе самосознания личности / П.Р. Чамата // Проблемы сознания. – М., 1968. – С. 145 - 147.

180. Чеснокова, И.И. Особенности развития самосознания в онтогенезе / И.И. Чеснокова. // Принцип развития в психологии. – М., 1978. – С. 23 - 28.

181. Чимбеленге, К.У. Процессы адаптации и реализации в структуре профессионализации личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / К.У. Чимбеленге. – Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 1996. – 31 с.

182. Чудновский, В.Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего» / В.Э. Чудновский // Психологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 15-26.

183. Шабанов, Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность? / Л.В. Шабанов. – Томск: ТГУ, 2005. – 396 с.

184. Шабанов, Л.В. Моделирование формирования ценностных смыслов в нестабильных социальных объединениях / Л.В. Шабанов // Развитие творческого потенциала личности и повышение профессиональной культуры педагога; Всероссийская научная конференция с международным участием, посвященная памяти С.И. Гессена (13-15 октября 2008, Томск). – Томск: Изд-во ТГПУ – С. 117-123.

185. Шабанов, Л.В. Социализация в контексте культурной трансформации в России: самоопределение через потребление / Л.В. Шабанов, В.А. Суровцев // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск. – 2006. – № 1. – С. 63-64.

186. Шапкин, С.А. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации / С.А. Шапкин, Л.Г. Дикая // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 1. – С. 46 - 48.

187. Шафранская, К.Д. Адаптивные реакции при психических состояниях человека / К.Д. Шафранская. – М.: Академ. книга, 1993. – С. 14 - 15.

188. Шевандрин, Н.И. Социальная психология в образовании / Н.И. Шевандрин. – М., 1995. – С. 11-15.
189. Шевеленкова, Т.Д. Исследование личностного способа существования человека в современном мире (опыт гуманистического направления в современной психологии) / Т.Д. Шевеленкова // Психология личности в условиях социальных изменений. – М., 1993. – С. 33 - 37.
190. Шелехов, И.Л. Личность современной женщины через призму системной структурно-уровневой концепции психики / И.Л. Шелехов, Г.В. Залевский // Томск: Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 36. – С. 36-41.
191. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М.: Прогресс, 1969. – 535 с.
192. Шихирев, П.Н. Современная социальная психология / П.Н. Шихирев. – М.: Ин-т психологии РАН; КСП+; Акад. проект, 1999. – 448 с.
193. Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А.Г. Шмелев. – М., 1983. – С. 29-30.
194. Шорохова, Е.В. Проблема «Я» и самосознание / Е.В. Шорохова // Проблемы сознания. – М., 1966. – С. 67 - 70.
195. Элиаде, М. Аспекты мифа; пер. с фр. / М. Элиаде. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 19 -20.
196. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – Обнинск: Детство, 1993. – 56 - 58с.
197. Юнг, К.Г. Аналитическая психология / К.Г. Юнг. – СПб.: Питер, 1994. – 320 с.
198. Ядов, В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В.А. Ядов. – М., 1991. – 560 с.
199. Яницкий, М.С. Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики: учеб. пособие / М.С. Яницкий. – Кемерово, 1995. – 219 с.

200. Allport, G.W. Personality: A psychological interpretation / G.W. Allport. – Boston, 1937. – 388 p.
201. Atkinson, J.W. An introduction to motivation / J.W. Atkinson. – N.Y., 1965. – 335 p.
202. Bandura, A. Social foundations of thought and action: a social cognitive theory / A. Bandura. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1986. – P. 139-152.
203. Bronfenbrenner, U. The Ecology of Human Development / U. Bronfenbrenner. – 1960. – p. 142.
204. Hollander, E.P. Principles and Methods of Social Psychology / E.P. Hollander. – N.Y., 1967. – p. 12 -15.
205. Lens, W. Future Time Perspective: an individual and a societal approach / W. Lens, M. Moreas // Psychology of Future Orientation, 1994. – P. 23-38.
206. Maddi, S.R. Hardiness and Mental Health / S.R. Maddi, D.M. Khoshaba // Journal of Personality Assessment. – 1994. – Oct. – Vol. 63. – № 2. – P. 351 – 359.
207. Maslow, A. Motivation and Personality / A. Maslow. – N.Y.: Harper, 1954. – pp. 236.
208. Murray, H.A. Exploration in personality / H.A. Murray. – N.Y., 1938. – P. 11-13.
209. Seligman, M. Learned optimism / M. Seligman. – NY., 1987. – 208 p.
210. Nuttin J. Motivation et perspectives / J. Nuttin. – Louvain, 1980. – 280 p.
211. Rokeach, M. The Nature of Human Values / M. Rokeach. – L.; N.Y., 1973. – P. 7-28.
212. Ryle, A. The use of the double dyad grid in the clinical setting / A. Ryle, D. Breen // British Journal of medical Psychology. – 1972. – № 45. – P. 383-389.

213. Spence, J.T. Achievement – related motives and behavior / J.T. Spence, R.L. Helmreich / J.T Spence (Ed.), Achievement and Achievement motives: Psychological and sociological approaches. – San Francisco, 1983. – P. 7-74.

214. Zaleski, Z. Towards a Psychology of the Personal Future / Z. Zaleski // Psychology of Personal Future In Psychology of Future Orientation. – N.Y., 1994. – P. 122-124.

215. Jung, C.G. The development of personality / C.G. Jung // The collected work. V. 16. – London: Routledge and Kegan Paul, 1954. – 377 p.